

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (23)

2020

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 2-е полугодие 2020 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Гаврилова С.М. – канд. ист. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Рудов Г.А. – д-р полит. наук

Сидорова Н.П. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнгблюд В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России
www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Яковенко А.В.</i> Европа в эпоху перемен	6
<i>Логинов Б.Б.</i> Технологическая специализация стран в мировой экономике (методологические аспекты).	15
<i>Сидорова Г.М.</i> Африка в геополитической структуре XXI века	30
<i>Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я.</i> Динамика российско-американских отношений с точки зрения теории онтологической безопасности.	43

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Тимакова О.А.</i> Новая расстановка сил в Средиземноморье	68
<i>Шляхтунов А.Г.</i> Экономическая политика НАТО как фактор усиления военной мощи в Европе	81
<i>Белобров Ю.Я.</i> «Тень» НАТО над Черноморьем	92
<i>Пономарева Е.Г., Рудов Г.А.</i> НАТО – Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах	108
<i>Волков А.М.</i> Миграционные потоки в страны Северной Европы.	126
<i>Жильцов С.С.</i> Центральная Азия: особенности политического развития	143
<i>Прозорова Г.К.</i> «Периферийная стратегия» Израиля: современное видение	161
<i>Живора Л.И.</i> Эволюция геополитической ситуации в зоне Тайваньского пролива	177
<i>Бажанов Е.П., Карпович О.Г., Литвинов В.О.</i> «Революция зонтиков» в Гонконге: новая страница «цветных революций»	191

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Закаурцева Т.А.</i> Опыт реформирования консульской службы США.	204
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Гришаева Л.Е.</i> Внешнеполитическая стратегия России: концептуальные основы.	220
К сведению авторов	238

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World” is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal “The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia” may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in the Consolidated Catalogue “Press of Russia. Newspapers and Journals” for the 2nd half of 2020 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author’s interpretation. The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov, Editor-in-Chief, DSc (Political Science)
Vladimir Anikin, DSc (Economics)
Svetlana Gavrilova, PhD (History)
Oleg Ivanov, DSc (Political Science)
Tatiana Kashirina, DSc (History)
Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)
Mikhail Lipkin, DSc (History)
Alexey Mastepanov, DSc (Economics)
Mark Neimark, DSc (History)
Adelina Nogmova, PhD (Political Science)
Georgy Rudov, DSc (Political Science)
Nadezhda Sidorova, PhD (History)
Rafik Usmanov, DSc (Political Science)
Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)
Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).
Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Alexander Yakovenko.</i> Europe in an Era of Change	6
<i>Boris Loguinov.</i> Technological Specialization of Countries in Global Economy (Methodological Aspects)	15
<i>Galina Sidorova.</i> Africa in the Geopolitical Structure of the XXI Century	30
<i>Alexandra Khudaykulova, Nikita Neklyudov.</i> Dynamics of Russian-American Relations Through the Lens of Ontological Security Theory	43

REGIONAL PROBLEMS

<i>Olga Timakova.</i> New Power Balance in the Mediterranean	68
<i>Andrei Shlyachtunov.</i> NATO Economic Policy As Factor of Enhancing Military Power in Europe	81
<i>Yuriy Belobrov.</i> NATO's "Shadow" Over the Black Sea	92
<i>Elena Ponomareva, Georgij Rudov.</i> NATO – Yugoslavia: Prospects for the Alliance Expansion in the Balkans	108
<i>Aleksey Volkov.</i> Migration Flows to Nordic Countries	126
<i>Sergey Zhiltsov.</i> Central Asia: Specifics of Political Development	143
<i>Galina Prozorova.</i> "Peripheral Strategy" of Israel: Modern Vision	161
<i>Larisa Zhivora.</i> The Evolution of the Geopolitical Situation in the Taiwan Strait	177
<i>Evgeny Bazhanov, Oleg Karpovich, Valery Litvinov.</i> "The Umbrella Revolution" in Hong Kong: A New Page of "Color Revolutions"	191

HISTORY AND RELIGION

<i>Tatiana Zakaurtseva.</i> Experience in Reforming the US Consular Service	204
---	-----

ACADEMIC LIFE

<i>Lidiya Grishaeva.</i> Russia's Foreign Policy Strategy: Conceptual Framework	220
Notice to the authors	238

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Яковенко Александр Владимирович,

доктор юридических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: info.rector@dipacademy.ru

Alexander V. Yakovenko,

Doctor of Law, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: info.rector@dipacademy.ru

ЕВРОПА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН EUROPE IN AN ERA OF CHANGE

Аннотация: в статье рассматриваются основные направления политики Европейского союза на современном этапе, анализируются кризисные явления внутри ЕС. Дается характеристика современного состояния трансатлантических отношений. Особое внимание уделяется вопросу взаимодействия Евросоюза и Российской Федерации в контексте охлаждения отношений России с коллективным Западом.

Ключевые слова: Европейский союз, кризис, Брекзит, экономика, Российская Федерация, НАТО, несистемные политические партии.

Abstract: the article considers the main directions of the European Union's policy at the present stage, analyzes the crisis phenomena within the EU. The article describes the current state of transatlantic relations. Special attention is paid to the issue of interaction between the European Union and the Russian Federation in the context of cooling Russia's relations with the collective West.

Key words: European Union, crisis, Brexit, economy, Russian Federation, NATO, non-system political parties.

На шестом году обострения отношений Евросоюза с Российской Федерацией, спровоцированного украинским кризисом, становится понятным, что Россия не имеет никакого отношения к реальным проблемам объединенной Европы. Более того, есть все основания предполагать, что этот кризис – определенно, рукотворный, поскольку те, кто замыслил вовлечь Украину во все-

объемлющую и глубокую зону свободной торговли с ЕС, не могли не понимать всех последствий этой авантюры и провокации, – показал, что политизированное расширение и второстепенная роль при НАТО привели к потере Евросоюзом интеграционной динамики и практически упущенным двум десятилетиям, компенсировать которые будет проблематично. Если евроинтеграции «придавать второе дыхание», но уже на основе реалий мира после окончания холодной войны, а не продолжения следования устаревшей парадигме в качественно изменившейся среде, то потребуются смена курса всей европейской политики и комплексная переоценка роли и места ЕС в глобальной политике.

Проект «Украина», которому придали идеологическую окраску, якобы не имеющий ничего общего с экономическими и интеграционными императивами Европы, оказался чрезмерно затратным, а материал – неблагодарным. Ввязавшись в идеологические войны прошлого, когда уже нет реального противника, так как Россия вышла из идеологических «больших игр» еще 30 лет назад, ЕС, если верить бывшему вице-президенту Джо Байдену, пошел на поводу у США. Отсюда следует вывод: западный альянс как опора американской внешней политики и пресловутая западная солидарность изжили себя и потеряли свой прежний *raison d'être*. Для осознания необходимости перемен Европе понадобились Брекзит и Д. Трамп. Однако инерция идейного противостояния – а нынешние европейские элиты в отличие от прежних поколений политиков не помнят холодной войны и знают только «однополярный мир» с его тезисом о конце истории – диктует логику борьбы за выживание «либерального порядка» внутри интеграционного объединения и вовне – в глобальном мировом политическом процессе.

Неспособность отвечать на актуальные вопросы политической повестки дня и отсутствие нового взгляда на ситуацию привели к кризису элит и партийно-политических систем европейских стран. Это отразилось в росте популярности несистемных партий и движений [см. подробнее: **1**; **8**]. Падение доверия к элитам, обслуживающим их традиционным СМИ и экспертному сообществу указывает на изношенность такого ресурса манипулирования электоратом, как политтехнологии, выхолащивающие сам политический процесс и утверждающие безальтернативную,

усредненную политику на протяжении последних трех десятилетий. Лишенное своего представительства в парламентах, «молчаливое большинство» выходит на улицы, как это делают «желтые жилеты» во Франции, голосует за Брекзит в Великобритании и за несистемные партии в ряде стран ЕС.

На этом фоне антироссийская политика европейских элит приобретает новое измерение. В фокусе внимания – обвинения Москвы во вмешательстве в политические процессы в своих странах на стороне «альтернативных» политических сил. Это позволяет говорить о кризисе демократической легитимности власти, ее неверии в демократию, которая должна давать только «правильные» результаты, и об оскорблении собственного электората, который якобы не способен мыслить самостоятельно и идет на поводу у внешних сил.

Примечательно, что этот тренд западной политике был задан Демократической партией США, и именно в Америке он терпит поражение. Примеры этого – доклад спецпрокурора Р. Мюллера и провал процедуры импичмента Д. Трампа в Конгрессе. Вопреки усилиям элит рейтинг Д. Трампа вырос, и в части одобрения американцами его экономической политики он сохраняется довольно высоким. Вероятно, тема «российского вмешательства» будет продолжать разыгрываться демократами на выборах 2020 года.

Европа сегодня также находится в ожидании нового электро-раунда, имея в виду прежде всего предстоящие выборы в Германии и Франции. Торгово-экономическая политика администрации Д. Трампа, не различающей союзников и противников, подталкивает европейских лидеров задуматься о европейской оборонной идентичности и даже «европейской армии» [см. подробнее: 2–5], в целом о своей стратегической автономии. Пока существенных шагов на этом направлении не сделано. Д. Трамп требует платы за обеспечение безопасности своих европейских союзников по НАТО, и это стимулирует изучение вопроса о реальности угрозы «российской агрессии». Остается дискуссионным вопрос о том, надо ли европейцам наращивать военные расходы, имея в виду, что деньги пойдут американскому ВПК, которому в Стратегии национальной безопасности администрации Д. Трампа (декабрь 2017 г.) отводится роль ключевого механизма реиндустриализации США. Немцы – главные

«безбилетники» в западной обороне – обещали через заявление канцлера А. Меркель нарастить ассигнования на военные нужды до 1,5% ВВП (вместо требуемых 2%) к 2024 году.

Одновременно в ЕС растет понимание того, что необходимо восстановить нормальные рабочие отношения с Москвой для решения насущных для Европы международных проблем, прежде всего на Ближнем Востоке, где пошло на убыль «стратегическое внимание» за регионом со стороны Вашингтона и резко возросла модерлирующая и «разводящая» роль российской дипломатии, опирающейся на «умное» проецирование силы. В дополнение к этому США и ЕС разошлись в региональной политике с Турцией, которая при действующем руководстве считала, что не она существует для НАТО, а наоборот. Инициатором нормализации отношений с Россией стал Президент Франции Э. Макрон, который провел встречу с Президентом РФ В.В. Путиным в Брегансоне в августе 2019 года. В январе 2020 года в Москву приезжала А. Меркель, обеспокоенная проблемой Ливии, ставшей в условиях последствий западной дестабилизации воротами для иммиграционного потока из Африки и Ближнего Востока в средиземноморское «мягкое подбрюшье» Евросоюза [см. подробнее: **6**]. В итоге в Берлине прошел саммит по ливийскому урегулированию, который запустил соответствующий процесс. С другой ведущей страной ЕС – Италией – у Российской Федерации исторически сложились теплые взаимоотношения и конструктивный политический диалог. Однако если в 1930-е годы взаимопониманию с Римом мешали фашизм, Антикоминтерновский пакт и Гражданская война в Испании, то сейчас препятствием служит общая внешняя политика Евросоюза, так называемый пресловутый консенсус, в который легко войти и из которого потом трудно выйти.

Нет сомнений в том, что выход Великобритании из ЕС, состоявшийся 31 января 2020 года, если и не ставит по-новому вопрос о назревшем обновлении всей европейской политики, обремененной институтами и стратегиями ушедшей эпохи, а все они оказались заточенными на пресловутое «сдерживание России», то, по крайней мере, намекает на такую необходимость. Великобритания занимала в ЕС особое место (вне Шенгена и зоны евро) и заметно препятствовала интеграционным процессам.

После выхода Соединенного Королевства из Европейского союза континентальная Европа будет более свободна в своем движении по пути углубления интеграции – открытым остается лишь вопрос в том, насколько «остальная Европа» к этому готова. Многие будут зависеть от франко-германского тандема, который в настоящее время подвержен серьезным противоречиям. Если Э. Макрону «нечего терять», то политически усталой Большой коалиции в ФРГ практически невозможно сменить курс и подписаться на создание полноценного банковского союза, включая коллективизацию долговых обязательств, фискального союза и общей экономической политики. Без этого, по мнению большинства экономистов, еврозона не может долго функционировать и будет идти от кризиса к кризису. Это наглядно продемонстрировал греческий кризис, буквально «залитый» деньгами, которые на 90% пошли на выплату долгов европейским банкам, прежде всего германским (которые, таким образом, были освобождены от ответственности нести риски), и почти вдвое увеличили суверенный долг Афин, ставший неподъемным.

Германия со своей экономикой, ориентированной на экспорт, извлекает наибольшие преимущества из существования валютного союза. В Евросоюзе просто нет места для второй такой экономики. Поэтому трудно не согласиться с теми немецкими экспертами, которые квалифицируют еврозону как «случайную империю Германии», или «Четвертый (экономический) рейх». Как известно, за империю надо платить, что нынешние германские элиты пока не хотят понять. Будущее покажет, смогут ли германские элиты трезво оценить ситуацию и разрешить дилемму – или резкая смена курса в сторону углубления интеграции (пусть с урезанной географией еврозоны), или развал валютного союза с катастрофическими последствиями для своей экономики.

Рецессия уже обозначилась в экономике ФРГ и ЕС в целом, а крах еврозоны означал бы резкий рост курса марки (как минимум, в 2 раза по отношению к евро). Политика Д. Трампа детерминирована точкой зрения на Германию как на главного торгово-экономического конкурента, а евро при этом рассматривается как своего рода «марка в овечьей шкуре», то есть способ манипулирования Берлином, используя курс своей валюты. Можно ожидать, что, как только Вашингтон «разрешит» свои насущные про-

тиворечия с Пекином, он вплотную займется возобновившимся в Европе германским вопросом. Скорее всего, это произойдет после ожидаемого переизбрания Д. Трампа на ноябрьских выборах 2020 года. До этого стратегия развязывания торговых и валютных войн будет продолжаться, чтобы не допустить обвала фондовых рынков и заручиться участием ЕС в технологической изоляции Пекина, прежде всего в сфере информационных технологий («Хуавэй» и др.).

Необходимо учитывать то, как будет разыгран англосаксами фактор Брексита в оставшееся до 1 января 2021 года время, то есть в переходный период, отведенный по Соглашению о выходе из ЕС на переговоры между Лондоном и Брюсселем о формате будущих постоянных отношений между ними и который Б. Джонсон не намерен продлевать, что закреплено в соответствующем Законе. Лондон высказывается в пользу соглашения о свободной торговле по образцу недавно заключенного между ЕС и Канадой. Одновременно Вашингтон намерен провести переговоры о заключении двустороннего торгового соглашения с Великобританией (об этом в январе 2020 г. заявил министр финансов США С. Мнучин). Это трудно расценивать иначе как попытку поддержки «британских кузенов» и давления на ЕС. Конечно, между партнерами по «особым отношениям» будут оставаться существенные разногласия, вызванные, в том числе, решением Лондона допустить «Хуавэй» к ограниченному участию в создании национальной сети 5G-связи и его нежеланием допустить на свой рынок ряд американских продуктов.

Как заявил глава переговорной команды ЕС М. Барнье, для Брюсселя наиболее важно сохранить равные условия конкуренции с Великобританией, а точнее, чтобы Лондон отказался от таких мер, как понижение налогов на бизнес (администрация Трампа это сделала два года назад). Соответствующее положение по настоянию Б. Джонсона было перенесено из юридически обязывающего текста Соглашения о выходе в Политическую декларацию о намерениях сторон в отношении характера их будущих отношений. Пока британский премьер, одержавший убедительную победу на декабрьских выборах 2019 года (а это значит, что Европе придется иметь с ним дело целых пять лет), заявил, что не намерен следовать правилам ЕС – иначе зачем было раз-

водиться? И это в дополнение к такому рычагу, как угроза завершения переходного периода без нового соглашения между сторонами, что чревато серьезным взаимным ущербом, на что ЕС как более ответственная сторона вряд ли пойдет.

Таким образом, в Евроатлантике формируется прежний антагонизм между англо-американцами и немцами / континентальной Европой, который на этот раз приобретает сугубо коммерческий характер. Свидетельством тому является и упорное стремление Вашингтона вопреки ясно выраженной воле Берлина «остановить» реализацию проекта газопровода «Северный поток – 2». Примечательно, что это происходит на общем фоне ухода США в неоизоляционизм, в том числе в форме «транзакционной дипломатии», которая противостоит сложившемуся международному правопорядку с его общими для всех нормами и обязательствами. Очевидно, что кардинально меняется облик самой Европы.

Однако проблема для Европы и всей европейской политики стоит значительно глубже. В докладе очередной Мюнхенской конференции по безопасности, который был призван запустить дискуссию, есть ссылки на широко распространенное мнение о «загнивании Западного проекта». Авторы доклада пишут о «незападности» современного мира, когда даже в самих западных странах нет согласия о том, что означает быть частью Запада. В предисловии к докладу председатель Мюнхенской конференции В. Ишингер упоминает работу О. Шпенглера столетней давности «Закат Западного мира» [9]. В ней, в частности, содержится прогноз о том, что в 2000–2200 годах на Западе будет наблюдаться «всё более примитивный характер политических форм», а после 2200 года предсказывается «медленное проникновение первобытных состояний в высокоцивилизованный образ жизни». История XX века и века нынешнего, в особенности страницы фашизма и нацизма, показывает, что произошло ускорение, и оба тренда смешались. Решать проблемы Запада придется в рамках всей Европейской цивилизации, для чего потребуются восстановить ее давно утерянное единство.

В данном контексте назрел кардинальный пересмотр со стороны ЕС своей инерционной политики в отношении России. Отношения ЕС – Россия, как, впрочем, и Великобритания – Россия,

оказались сведены к минимуму, их дальнейшая деградация вряд ли возможна. Поэтому правы те эксперты, которые считают, что строительство позитивных, устремленных в будущее отношений с Россией возможно только на основе общих интересов. Дело за Евросоюзом, собственные проблемы которого, очевидно, легче разрешались / купировались бы в более широких, общеевропейских рамках с участием «остальной Европы» и, прежде всего, России. В пользу прагматизма говорит и то, что общими для всех государств, включая западные, стали проблемы развития. В конце концов, нынешняя кризисная ситуация в ЕС, неслучайно совпавшая с кризисом в отношениях с Москвой, стала продуктом политизированных и идеологизированных подходов к европейскому строительству, о которых и надо судить по их горьким «плодам».

Претензия нынешних европейских элит на универсальность своих ценностей не только отрицается на политической практике их собственным электоратом, но и прямо противостоит базовым постулатам постмодернизма, извлекающего уроки из европейских трагедий XX века. С концом не истории, а метанарративов в их идеологическом обличье в европейской политике наступает время прагматичных подходов, общим знаменателем которых могут служить лишь проверенные веками базовые ценности межгосударственных отношений, закрепленные в Уставе ООН. Собственно, подтвердить приверженность им и могли бы лидеры «пятерки» постоянных членов Совета Безопасности ООН на встрече, с инициативой проведения которой выступил Президент РФ В.В. Путин.

Литература

1. *Гаврилова С.М.* Кризис традиционных политических сил и рост популярности «политической альтернативы» в Европе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2019. – № 2 (20). – С. 78–89.
2. *Громько Ал.А.* Дилеммы европейского оборонного союза // Контуры глобальных цивилизаций. – Т. 12. – 2019. – № 2. – С. 6–28.
3. Европа в эпоху перемен / отв. ред. Т.В. Зверева. – М.: Дипломатическая академия, 2017. – 483 с.
4. Европа между трех океанов: монография. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – 608 с.
5. Европейский союз: факты и комментарии [Электронное издание] / Центр документации ЕС Ин-та Европы РАН. – URL: <http://www.edc-aes.ru/ru/union/>.
6. *Зверева Т.В.* Миграционная политика ЕС на современном этапе // Дипломатическая служба. – 2019. – № 4. – С. 38–45.
7. Мировая политика в фокусе современности / отв. ред. М.А. Неймарк. – 2-е изд. – М., 2019. – 515 с.

8. *Осколков П.В.* Правый популизм в Европейской союзе: монография. – М.: Ин-т Европы РАН, 2019. – 164 с.
9. Munich Security Report 2019 / Munich Security Conference. – URL: <https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2019/> (accessed: 25.02.2020).

Логинов Борис Борисович,

кандидат экономических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Государственный университет управления,
Москва.

E-mail: loguinov_boris@mail.ru

Boris B. Loguinov,

Phd in Economics,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
State University of Management,
Moscow.

E-mail: loguinov_boris@mail.ru

**ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ
СТРАН В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ
(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

**TECHNOLOGICAL SPECIALIZATION OF COUNTRIES
IN GLOBAL ECONOMY (METHODOLOGICAL ASPECTS)**

Аннотация: ключевым элементом развития современной мировой экономики выступают инновации и высокие технологии. Они обеспечивают победу компаниям в конкурентной борьбе на мировых рынках. В то же время в национальных и международных правовых актах, а также в статистических методиках отсутствуют однозначные определения этих понятий. К примеру, в российском законодательстве существует лишь неспорный перечень объектов, относящихся к технологиям вообще и высоким технологиям в частности, без указания и объяснения критериев. Между тем необходимы четкое понимание сути и условий высокотехнологичного развития российской экономики, целенаправленный поиск своей специализации в области исследований и разработок. Технологическую специализацию страны следует отличать от производственной и экспортной, хотя они связаны между собой. У отдельных стран, таких как США, Китай, эти виды специализации максимально близки, у других они отличаются. Автор делает попытку объяснить этот феномен.

Ключевые слова: технология, высокие технологии, инновации, НИОКР, специализация, геоэкономика, технологический платежный баланс.

Abstract: innovations and high technologies are a key point in the development of the contemporary global economy. They ensure the victory to companies in the competition on the global markets. At the same time, national and international legal acts as well as statistical methodology do not contain unanimous definitions of these terms. For instance, we will find just debatable list of objects related to technologies in general and high technologies in particular in the Russian legislation without indication and explanation of criteria. Meanwhile, we need to clearly understand the essence and conditions of high technological development of russian economy, task-oriented search of our own specialization in the field of researches and development. It's necessary to distinguish technological specialization from specialization of production and

export, although they are connected to each other. These types of specializations for individual countries like China and the USA are as close as possible, they differ in other countries. The author tries to explain this phenomenon.

Key words: technology, high technology, innovation, R&D, specialization, geoeconomics, technological balance of payment.

Инновационное развитие национальной экономики сопряжено с поиском своей технологической ниши на глобальном рынке. Правильный выбор и дальнейшее таргетирование технологической специализации позволяют государству, исследователям и разработчикам, экономическим операторам сконцентрировать ресурсы на выбранных направлениях.

Особое значение технологическая специализация страны имеет в условиях обострения геэкономических войн. Под удар такого противостояния, как можно было неоднократно убедиться, попадают наиболее перспективные в инновационном плане отрасли и компании, выходящие на передний край конкурентной борьбы. В связи с этим вспоминаются: рестрикции США в отношении «Huawei», одного из крупнейших в мире производителей электроники, продвигающего технологию 5G; проводимые в США расследования в отношении Лаборатории Касперского (Россия), чьи антивирусные продукты стали широко использоваться даже в госучреждениях США; антимонопольные дела, заведенные против Google и Facebook в Евросоюзе; и др.

Прежде всего, необходимо определиться с терминологией, поскольку заложенный в те или иные понятия смысл в дальнейшем влияет на полноту и точность статистических данных и аналитических оценок. При необычайно широком использовании в наши дни слов «технология», «технологический» (уклад, например), «высокотехнологичный продукт» единообразного толкования базового понятия «технология» нет ни в национальных законодательствах или международных правовых актах, ни в методиках статистических наблюдений, ни в докладах международных организаций.

В части четвертой ГК РФ, в которой собрано всё, что касается отношений интеллектуальной собственности, есть единственное упоминание рассматриваемого понятия в контексте «единой технологии». Статьи 1542 и 1543 указывают на увязку и сочетание в составе этой категории таких элементов, как «изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ

или другие результаты интеллектуальной деятельности», которые «могут служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере» [1]. То есть законодатель определяет технологию через технологическую применимость некоего перечня объектов в практической сфере. Вероятно, не самый лучший вариант правовой дефиниции. В методиках Росстата всё также ограничивается перечнем входящих в технологию объектов, при этом перечень этих объектов в некоторых случаях вызывает недоумение (табл. 1).

Таблица 1

Торговля технологиями Российской Федерации с зарубежными странами по объектам сделок в 2018 г. [9, с. 402]

Наименование объектов сделок	Экспорт			Импорт		
	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, млн долл. США	Поступление средств за год, млн долл. США	Число соглашений	Стоимость предмета соглашения, млн долл. США	Выплаты средств за год, млн долл. США
Всего	3033	32 369	1405	4914	16 471	3065
в том числе по объектам сделок:						
Патент на изобретение	6	1,0	0,2	72	99,6	28,4
в том числе патент на селекционное достижение	1	0,0	0,0	16	1,2	0,7
Патентная лицензия на изобретение	130	318	13,4	199	659	239
Полезная модель	6	4,5	4,5	19	20,7	11,5
Ноу-хау	74	25,8	9,3	159	501	274
Товарный знак	46	9,1	4,9	366	1024	521
Промышленный образец	6	0,5	0,4	25	3,4	1,7
Инжиниринговые услуги	1030	30 932	723	2351	12 941	1407
Научные исследования	1049	758	414	543	234	107
Прочие	685	320	236	1174	983	472

Помимо патентов, лицензий, ноу-хау, полезных моделей в состав технологических объектов включены инжиниринговые услуги, а также научные исследования. Существуют, однако, и другие виды услуг, представляющие собой процесс приращения знаний, например консалтинг. Сами по себе услуги в статистических, аналитических, правовых документах должны быть отделены от технологий, поскольку в экономической науке это – результат

производственной деятельности, нематериальная продукция, а не актив, используемый для осуществления производственной деятельности, хотя технологии тоже нематериальны. Неправильно относить к технологиям и научные исследования, поскольку это не сами технологии, а деятельность, которая в дальнейшем приводит к созданию технологий [7, с. 307].

«Высокотехнологичный» – это еще один термин, требующий уточнения и используемый в качестве характеристики отрасли, продукции, производства. Строго говоря, это – одна из трех (или четырех) возможных разновидностей уровня технологичности национального производства или отраслей. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в такой классификации выделяет четыре вида: высокие, средневысокие, средненизкие, низкие технологии [2]. Организация ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) выделяет три разновидности, объединяя высокие и средневысокие в одну категорию [3]. В основе данной классификации международных организаций лежит критерий интенсивности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Критерий небесспорный, но объективный – он имеет четкую математическую формулу. Вплоть до конца 2000-х годов интенсивность НИОКР (R&D intensity) определялась как отношение расходов на НИОКР отрасли (производства, отдельного предприятия) к валовому выпуску продукции. Высокотехнологичной продукцией была та, в которой интенсивность НИОКР превышала 5%, а именно продукция авиакосмического производства, фармацевтика, офисное и компьютерное оборудование, телекоммуникационное оборудование, медицинские, оптические и высокоточные инструменты. С конца 2000-х годов эта формула была пересмотрена, расходы на НИОКР стали соотносить с валовой добавленной стоимостью, а не со всей стоимостью выпускаемой продукции. Это позволяет сегодня точнее определять технологичность отдельных отраслей и производств, поскольку в любой продукции есть вклад и затраты многих производителей, а не только того, который выпускает продукцию на рынок.

В то же время рассматриваемый критерий имеет несколько недостатков. Дело в том, что технологичность отрасли определяется не только интенсивностью НИОКР, проводимых самими

предприятиями данной отрасли, но и уровнем технологичности оборудования и инструментов, которые были использованы, но произведены в других отраслях. Кроме того, внутри одной отрасли технологический уровень предприятий существенно различается. Так, интенсивность НИОКР крупнейших автомобильных компаний в 2018 году была приблизительно на одном уровне: у «Toyota» – 3,9%, у «General Motors» – 5,0%, у «Ford» – 5,1%, у «Volkswagen» – 5,7% [12, с. 32]. А у производителей компьютеров и электроники интенсивность НИОКР различается в разы: у «Apple Inc.» – 5,1%, у «Samsung Electronics» – 6,8%, у «Intel Corporation» – 20,9%. Заметим, что степень технологичности продукции здесь определяется по затратам на исследования внутри отдельных компаний без сравнения функциональности, потребительской ценности производимой продукции разными компаниями друг с другом.

Есть еще один недостаток этого показателя – изменение отраслевой интенсивности НИОКР во времени. Например, значение данного показателя в США при измерении по валовому выпуску за период с 1995 по 2007 год (до начала мирового кризиса) в самых высокотехнологичных отраслях менялось неодинаково: в фармацевтике выросло вдвое – с 12,94 до 26,57%, в производстве радио-, телевизионного и коммуникационного оборудования оно тоже выросло вдвое – с 7,95 до 15,72%, а вот в авиакосмическом производстве значение сократилось с 17,73 до 9,9% [10]. А ведь речь идет о мировом технологическом лидере в названных отраслях. Здесь напрашивается важный вывод, что даже в наиболее развитых в технологическом плане державах степень технологичности производства, отраслей может меняться и меняться существенно. Если устанавливать пороговые значения для групп высоких, средних и низких технологий, то отдельные отрасли могут мигрировать из одной группы в другую. Например, сейчас какая-то отрасль относится к высокотехнологичным, а в дальнейшем может опуститься в категорию средневысоких или средненизких.

В методологическом плане возникает еще одна сложность: уровень технологичности одной и той же отрасли в разных странах может значительно отличаться. Авиакосмическое производство как отрасль экономики развивается в небольшом количестве

стран, и значение интенсивности НИОКР предприятий-участников очень близки, чего не скажешь об индустрии финансовых услуг. Последняя, как известно, может работать с использованием банками, страховыми компаниями классических технологий проведения платежей, депозитных, кредитных операций, а может идти вперед очень быстро на основе цифровых финансовых технологий (финтех), биометрических данных клиентов, роботов – биржевых трейдеров и т.д. [см. подробнее: 4]. Большой разброс значений рассматриваемого показателя наблюдается также в издательской индустрии, производстве компьютерной техники и многих других. Данная проблема существенно усложняет задачу поиска эффективной технологической специализации страны, ведь оказывается, что в мире нет отраслей и производств, неизменно являющихся абсолютными лидерами в области высоких технологий, да еще и в раз и навсегда сформированной общемировой иерархии.

В методике Росстата указанный критерий уровня технологичности отраслей и производств упоминается и используется, а вот правовые акты Российской Федерации его практически полностью игнорируют. В постановлении Правительства РФ от 15 июня 2019 г. № 773 «О критериях отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции» вместо того, чтобы четко назвать эти критерии, приводятся лишь требования к ним: «учитывать экономическую эффективность применения продукции, означающую прогнозируемое снижение затрат на решение задач», «учитывать новизну продукции», «соответствовать приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации и (или) перечню критических технологий Российской Федерации» [8]. Иными словами, те разработки, которые включены в перечень высокотехнологичных, и являются с точки зрения Правительства высокотехнологичными решениями и видами продукции. Таким образом, объективные и математически рассчитываемые критерии остались вне правовых рамок этого и связанных с ним документов. Что касается критерия новизны, то новизна определяется исключительно по российским реестрам. Для того чтобы быть в лидерах на мировых рынках, необходимо учитывать новизну, имея в виду наличие или отсутствие зарубежных аналогов. Конеч-

но, в этом случае задача государственных органов существенно усложняется. Даже патентные ведомства разных стран не имеют единой классификации изобретений, но стремятся создать такую. При желании решение этой проблемы может быть найдено, например, через проведение экспертизы международной новизны продукции, заказав ее у коммерческих агентств, проводящих международные маркетинговые исследования.

Следующий термин – «технологическая специализация страны». Каков его экономический смысл? Одна из ключевых задач здесь заключается в отделении специализации на исследованиях и разработках от производственной (продуктовой) и внешнеторговой, хотя последние нередко являются производными от первого. Более того, одна из задач концентрации усилий национальных субъектов на отдельных технологических новациях состоит в их дальнейшем использовании в производственной сфере и продаже продукции на мировых рынках.

Технологическая специализация не означает полного отказа и, тем более, запрета со стороны государства на проведение исследований и разработок в других областях. Правительство лишь определяет области науки и технологий, в которых будут предоставлены бюджетное финансирование НИР, гранты ученым, госзаказ на производство инновационной продукции.

Вопросы, которые должны быть решены в процессе поиска своей технологической ниши, следующие.

1. Создание эффективного механизма отбора направлений технологического развития страны, имеющих, с одной стороны, высокий потенциал роста на мировом рынке и, с другой стороны, максимальный задел в стране: патентно-публикационные достижения, кадровая база и формы коммерциализации, развитие связанных институтов и смежных с данной сферой областей. Создание с нуля новых направлений исследований и разработок будет тормозиться временными задержками, необходимыми для подготовки кадров, закупки лабораторного оборудования и др.

Данный механизм должен включать в себя:

- а) обоснованные критерии перспективности новых технологий на мировом рынке, такие как продолжительность жизненного цикла, емкость рынка выбранных технологий (по стоимости или в единицах продукции), темпы роста рынка и др.;

б) институциональное обеспечение или, иными словами, какие государственные и негосударственные организации проводят экспертизу и кто должен осуществлять отбор: институты, ученые, аналитики с самой высокой компетенцией;

в) периодичность пересмотра (ревизии) технологических направлений развития.

2. Разработка комплексного пакета мер поддержки выбранной специализации: увеличение бюджетных мест в вузах и профессиональных учебных заведениях по отобранным специальностям, гранты, награды ученым, госфинансирование НИР.

3. Разработка дорожной карты с целевыми показателями достижений технологической специализации.

4. Мониторинг выполнения целевых параметров и этапов реализации дорожной карты.

Участие страны в геэкономических войнах ставит дополнительные многоуровневые задачи для поиска и достижения технологической специализации. Одна из них – определение степени открытости информационных источников о технологической специализации страны. Как известно, открытость планов для противника в условиях обычных военных действий дает ему преимущества: заранее подготовиться к возможному удару, перегруппироваться, подтянуть дополнительные силы и т.д. Вместе с тем речь идет о технологической специализации, главным образом, гражданской экономики. Достигнутые успехи национальных компаний оценивает рынок, прежде всего по таким параметрам, как объем продаж продукции определенного технологического направления; финансовые результаты этих компаний – рыночная капитализация, размер активов. Понятно, что такие результаты вряд ли можно засекретить. Вместе с тем выделяемое госфинансирование по прорывным технологическим направлениям вряд ли стоит детализировать в открытых источниках, даже если есть речь идет о гражданских НИОКР.

Следующий непростой вопрос: возможна ли кооперация с другими странами для достижения запланированной технологической специализации национальной экономики? Контраргументом положительному ответу может быть утверждение о том, что на мировом рынке каждый сам за себя. Как бы то ни было в конечном счете потребитель выбирает нужный ему техноло-

гический продукт только у одной компании. При этом, конечно, ни корпоративные, ни страновые альянсы не могут быть полностью исключены из стратегических планов развития национальной технологической специализации. В мире есть достаточно много примеров совместного достижения технологических целей. Яркими примерами являются успехи межстрановой кооперации многонациональной корпорации «Airbus», научные исследования в рамках международного проекта Большого андронного коллайдера, международной космической станции.

Вопрос технологической кооперации для изготовления продукции «последней мили», то есть для конечных потребителей, чаще всего выливается в форму аутсорсинговых заказов, работу с подрядчиками и субподрядчиками (субконтрактами), когда выигрывает и получает наибольшую часть прибыли, рынка, известность в конечном счете компания-заказчик. Именно она выпускает продукт с полученными от разных компаний и стран технологическими решениями под своим брендом. Такое сокрытие своих технологических партнеров-поставщиков – еще один повод тщательно продумывать характер и глубину технологических связей.

Кроме того, необходимо определить роль глобальной мобильности источников создания технологий: в какой степени следует опираться в развитии национальной технологической специализации на заимствованные технологии (приобретение лицензий и/или патентов), привлечение высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, корпоративные центры исследований и разработок иностранных высокотехнологических компаний.

С учетом вышесказанного целесообразно рассмотреть, как складывается к настоящему моменту технологическая специализация стран и по каким параметрам ее можно оценить. Технологическая специализация стран тесно связана с их производственной и внешнеторговой специализацией, хотя это и не одно и то же. Первая означает концентрацию интеллектуального потенциала страны на исследованиях и разработках конкретной отраслевой направленности. Производственную специализацию страны можно определить по отраслям с наибольшим вкладом в валовую добавленную стоимость (ВВП), а внешнеторговую специализацию – по отраслям с наиболее крупными экспортными доходами.

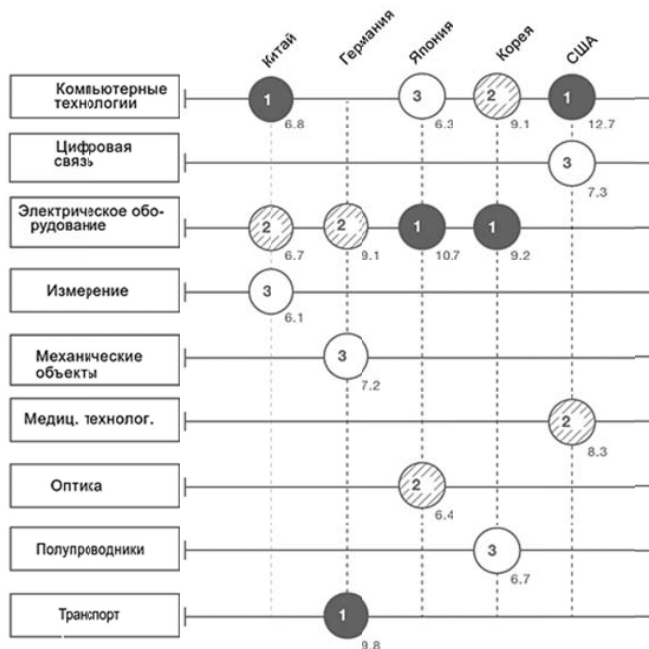

Рис. 1. Технологическая специализация стран по числу патентных заявок в 2013–2015 гг. [16]

Аналитическая компания «McKinsey & Company» складывает и производственную, и внешнеторговую специализацию, под- считывая показатель *торговой интенсивности*, суммируя доли экспорта продукции конкретной отрасли с импортом и частью ВВП, созданной производителями данной отрасли. В страновом разрезе картина складывается следующим образом:

- Япония: автопроизводство – 33%;
- Италия: машины и оборудование – 59%;
- Южная Корея: компьютеры и электроника – 78%;
- Германия: продукция автомобильной промышленности об- ладает наиболее высокой торговой интенсивностью – 83%;
- Ирландия: фармацевтика – 125%;
- Голландия: химическая продукция – 175%;
- Сингапур: компьютерная продукция – 278% [13, р. 19].

Если же отдельно говорить об экспортной товарной специа- лизации стран, то в 2018 году у Китая и Южной Кореи первые две строчки занимали электронные и электрические детали и элек- трическое оборудование (в сумме – около 1/3 и 1/2 всего экс-

порта этих стран соответственно), у Германии и Японии – электрическое оборудование и автомобили (1/4 и 1/3 всего экспорта соответственно), у США – электронные и электрические детали, нефть и нефтепродукты (1/5 всего экспорта). Нефтяной экспорт США – вторая по значимости товарная группа благодаря сланцевой революции, радикально изменившей экспортную специализацию страны: данная категория товаров выросла с менее чем 2% в 1990-х и 2000-х годах до 10% в 2018 году [11].

Укрупненно специализацию стран на отдельных видах технологий можно проследить по количеству поданных патентных заявок по Вашингтонскому договору о патентной кооперации¹ 1970 года (рис. 1), публикационной активности ученых и исследователей – относительное доминирование отдельных научно-технических областей в национальных и международных публикациях ученых, а также по количеству ссылок на статьи в научно-исследовательских журналах в международных индексах цитирования.

В большинстве случаев технологическая специализация совпадает с производственной (торговой): у Германии патенты в области транспорта занимают первую строчку в обоих случаях; у Японии уже наблюдается некоторое расхождение – первое место в патентовании принадлежит не изобретениям в области автопрома, а электрическому и энергетическому оборудованию; у Южной Кореи отмечается почти полное совпадение: торговая и технологическая специализация на компьютерных технологиях, – однако в патентовании они идут на втором месте.

В 2018 году резиденты РФ подали около 1 тыс. патентных заявок в зарубежные патентные ведомства по системе Патентной кооперации РСТ. Большая их доля пришлась на медицинские (71), инженерно-строительные (63), транспортные технологии (62), двигатели, турбины, насосы (57). Экспортная же специализация Российской Федерации хорошо известна – нефтегазовая продукция (около 1/2 всего экспорта) [11].

Несоответствие областей технологических разработок и производственно-торговой специализации стран в мировой экономике можно объяснить следующими факторами:

– патентной и исследовательской активностью иностранных ТНК, которые в ряде стран вносят существенный вклад в сово-

¹ Patent Cooperation Treaty (PCT). Washington, 1970.

купное количество выдаваемых патентов. Например, в Индии и Израиле доля нерезидентов в суммарном количестве выдаваемых патентов – порядка 85%, в Канаде она приближается к 90%, в Австралии – около 95% [16, с. 50; 17]. Такая деятельность иностранных патентозаявителей может не соответствовать производственной и экспортной ориентации всей национальной экономики. Кроме того, она может не совпадать с направлениями разработки технологий отечественных исследователей и конструкторов. Поэтому более точные данные для анализа технологической специализации страны дает информация о подаче заявок и полученных патентах за рубежом по системе Вашингтонского договора о патентной кооперации (Patent Cooperation Treaty, PCT);

– активными покупками технологий за рубежом и выстраиванием на этой основе национального производства и экспортной специализации, что является еще одной возможной причиной отклонения от технологической специализации страны, когда отечественные изобретатели и исследователи работают в большинстве своем в других областях. В аналитическом плане степень заимствований иностранных разработок показывает технологический платежный баланс (ТПБ), составляемый по методике ОЭСР [5, с. 120–123; 6, с. 356–357; 14]. Он рассчитывается по заключенным сделкам между резидентами и нерезидентами: при покупке-продаже технических знаний, содержащихся в патентах, лицензиях, ноу-хау; лицензировании, франчайзинге дизайна, фирменного наименования, образцов; оказании услуг технического характера, включающих в себя опытно-конструкторские разработки, а также техническую помощь; проведении отраслевых научно-исследовательских работ по международным договорам. Среди стран – чистых покупателей технологий за рубежом (экспорт минус импорт технологий по суммарному стоимостному объему составляет отрицательную величину) можно назвать Австралию, Венгрию, Италию, Мексику, Польшу, Сингапур, Швейцарию, Южную Корею. ТПБ Российской Федерации также имеет хронический дефицит: покупка иностранных технологий в 2 раза превышает продажи своих технологий за рубеж. В 2018 году (см. табл. 1) 72 патента были куплены в других странах и только 6 патентов проданы иностранцам, 199 лицензий

были получены и 130 предоставлены иностранным пользователям. При таком перекосе в российском ТПБ в сторону иностранных разработчиков единственная статья, которая на протяжении последних более чем 20 лет имеет устойчивое положительное сальдо, – научные исследования, проводимые для иностранных заказчиков. Вряд ли их можно назвать большим достижением, так как научные работы в большей степени имеют теоретический характер, а разработки практических решений – конструкторские изыскания, которые максимально близки к коммерческой фазе, а именно продаже инновационной продукции на рынке – не относятся к этой деятельности и осуществляются на базе отечественных научных исследований зарубежными инженерами в зарубежных государствах. Иностранные компании как раз и получают максимальную рыночную выгоду от работы российских ученых;

– оторванностью научно-технической сферы от производства или, говоря иначе, неготовностью промышленно-производственной базы использовать создаваемые технологии.

Заключение

Краткий обзор методов и результатов технологической специализации стран в мировом хозяйстве позволил установить несколько не разрешенных до конца проблем. Первая – терминологическая: как определить, что такое технология, и как установить степень технологичности отрасли, производства, компании? Нарботанные к настоящему времени инструменты и подходы, мягко говоря, не безупречны. Вторая проблема – управленческая: как найти нужную специализацию для национальной экономики? Как добиться того, чтобы сосредоточение кадрового, финансового, институционального ресурса на отдельных прорывных технологических направлениях дало свой результат, оцениваемый в нескольких пунктах ежегодного экономического роста, а также роста национального дохода на душу населения?

Наконец, за рамками настоящего исследования остается не менее важный, чем поднятые выше, вопрос: нужно ли правительству и отдельным государственным органам страны в принципе искать и поддерживать определенную специализацию отечественных исследователей и разработчиков? Почти во всех

развитых странах технологическая сфера финансируется частным бизнесом [15], именно он и ищет свою технологическую и продуктовую нишу, концентрирует свой кадровый и интеллектуальный ресурс на тех областях, которые интересны и важны потребителю. Не подменяются ли рыночные силы возможностями государственного аппарата принимать «единственно верные» управленческие решения? Ответ на данный вопрос не так очевиден. В ведущих западных странах в последние годы четко наблюдается поднимающаяся волна делиберализации с более активным участием государственного сектора в экономике, во всех ее сферах, а, кроме того, в нашей стране НИОКР – это в большей степени усилия государства, чем бизнеса с точки зрения финансовых затрат, количества НИИ, места работы ученых и проведения самих исследований. В этих условиях (пока они кардинально не изменились) технологическая специализация – в большей степени государственная задача, чем задача бизнеса.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. – Часть четвертая. – Ст. 1542.
2. Классификация ОЭСР структуры экспорта. – URL: https://stats.oecd.org/oecdstat_metadata/ShowMetadata.ashx?Dataset=CSP6&Coords=%5BSUB%5D.%5BHTEXPORT%5D&Lang=en (дата обращения: 06.10.2019).
3. Классификация ЮНИДО промышленных секторов. – URL: <https://stat.unido.org/content/focus/classification-of-manufacturing-sectors-by-technological-intensity-%2528isic-revision-4%2529;jsessionid=4DB1A3A5812144CAC956F4B8137C1CF> (дата обращения: 05.10.2019).
4. *Логинов Б.Б.* Роль искусственного интеллекта в мировом развитии (финансовый аспект) // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2018. – № 1 (15). – С. 13–20.
5. *Логинов Б.Б., Руднева А.О.* Международные факторы производства в национальных экономиках: монография. – М.: ИНФРА-М, 2016. – URL: <http://znanium.com/bookread2.php?book=502363> (дата обращения: 05.10.2019).
6. Международные экономические отношения: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям / под ред. В.Е. Рыбалкина, В.Б. Мантусова. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018.
7. Мировая экономика / под ред. Ю.А. Щербанина. – 5-е изд. – М.: ЮНИТИ, 2019.
8. Постановление Правительства РФ от 15.06.2019 № 773 «О критериях отнесения товаров, работ, услуг к инновационной продукции и (или) высокотехнологичной продукции». – П. 4 Требований.
9. Россия в цифрах. 2019: крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2019. – 549 с.
10. Статистический портал ОЭСР. – URL: <https://stats.oecd.org> (дата обращения: 05.10.2019).
11. Статистический портал ЮНКТАД. – URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/> (accessed: 05.10.2019).
12. 2018 Global Innovation 1000. PWC. October 2018. – URL: <https://www.strategyand.pwc.com/gx/en/innovation1000/2018-global-innovation-1000-fact-pack.pdf> (accessed: 05.10.2019).

13. McKinsey Global Institute. Globalization in transition: The future of trade and value chains. 2019. – URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/innovation-and-growth/globalization-in-transition-the-future-of-trade-and-value-chains> (accessed: 05.10.2019).
14. OECD Main science and technology indicators. 2018.
15. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard. 2018.
16. WIPO IP Facts and Figures. 2018. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_943_2018.pdf (accessed: 05.10.2019).
17. WIPO World Intellectual Property Indicators. 2017. – URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2017.pdf (accessed: 05.10.2019).

Сидорова Галина Михайловна,

доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Московский государственный лингвистический университет,
Институт Африки РАН, Москва.
E-mail: gal_sid@mail.ru

Galina M. Sidorova,

Doctor of Political Sciences (Dr. Habil),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow State Linguistic University,
Institute for African Studies, Moscow.
E-mail: gal_sid@mail.ru

АФРИКА В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ XXI ВЕКА

AFRICA IN THE GEOPOLITICAL STRUCTURE OF THE XXI CENTURY

Аннотация: целями данного исследования являются анализ современных политических процессов в африканских государствах, их роли в обеспечении международной безопасности, а также исследование ресурсного потенциала этих стран. С учетом активизации ряда африканских государств в мировых политических и экономических процессах поставлена также цель определения перспектив взаимодействия России со странами Африки. Используя методы ивент-анализа, сравнительной политологии, а также анализа и синтеза, показано, что африканские страны играют важную роль в ресурсном обеспечении стратегических и инновационных технологий Европы, Америки и стран Востока. В свете решений саммита «Россия – Африка» в Сочи в октябре 2019 года, ставшего поворотным пунктом для реализации новой стратегии Москвы по «возвращению» страны в Африку, доказан тезис о необходимости диверсификации взаимоотношений с Африканским континентом. Благодаря выработанной стратегии сотрудничества присутствие России и россиян в Африке становится комплексным и многогранным. Автор приходит к выводу о том, что интерес к Африке в России возрастает. Россия остается для африканских лидеров одной из главных сил в мировой политике. Ключевой вопрос для африканских партнеров – привлечь внимание России к преимуществам своих стран.

Ключевые слова: Россия, Африка, политический процесс, международные отношения, военное сотрудничество, полезные ископаемые, ООН, миротворчество.

Abstract: the purpose of this study is to analyze current political processes in African States, their role in ensuring international security, and to study the resource potential of these countries. Taking into consideration the fact that African involvement into global political and economic processes has become much more intense, the study is also aimed to define prospects of interaction between Russia and African States. Using the methods of event analysis, comparative political science as well as analysis and synthesis it is shown that African countries play an important role in providing resources for strategic and innovative technologies in Europe, America and the countries of the East. «Russia – Africa» Summit held in Sochi in October 2019 has

become a turning point in implementation of a new strategy of Moscow to return to Africa. In the light of its outcomes, the thesis of the need to diversify relations with the African continent was proved. Under the chosen strategy of cooperation, Russian presence in Africa becomes more complex and multifaceted. The author concludes that Russia's interest in Africa is increasing. For African leaders Russia remains one of the main forces in world politics. The key question for African partners is to draw Russia's attention to the advantages of their countries.

Key words: Russia, Africa, political process, international relations, military cooperation, minerals, natural resources, UN, United Nations, peacekeeping.

Введение

В 2020 году многие африканские государства отмечают 60-летие со дня независимости от колониальной экспансии. В далекие 1960-е годы Африку лучше знали в нашей стране, хотя она всегда оставалась для многих terra incognita. Тем не менее многие люди с сочувствием и искренностью воспринимали важные события, происходившие на Африканском континенте. Даже в сельских клубах киносеансы начинались с репортажей об «объёме пламенем революционной борьбы континенте». Один из главных университетов Москвы был назван в честь патриота Демократической Республики Конго Патриса Лумумбы. Взаимодействие с африканскими странами было наиболее масштабным и многоплановым именно в советский период.

Конец «холодной войны» в начале 1990-х годов внес серьезные коррективы во внешнюю политику России. мироустройство стало иным. Не было больше ни социалистического лагеря, ни капиталистического лагеря. Африка перестала быть ареной борьбы за политическое влияние между СССР и США. Вместе с этими изменениями резко снизился интерес к изучению континента. «Кошмарные картины из Африки, которые рисуют СМИ для зрителей и читателей, заслоняют, обесценивают давние традиции взаимодействия Африки и России на государственном и личностном уровнях, что отрицательно сказывается на российско-африканских отношениях, мешает установлению действительно взаимовыгодных контактов со странами Африки и в конечном итоге – росту благосостояния России», – пишет академик А.Б. Давидсон [2, с. 5]. С ним вполне можно согласиться и, к сожалению, констатировать низкий уровень знаний в России об Африке. Есть и другая сторона медали – информационный вакуум в отношении России в Африке.

На российские посольства в Африке, состав которых, как правило, немногочислен, ложится трудная и ответственная мис-

сия – поддерживать на должном уровне российско-африканские отношения при массовой информационной атаке на нашу страну западных агентств. К африканцам крайне скудно попадает правдивая информация о России. Многие корпункты уже долгие годы закрыты, а российских центров науки и культуры крайне мало для такого огромного континента. В связи с этим уместно высказывание председателя Афрэксимбанка Орама Бенедикта о том, что «нужно создавать информационные порталы для Африки и России для того, чтобы было понятно, что происходит и что развивается» [16].

Африка как активный участник мировых процессов

Игнорировать Африку в век глобализации, формирования единого мирового экономического пространства, уже нельзя. Африка XXI века значительно изменилась. Во многих государствах прошли демократические выборы, построена вертикаль власти. В таких странах, как Гана, Демократическая Республика Конго, Мозамбик, Нигерия, Сенегал, Танзания, в рамках конституции проходят выборы президентов и высших законодательных органов. По этому поводу убедительно пишет ученый-африканист Е.Н. Корендясов. Он считает, что «глобализация придала определенное ускорение либерально-рыночным реформам в Африке, модернизации политических и управленческих систем, расширила возможности их интеграции в мировую экономику, границы торговых, финансово-кредитных и человеческих обменов» [12, с. 12].

Однако политический процесс в странах Африки развивается крайне медленными темпами и имеет свою специфику. Нередко демократия превращается в автократию, клептократию или диктатуру. Лидеры африканских стран «задерживаются» у власти на десятки лет. В Демократической Республике Конго, например, Мобуту Сесе Секо правил 32 года, в Габоне Эль Хадж Омар Бонго был у власти 42 года, в Анголе Жозе Эдуарду душ Сантош руководил страной 38 лет, и таких примеров можно привести множество. По мнению ученых Центра панафриканизма имени Ш.А. Диопа (СЕРАСРА) при Габонском университете (Вундуавете Пемако, Э. Кабонго Малу, Дидье Муменги и др.), возрождение Черной Африки состоит в пробуждении коллективного сознания для воссоздания самоидентичности – основы национальных ам-

биций [19]. Ученые считают, что причиной отставания являются дефицит лидерства, перманентные политические, экономические, социальные и культурные кризисы с вытекающими последствиями материального и духовного обнищания масс, крахом системы образования и здравоохранения, разрушения структуры власти. К этому можно добавить и пережитки колониального прошлого, когда, к примеру, местная французская администрация выделяла и поощряла одни племена в ущерб другим, тем самым сея межплеменную рознь там, где было равенство между членами общины. Пагубной оказалась и «помощь», поступавшая из метрополий и, как правило, достававшаяся лишь властным структурам. Колонизаторы приучили африканцев к мысли о том, что они нуждаются в помощи сильных «защитников-опекунов». В определенной степени этот стереотип «сильный – слабый» был удобен для племенной верхушки, развращал ее и вырабатывал стойкие иждивенческие настроения. Уместно в этой связи высказывание ивуарийского ученого Н. Агбоу, который считает, что должна произойти «ментальная деколонизация африканцев» [17]. Кроме того, коррупция нередко пронизывает все слои африканского общества. По мнению конголезского аналитика Ж.-К. Каки, «сопутствующая коррупция является неотъемлемым инструментом деятельности африканских политиков» [20]. При анализе политических процессов важно учитывать разнородность африканских обществ. Так, Северная Африка существенно отличается от других частей континента. В разных странах складывается своя политическая культура, имеющая неподражаемые цивилизационные особенности.

В отечественной и зарубежной литературе закрепился устойчивый термин «failed states», то есть слаборазвитые, или несостоявшиеся, «провалившиеся», государства. Справедливо ли это определение по отношению к африканским странам? С одной стороны, в условиях формирования нового мирового порядка государства Африканского континента постепенно включаются в мировые политические и экономические процессы. Африканским странам, а их в настоящий момент насчитывается 54, принадлежит примерно 1/4 часть мест в ООН. Представители государств континента занимают активную позицию по важным вопросам современности и в других международных организа-

циях. Африка объявлена безъядерной зоной. С другой стороны, бо льшая часть государств считаются самыми неблагополучными регионами мира. Затяжные межрегиональные конфликты, этнические распри, религиозные столкновения, политическая нестабильность на фоне крайней бедности, критической эпидемиологической ситуации и роста гуманитарных катастроф – всё это не способствует поступательному движению и улучшению мировых показателей жизни африканцев.

Для России несвойственно рассматривать Африку как нерешаемую проблему, «провалившийся» континент, демографическую и эпидемиологическую опасность для остального мира. Россия убеждена, что страны Африки обладают значительным самостоятельным потенциалом для развития, и намерена содействовать его реализации. «Нам нужно совместно подумать над новой финансово-экономической архитектурой, которая основывалась бы не на рецептах МВФ и вашингтонского консенсуса, а была ориентирована на развитие реальной экономики», – высказался по этому поводу советник Президента Российской Федерации С. Глазьев [16].

Конечно, на пути решения намеченных задач неизбежно возникают проблемы. Их емко и профессионально обобщили ученые-африканисты И.О. Абрамова и Л.Л. Фитуни. Они выделили следующие моменты: адаптация к местным санитарно-климатическим условиям, а главное – к менталитету, психологии, традициям, привычкам и правам африканцев; налаживание дружественных контактов с традиционными племенами и религиозными авторитетами; соблюдение общественного кодекса социальной ответственности бизнеса и социальных обязательств, сформулированных в контрактах; сохранение осмотрительности и осторожности в деловых контактах с местными предпринимателями [1, с. 75–76]. Наглядным примером «проб и ошибок» может служить опыт российских банкиров, которые предприняли немалые усилия для открытия первого российского банка в Африке (в Демократической Республике Конго), но так не смогли достичь цели [14].

Россия «возвращается» в Африку

Новое осмысление политических процессов в мире, поворот России на Восток в условиях нагнетания напряженности запад-

ными СМИ приводят к мысли о том, что именно африканцы могли бы стать надежными партнерами России в осуществлении своих национальных интересов. Лидеры африканских государств высоко ценят вклад нашей страны в укрепление мира на континенте и поддержку инициатив в контексте его устойчивого развития. Как постоянный член Совета Безопасности ООН Россия вносит весомый вклад в выработку стратегической линии и практических мер в вопросах укрепления мира и стабильности в Африке, предотвращения локальных конфликтов, определения статуса и мандатов разных миротворческих операций.

Именно миротворчество является как никогда актуальным в современном мире, особенно в Африке. Эту мысль проводит ученый-африканист А.Л. Емельянов. Он подчеркивает, что «на континенте накоплен огромный негативный потенциал конфликтных проблем, несущих угрозу миру и безопасности, целостности государств, благополучию и жизни людей. В результате длящихся десятилетиями конфликтов миллионы африканцев погибли, стали инвалидами, превратились в беженцев. Ключевым вопросом выхода Африки на путь устойчивого развития остается предотвращение и урегулирование кризисных ситуаций» [11].

Россия способствует облегчению долгового бремени государств региона. К настоящему времени в рамках Инициативы Международного валютного фонда / Всемирного банка по беднейшим странам с большой задолженностью списан основной долг африканцев – более 20 млрд долл. США. По программе «долг в обмен на развитие» реализуются межправительственные соглашения с Мадагаскаром, Мозамбиком и Танзанией. В рамках выполнения соглашения с Мозамбиком во взаимодействии с Всемирной продовольственной программой (ВПП) реализуется пилотный проект по развитию системы школьного питания, который предусматривает конверсию части мозамбикского долга в течение пяти лет в объеме 40 млн долл. США в разные мероприятия, имеющие целью решение проблем хронического недоедания среди школьников, а также привлечение к начальному образованию большего количества детей. Россия осуществляет взносы в международные программы содействия развитию Африке по линии Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), ВПП и Международной организации гражданской оборо-

ны (МОГО). В частности, в период 2014–2017 годов Россия через ВПП предоставила продовольственную помощь на 21,5 млн долл. США (Кении – на 5 млн долл., Сомали – на 4 млн долл., Гвинею – на 1,5 млн долл., Зимбабве – на 1,5 млн долл., Сьерра-Леоне – на 1,5 млн долл., Эфиопии – на 1,5 млн долл., Намибии – на 1,5 млн долл., Либерии – на 1 млн долл., Мадагаскару – на 1 млн долл., Судану – на 1 млн долл., Демократической Республике Конго – на 1 млн долл.). С переходом на двухгодичную систему финансирования в рамках ВПП Россия выделила в 2018–2019 годах на нужды африканских стран 9 млн долл. (Демократической Республике Конго – 2 млн долл., Сомали – 2 млн долл., Гвинею – 1,5 млн долл., Уганде – 1,5 млн долл., Буркина-Фасо – 1 млн долл., Чаду – 1 млн долл.) [4].

Ряд африканских государств входит в финансируемые Россией программы содействия по линии ВОЗ – «Помощь отдельным странам в разработке политики по активизации национальной многосекторальной деятельности для борьбы с неинфекционными заболеваниями» (Демократическая Республика Конго, Замбия) и «Активизация многосекторальных мер по борьбе с туберкулезом в странах с высоким бременем заболевания» (Ангола, Зимбабве, Кения, Мозамбик, Намибия, Нигерия, Танзания, Эфиопия, ЮАР). В рамках финансируемого Россией проекта по укреплению потенциала ВОЗ в области чрезвычайной медицинской готовности и реагирования за счет средств российского донорского взноса в 2017–2019 годах в связи с распространением вируса холеры в Зимбабве в ноябре 2018 года в Хараре состоялась передача первой партии российской помощи в виде лекарственных препаратов. В рамках того же проекта в связи с разрушительным циклоном и масштабным наводнением в Мозамбик в апреле 2019 года была направлена экстренная гуманитарная помощь в виде медицинских модулей [15].

Африканцы с благодарностью относятся к участию России в такой чувствительной сфере, как здравоохранение. Так, министр по вопросам инвестиций и государственно-частного партнерства Гвинейской Республики Кертис Габриель отметила следующее: «Российское присутствие на Африканском континенте и в Республике Гвинея насчитывает уже 60 лет. Мы здесь говорим о горнодобывающей промышленности, но также – о здраво-

охранении. Мы хотели бы поблагодарить Российскую Федерацию за поддержку в этих областях и также в деле ожесточенной борьбы против ужасной лихорадки Эбола, которая разразилась во втором десятилетии XXI века и достигла своего пика в 2014–2015 годах» [16].

В этой связи очевидно продуктивной будет ориентация на тех деятелей, кто верит в перспективность сотрудничества с Россией и предпринимает в этом направлении конкретные шаги. Об этом не раз писал ганский журналист Кестер Кломегах, хорошо знающий Россию и много лет работавший в нашей стране [7]. По его мнению, представители африканской стороны считают, что Россия должна выработать грамотный подход для «возвращения» на континент. Предприниматель и политик Селло Расетхаба полагает, что «Россия должна сформировать стратегию развития деловых отношений совместно с африканскими странами» [10]. По его мнению, российские игроки на африканском рынке инвестиций представлены крайне слабо, поэтому «важно, чтобы у России было четкое представление о том, каких отношений с Африкой она хочет». Кестер Кломегах утверждает, что Россия до сих пор не нашла адекватные пути достижения экономических и политических целей в Африке: «инвестиционные усилия России в регионе пока ограничены, что некоторые эксперты объясняют отсутствием выработанной политики финансирования таких проектов. Пока российское правительство с опаской относится к принятию финансовых обязательств, российские финансовые институты не будут принимать непосредственного участия во внешнеполитических инициативах в Африке» [10].

Россия должна также быть последовательна в африканской программе – ей следует расширить участие в экономическом и промышленном развитии региона. Именно такого мнения придерживается посол Зимбабве в России Николас Майк Санго. Он подчеркивает, что российские технологии для локальной переработки сырья могут сыграть роль катализатора африканской промышленности. Что касается задач, которые стоят перед африканской стороной, то, как отмечает Кестер Кломегах, многие африканские послы считают, что Африке необходимо определиться с приоритетными проектами развития, сделав в этом плане наиболее рациональный выбор. Представители региона,

по общему мнению, должны ориентироваться на «африканские решения африканских проблем».

Рекс Эссенено, председатель Российского отделения организации «Нигерийцы в диаспоре» (NIDO), предлагает сосредоточиться на новой политике, ориентированной на создание привлекательного инвестиционного образа Африки: «Мы не используем даже десятую часть наших возможностей для продвижения инвестиционных возможностей на международных платформах... для улучшения делового сотрудничества необходимо создать платформу для гражданского, медийного и культурного двустороннего взаимодействия, которая помогла бы изменить отношение к региону, во многом основанное на стереотипах. России следует вести диалог с Африкой не только на правительственном, но и на гражданском уровне». По его мнению, это будет способствовать не только экономическому росту, но и развитию доверительного отношения российских инвесторов к Африке [7].

Саммит «Россия – Африка» в Сочи – новый этап взаимодействия

Россия и африканские государства пока не используют весь имеющийся политический, экономический и культурный потенциал для более продуктивного взаимодействия. Об этом немало говорят ученые-африканисты, политологи, аналитики. Важным рубежом моментом в развитии российско-африканских отношений стал саммит «Россия – Африка», проходивший в Сочи в октябре 2019 года под лозунгом «За мир, безопасность и развитие». Он вывел российско-африканские отношения на новую траекторию сотрудничества. Возглавлял саммит Президент РФ В.В. Путин. Его сопредседателем был Президент Египта Абдул-Фаттах Ас-Сиси, занимающий также пост главы Африканского союза. В своем выступлении В.В. Путин отметил, что «развитие тесных деловых связей отвечает нашим общим интересам, способствует устойчивому росту всех наших государств, помогает улучшить качество жизни людей, решать многочисленные социальные проблемы. Россия входит в десятку крупнейших поставщиков продовольствия на рынки африканских стран... Мы экспортируем сейчас сельскохозяйственной продукции на рынки таких стран больше, чем оружия: оружия на 15 млрд долларов,

а с сельскохозяйственной продукцией вышли на рубеж 25 млрд долларов. У нас здесь очень хороший потенциал развития» [3].

На масштабный форум прибыли более 6 тыс. делегатов из 104 государств и территорий – здесь были представлены все африканские страны. В ходе саммита подписаны 92 соглашения и меморандума на сумму более 1 трлн рублей. Работу форума освещали около 800 представителей СМИ, из которых 250 человек – иностранные журналисты из 43 стран. Среди подписанных соглашений – Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Африканским союзом об основах взаимоотношений и сотрудничестве, а также Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Африканским союзом в области экономического сотрудничества [9]. В деловом пространстве форума, организованном Фондом «Росконгресс» при поддержке Российского экспертного центра, состоялись 569 встреч, в ходе которых подписаны 13 соглашений о сотрудничестве с Фондом Россотрудничества [9]. В переговорах приняли участие главы восьми региональных организаций Африки, а также 109 иностранных министров. Министр иностранных дел Российской Федерации провел встречу в формате рабочего завтрака с главами внешнеполитических ведомств более 45 стран Африканского континента, участвовавшими в экономическом форуме и саммите «Россия – Африка». В своем приветственном слове С.В. Лавров отметил, что «историческая встреча в верхах в Сочи откроет новую страницу в традиционно дружественных российско-африканских отношениях, внесет существенный вклад в упрочение архитектуры взаимовыгодных связей, определит механизмы дальнейшего поступательного развития» [13]. В ходе обмена мнениями особое внимание было уделено задачам укрепления взаимодействия России и стран Африки в политической, торгово-экономической, гуманитарной областях и в сфере безопасности. При этом была констатирована общая приверженность фундаментальному принципу «африканским проблемам – африканское решение» при широкой конструктивной поддержке со стороны международного сообщества.

В рамках встречи С.В. Лавров подписал следующие двусторонние документы:

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Гвинея-Бисау о безвизовых поездках владельцев дипломатических или служебных паспортов;

– Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Замбии о безвизовых поездках владельцев дипломатических паспортов;

– Меморандум о взаимопонимании между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Республики Кении о консультациях;

– Меморандум о консультациях между Министерством иностранных дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел и международного сотрудничества Южного Судана [13].

Африканские лидеры дали высокую оценку саммиту. Президент Мали Ибрагим Бубакар Кейта подчеркнул, что амбициозная цель саммита в Сочи состоит в придании нового импульса отношениям между африканскими государствами и Россией. «Мы стоим на пороге новой эры, это знак сотрудничества с Россией во всех сферах», – отметил он [18]. Посол Руанды в России Жанна д'Арк Муджавамария вспомнила, что прошло уже 46 лет со времен первого саммита «Франция – Африка» (1973 г.), когда континент впервые выступил в роли полноправного партнера для всего мира. «У нас есть что предложить всему миру и наоборот, – сказала она. – Но, что касается саммита “Россия – Африка”, мы хотим, чтобы результат этого саммита был другим, отличался от предыдущих и последующих. Россия никогда не принимала участия в колонизации Африки, зато помогала в развитии и обучении ее жителей, в демократизации континента. Именно поэтому мы хотим, чтобы саммит положил начало африканско-российскому сотрудничеству» [8].

Итогом форума стала Декларация первого саммита «Россия – Африка» от 24 октября 2019 года. В ней делается акцент на создании механизма диалогового партнерства, сотрудничества в политике, сфере обеспечения безопасности, торгово-экономического сотрудничества, а также сотрудничества в правовой, научно-технической, информационной сферах и сфере охраны окружающей среды [6]. Документ подтвердил стратегию разви-

тия стран Африки на ближайшие 50 лет, которая отражена в документе Африканского союза «Повестка дня – 2063» от 2013 года (по случаю 50-летия Африканского союза), а также цели программы ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Отныне создан новый диалоговый механизм – форум партнерства «Россия – Африка». В его рамках один раз в три года будут проходить встречи на высшем уровне попеременно – в нашей стране и в одном из государств Африки.

Заключение

Государства Африканского континента становятся важными акторами мирового политического процесса. Несмотря на многочисленные внутренние проблемы, положительная динамика демократических процессов в ряде стран очевидна. Интерес в России к Африке возрастает. Ключевой вопрос для африканских партнеров состоит в привлечении внимания России к преимуществам своих стран. В связи с этим России важно выбрать перспективную стратегию взаимодействия с африканскими государствами с учетом ментальных, географических, социально-политических и многих других особенностей. Несмотря на позитивные итоги саммита «Россия – Африка», пока сложно прогнозировать развитие отношений между Россией и государствами Африканского континента. Африка многолика и требует профессионального подхода к решению поставленных задач. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что встреча российских и африканских представителей в Сочи знаменовала собой несомненный прорыв российской дипломатии на африканском направлении.

Литература

1. *Абрамова И.О., Фитуни Л.Л.* Оценка перспективности экономической экспансии в субсахарскую Африку и инвестиционного потенциала региона с точки зрения стратегических интересов России // Африка и национальные интересы России. – М.: Ин-т Африки РАН, 2016. – С. 57–103.
2. Африка в судьбе России. Россия в судьбе Африки / отв. ред. А.Б. Давидсон. – М.: Политическая энциклопедия, 2019. – 606 с.
3. Владимир Владимирович Путин. Цитаты. – 24.10.2019. – URL: <https://roscongress.org/speakers/vladimir-putin/quotes/> (дата обращения: 04.11.2019).
4. Выступление специального представителя Президента Российской Федерации по Ближнему Востоку и странам Африки, заместителя Министра иностранных дел России М.Л. Богданова на панельной сессии «Российско-африканские отно-

- шения: роль СМИ» в ходе Форума информационных агентств «Россия – Африка» (Сочи, 23 октября 2019 г.). – URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3861033 (дата обращения: 12.12.2019).
5. Декларация первого саммита «Россия – Африка». – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5453> (дата обращения: 16.12.2019).
 6. Документы, подписанные в ходе саммита «Россия – Африка». – 25.10.2019. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/5454> (дата обращения: 05.12.2019).
 7. *Егоренко А.* Сочи-2019: ожидания Африки от предстоящего саммита. – URL: <http://ransion2030.com/page5306968.html> (дата обращения: 12.12.2019).
 8. Исторический саммит «Россия – Африка»: долгий путь впереди. – URL: http://social.valdaicclub.com/blog/43447931903/Istoricheskiy-sammit-Rossiya-Afrika-dolgiy-put-vperedi?domain=mirtesen.ru&pad=1&paid=1&utm_referrer=mirtesen.ru (дата обращения: 18.12.2019).
 9. Итоги форума / Росконгресс. – URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/621/infographics_africa_2019_10_29_02.pdf. (дата обращения: 03.11.2019).
 10. *Кломегах Кестер.* Потребность России и Африки в поиске путей ведения бизнеса. – URL: http://www.buzinessafrica.com/index.php?Itemid=15&catid=13:diplomacy&id=816:russia-and-africa-need-to-look-for-ways-to-engage&lang=ru&option=com_content&view=article (дата обращения: 14.11.2019).
 11. Колониализм и миротворчество в Африке // Миротворчество и миротворчество в Африке: к 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона: сб. ст. – М., 2019. – 310 с.
 12. *Корендясов Е.Н.* Российско-африканские отношения: проблемы экономического сотрудничества // Африка и мир в XXI веке. – М.: Ин-т Африки РАН, 2010. – 322 с.
 13. О встрече Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова с министрами иностранных дел государств Африки. – 23.10.2019. – URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3861075 (дата обращения: 07.12.2019).
 14. *Редькин В.* Как мы открывали банк в Африке, или Путешествие по другую сторону Земли. – М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. – 296 с.
 15. Роль России в решении проблем Африки к югу от Сахары. – URL: https://www.mid.ru/rol-rossii-v-resenii-problem-afriki-k-ugu-ot-sahary-https://www.mid.ru/rol-rossii-v-resenii-problem-afriki-k-ugu-ot-sahary-?p_p_id=101_INSTANCE_uFvfWVmCb4RI&p_p_lifecycle=0&p_p_state=normal&p_p_mode=view&p_p_col_id=column-1&p_p_col_pos=2&p_p_col_count=3&_101_INSTANCE_uFvfWVmCb4RI_delta=3&_101_INSTANCE_uFvfWVmCb4RI_keywords=&_101_INSTANCE_uFvfWVmCb4RI_advancedSearch=false&_101_INSTANCE_uFvfWVmCb4RI_andOperator=true&p_r_p_564233524_resetCur=false&_101_INSTANCE_uFvfWVmCb4RI_cur=1.
 16. Экономический суверенитет Африки: проблемы и решения. – URL: <https://roscongress.org/sessions/africa-2019-ekonomicheskiiy-suverenitet-afriki-problemy-i-resheniya/discussion/> (дата обращения: 09.12.2019).
 17. *Agbohoun Nicolas.* Le franc CFA et l’Euro contre l’Afrique. – P.: Ed. Solidarit mondiale. 2008. – 320 p.
 18. Ibrahim Boubaca Keita pr sident du Mali. Sommet Russie-Afrique: donner un nouvel lan aux partenariats commerciaux. – URL: <https://fr.euronews.com/2019/10/30/sommet-russie-afrique-donner-un-nouvel-elan-aux-partenariats-commerciaux> (accessed: 09.12.2019).
 19. *Kabongo Malu Emmanuel.* De la ph nom nology de l’identit collective perdue et de la disparition du Rd Congolaise comme peuple historique // Supplement au Potentiel. – Kinshasa. – 20.06.2011. – P. 12.
 20. *Kaki Jean-Claude.* Portrait du politicien congolais // Le Potentiel. – Kinshasa. – 26.03.2012. – P. 11.

Худайкулова Александра Викторовна,

кандидат политических наук,
МГИМО МИД России,
Москва.
E-mail: alexandra_77@mail.ru

Alexandra V. Khudaykulova,

PhD (Political Sciences),
Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia
(MGIMO University),
Moscow.
E-mail: alexandra_77@mail.ru

Неклюдов Никита Яковлевич,

эксперт отдела стратегического развития,
Институт международных исследований,
МГИМО МИД России,
Москва.
E-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

Nikita Ya. Neklyudov,

Expert on Strategic Development, Institute for International Studies,
Moscow State Institute of International Relations of MFA of Russia
(MGIMO University),
Moscow.
E-mail: neklyudov.n.ya@my.mgimo.ru

**ДИНАМИКА РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ
ОТНОШЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ
ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹**

**DYNAMICS OF RUSSIAN-AMERICAN
RELATIONS THROUGH THE LENS
OF ONTOLOGICAL SECURITY THEORY²**

Аннотация: в статье анализируется динамика российско-американских отношений через призму теории онтологической безопасности, которая разрабатывается преимущественно конструктивистами. В основе теории лежит гипотеза, что государства стремятся обеспечить себя онтологической безопасностью, отвечающей за «психологическую» уверенность в поведении контрагентов. Ввиду наличия большого количества разных по сво-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31389 «Традиционные и восходящие центры силы: дискуссии относительно суверенитета и управления конфликтами».

² The reported study was funded by RFBR and EISR according to the research project № 19-011-31389 «Traditional and emerging powers: discussions on sovereignty and conflict management».

ему фокусу работ по данной проблематике теория еще не выработала четких переменных, с помощью которых было бы возможно «мерить» состояние онтологической незащищенности государств. Авторы предлагают собственную трактовку концепта онтологической безопасности, а также ряд переменных в попытке рассмотреть российско-американские отношения в новом для теории международных отношений срезе.

Ключевые слова: онтологическая безопасность, идентичность, интерсубъективность, нормы, политические практики, статус, образ «другого».

Abstract: the article analyzes the dynamics of the Russian-American relations through the prism of the ontological security theory, which is being developed mainly by constructivism. The theory is based on the hypothesis that, states strive to provide themselves with the ontological security, which is responsible for the «psychological» confidence in the behavior of the counterparties. Due to the large number of differently focused publications on the issue, the theory has not yet developed a clear set of variables which would contribute to «measuring» the state of ontological insecurity. Thus, the authors propose their own definition/interpretation of the ontological security, as well as a number of variables in an attempt to analyze the Russian-American relations in quite a new for the international relations context.

Key words: ontological security, identity, intersubjectiveness, norms, political practices, status, image of the «other».

Введение

Теория онтологической безопасности (далее – ТОБ), в фокусе внимания которой находятся социально-психологические аспекты международных отношений, стала популярной в 2010-х годах. Сам термин «*онтологическая безопасность*» был введен в научный оборот в конце 1980-х годов Р. Лейнгом и Э. Гидденсом в русле социологических исследований. Отправной точкой выступал тезис о том, что люди инстинктивно стремятся «упорядочить мир» и понимать его в предсказуемых категориях, а также пытаются привнести данный «порядок» не только в свое личное пространство, но и в контекст общественных отношений [25; 26]. В международных отношениях проблематика онтологической безопасности рассматривается в разных интерпретациях, что определяет разность подходов [14; 22; 33]. Наиболее распространенное употребление концепта связано с онтологической безопасностью государств от экзистенциальных угроз внешней среды.

В данном исследовании предлагается интерпретация ТОБ, позволяющая рассматривать процесс взаимодействия государств друг с другом и то, как образ «другого» может влиять на формирование чувства онтологической незащищенности. Принимая во внимание общую для большинства исследований зависимую переменную – восприятие государством среды (интеграционные объединения, глобализация, вызовы и проч.), авторы предлага-

ют разные независимые переменные анализа для выявления условий появления «онтологической незащищенности». В качестве кейса авторы обращаются к истории отношений России и США в XXI веке и исходят из допущения, что США являются ключевым контрагентом для России при выстраивании своего позиционирования визави Западу.

В поисках ответа на вопрос «Возможно ли с помощью интерпретации концепта ввести добавочное знание по проблематике онтологической безопасности?» авторы сосредоточены:

- 1) на представлении подходов к онтологической безопасности с выявлением определенных трендов;
- 2) формулировании собственной интерпретации концепта с фиксированием независимых переменных;
- 3) анализе истории российско-американских отношений при помощи классического дискурс-анализа с применением трех переменных теории.

В качестве основного источника дискурс-анализа использовались официальные заявления государственных деятелей. Был проведен контент-анализ Посланий Президента РФ Федеральному Собранию и Концепций внешней политики России по принципу выделения ключевых слов для каждой переменной теории. Задачей выступала верификация гипотезы о том, что отношение России к США в рамках выделенных переменных ТОВ было подвержено определенной эволюции.

Что такое онтологическая безопасность?

Сложные вопросы всегда легче объяснять с помощью доступных примеров. Проблематика онтологической безопасности наглядно демонстрируется в сюжете известного голливудского фильма «Повелитель бури», где главный герой – сапер армии США – проходит через множество опасных испытаний и рискованных операций в ходе Иракской командировки. После возвращения на родину мирная жизнь оказалась для боевого сержанта буквально невыносимой. Признаваясь, что в его жизни осталась одна любимая вещь, главный герой словно сбегает из повседневной жизни, возвращаясь обратно в армию. Режиссеру фильма удалось продемонстрировать смысл онтологической безопасности: состояния физической безопасности недостаточно для

нормальной жизни, если среда кажется субъекту чуждой и неопределенной. И, наоборот, даже самая опасная и полная рисков среда, если субъект понимает, как действовать в подобных условиях, является для него преференциальной для проживания.

При анализе онтологической безопасности (далее – ОБ) конструктивисты опираются на сходный категориальный аппарат. В целом суть теории сводится к тому, что *предсказуемость отношений между государствами, а также среды их взаимодействия приобретает больший приоритет по сравнению с обеспечением военно-политической безопасности отдельно взятого государства*. Многие эксперты утверждают [30, 45], что даже в условиях практически абсолютной безопасности (например, в случае с США) государства прибегают к, казалось бы, иррациональным шагам: наращиванию вооружений и внешнеполитическим авантюрам¹.

Обзор литературы по проблематике ТОБ позволяет выделить следующие реперные точки. Во-первых, основные дебаты проходят по вопросу оправданности присвоения государству субъектности: способны ли политический истеблишмент и элиты испытывать чувство страха и неопределенности [45; 51; 57; 58]. Ряд ученых считают, что государства должны исследоваться как «целостные» единицы [40; 45; 64]. Другие, напротив, смотрят «вглубь» государств, настаивая на том, что рассмотрение государства *per se* делает анализ ОБ с научной точки зрения менее точным [35]. Примером радикальной оппозиции государство-центричному подходу к ТОБ является работа эстонского исследователя М. Малксё [42], утверждающей, что субъектом ОБ служат люди, выдвигая теорию мнемонической безопасности, или безопасности тех эксплицируемых на внешнюю среду воспоминаний, которыми обладает личность.

Во-вторых, на фоне доминирования государство-центричного подхода к проблематике ОБ в исследовательской среде нет согласия о том, каким образом проявляется онтологическая незащищенность. Так, Б. Стили [57; 58] анализирует внутреннюю практику государства, с помощью которых оно выстраивает свой нарратив, автобиографию, которые помогают ответить на экзистенциальный вызов неопределенности среды и, тем са-

¹ Так, многими исследованиями доказывается иррациональность и отсутствие объективных причин для выхода США из сделки с Ираном.

мым, выстроить внешнеполитическую стратегию государства, соответствующую ее «внутренней» истории. Схожим подходом отличается недавняя работа М. Малксё [43] о новых практиках ЕС и НАТО в форме противодействия гибридизации войны. Со своей стороны, Д. Митзен [45] придерживается более общего подхода, утверждая, что в условиях неопределенности поиск онтологической безопасности всегда сопутствует взаимодействиям государств. Используя метафору Э. Гидденса о «когнитивном коконе» как средстве защиты от неопределенной среды, К. Кинвалл [30; 31] изучает, как факторы глобализации влияют на чувство онтологической незащищенности государств. «Когнитивные вызовы» объясняются всё более неопределенной средой, например такими категориями, как «травма» и «беспокойство», что может проявляться не только во внешней политике государства, но и воплощаться в памятниках искусства и других физических объектах¹.

В-третьих, в современной литературе описывается множество подходов к переменным теории, которые, в частности, отражены в публикациях специального выпуска «Cambridge Review of International Affairs», посвященного популизму и онтологической безопасности. Гипотеза большинства статей выпуска может быть сформулирована следующим образом: следствием глобализации является феномен современного популизма, представители которого искусно эксплуатируют чувство онтологической незащищенности населения для продвижения политической повестки. Несмотря на схожесть приводимых кейсов (от фигуры Д. Трампа и феномена Брексита до исследований современного индийского популизма), авторы, как указывают редакторы выпуска [58], опираются на совершенно разные переменные, главные из которых – рутина и чувство беспокойства², нарратив и память³, кризис и отсутствие безопасности⁴. Наличие такого количества подходов

¹ Например, Берлинская стена как символ «физического» обособления Восточного блока, испытывающего онтологическую незащищенность от Западного мира.

² Как субъекты международных взаимодействий справляются с чувством беспокойства и неопределенности посредством рутинизации своих практик?

³ Как субъекты справляются с чувством неопределенности посредством нарратива и обращения к прошлому?

⁴ Черпая вдохновение в работах Р. Лэнга, некоторые авторы связывают поиск онтологической безопасности с состоянием кризиса, возникающего в силу несоответствия между самовосприятием и ожиданиями субъекта и окружающей его средой.

к ОБ вряд ли стоит квалифицировать как недостаток теории. В конце концов, сегодня трудно найти идентичные по своим взглядам работы неоклассического реализма.

Определение онтологической безопасности

Разделяя преобладающую точку зрения, согласно которой государство является принципиальным субъектом рассматриваемой теории, авторы подчеркивают важность межгосударственного подхода в строгом смысле слова (то, что Дж. Митзен описывала как *in-between states* [45]). Для понимания того, как фактор онтологической безопасности проявляет себя при взаимодействии государств друг с другом, авторы выделяют следующие допущения и переменные (табл. 1).

Таблица 1

	1	2	3
Допущение	Среда международных отношений анархична и конкурентна: в ней отсутствует источник универсальных норм и политических практик	Онтологическая безопасность – это социально конструируемое состояние	В процесс конструирования вовлечено не менее двух акторов, причем один должен быть организованным государством
Переменная	Нормы	Политические практики	Статус

Таким образом, можно предложить определение ОБ как состояния, при котором государствами-контрагентами разделяются установленные нормы, одинаково трактуются политические практики, а также взаимно признаются статусы друг друга.

Исходя из первого допущения, можно предположить, что государства стремятся либо стать источником определенного набора норм, практик и статусов, либо оспорить их, если источником выступает другое государство. Как это связано с проблематикой онтологической безопасности? Набор переменных определяет состояние ОБ между государствами как весьма редкое явление, поскольку не всякое государство готово пойти на консенсусное «принятие» норм, практик и уготованного себе статуса от другого государства. Следовательно, государства будут конкурировать за утверждение собственной формулировки универсальности норм, практик и статусов. Предлагаемое авторами определение инструментально с точки зрения анализа взаимодействия государств друг с другом

и может быть проиллюстрировано на примере взаимодействия России / СССР, КНР и США в эпоху биполярной системы и пост-биполярного миропорядка.

Реальность биполярного противоборства СССР и США как двух сверхдержав была взаимно сконструирована: нормы и практики отражались в конфликте идеологий, противостоянии политических режимов и военных блоков, что, в свою очередь, откладывало отпечаток на блоковой солидарности, борьбе за и на территории «третьего» мира, а также на стратегии недопущения эскалации конфликта, как в рамках двусторонних отношений (в особенности после Карибского кризиса), так и вне их (совместное прекращение Суэцкого кризиса). Оба контрагента занимали равнозначное положение важного «другого» по отношению друг к другу. Исходя из того, что ОБ может определяться как состояние взаимного конструирования реальности (предполагающей разделяемые нормы и статус контрагентов), можно заключить, что на всем протяжении «холодной войны» СССР и США находились в состоянии онтологической безопасности, несмотря на высокий уровень неопределенности самой среды.

Советско-китайское противостояние имело иную природу – главным образом это был поиск контрагентов онтологической безопасности друг от друга. Долгое время Китай не вовлекался в процесс взаимного конструирования реальности с СССР, формируя идентичность по советской модели в роли младшего брата, что сводило к минимуму противоречия в отношениях двух стран. Начавшийся в Китае процесс формирования национальной идентичности и «реальности» был воспринят Советским Союзом как вызов собственной идентичности. КНР превратился из ближайшего «я» в ближайшего «другого»¹. Соответственно, взаимное конструирование интерсубъективной реальности в отношениях КНР и СССР, по сути, отсутствовало. Китай имитировал идентичность Советов, что было искоренено под лозунгом культурной революции и борьбы с ревизионизмом Н.С. Хрущева. Процесс навязывания КНР своей новой роли в СССР рассматривался как пресловутая попытка подорвать роль Советского Со-

¹ Так, Т. Хопф описывает данный период следующим образом: «Чем больше КНР была советской, тем меньше она могла “отклоняться” от фарватера отношений с СССР. Однако процесс строительства великодержавной коммунистической идеологии маоизма сделал вопрос идентичности между странами достаточно проблематичным».

юза как «авангарда» коммунистического мира, что в итоге стало предметом онтологической безопасности.

Окончание «холодной войны», наступление «однополярного момента» и сложные внутренние процессы социально-экономического развития повлияли на то, что в первой декаде 1990-х годов Россия инкорпорировала образ молодого демократического государства, «присоединившись к цивилизованным странам». Однако довольно быстро, начиная с 1996 года, Россия заявила о «развороте на Восток» и важности продвижения многополярности в международных отношениях. Важной вехой на этом пути стала Декларация о многополярном мире, подписанная Цзян Цзэминем и Б.Н. Ельциным 23 апреля 1997 года. Документ показал стремление обеих держав к формированию многополярного мира, приоритету ООН, а также отразил критику интервенционистской политики США и гегемонизма НАТО [13, с. 131]. Конфигурация современных противоречий в отношениях между Российской Федерацией / КНР и США иллюстрирует, что примерно с 1997 года Китай и Россия стали испытывать чувство онтологической незащищенности, отчего данный документ легко ложится в «матрицу» ТОб. Конфликт великих держав стал возможным из-за различных подходов к нормам международных отношений, разности практик и статусов в международной системе. В нынешних международных условиях США будут и дальше конкурировать с КНР и/или Россией за утверждение своей «универсальности» в нормах и практиках и собственного видения распределения статусов в международной системе¹.

Поиск и дилемма онтологической безопасности

Проблематика взаимодействия государств по распределению статусов в международной системе раскрывается в ряде

¹ Для простоты восприятия можно привести следующую аналогию. Стратегическая стабильность – это состояние приемлемого для государств консенсуса в объемах и местах дислокации вооружений. Однако до момента, когда такой баланс начнет считаться «консенсусным», проходит довольно большой период конкуренции великих держав по достижению оптимальных условий для фиксации подобного баланса. Для сокращения одного класса вооружений необходим период конкуренции, при котором происходит наращивание соответствующих арсеналов и их последующее размещение (наиболее наглядный пример – «ракетный кризис» в Европе в 1970–1980 гг. и последующее заключение Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в 1987 г.). Подобный процесс характерен и для «социального» среза международной политики: пока общее поле знаний с установленными нормами и практиками – и что более важно, статусами – станет разделяемым, проходит довольно длительный период конкуренции за утверждение данного «поля». Процесс эволюции, принятия и борьбы за социальные нормы подробно разрабатывается конструктивизмом.

работ, которые предлагают типологизацию различных вариантов взаимодействия [27; 28; 46; 49]. Наиболее полным выглядит «список» П. Грив, согласно которому государства проходят следующие этапы: заимствование чужих норм, трансформация их в собственные, отрицание навязываемых норм, разрыв отношений с источником «чужеродных» норм [27, с. 38]. Исходя из предложенного прочтения ТОВ, авторы настаивают, что для достижения состояния онтологической безопасности субъекты отношений исходят из двух принципиальных модальностей взаимодействия: (1) навязывание собственных норм, практик и статуса или (2) принятие существующих, что, однако, даже в случае консенсуса не гарантирует состояние онтологической безопасности. Примерами здесь могут быть усиление недовольства Индии и Китая нынешней конфигурацией миропорядка, проактивная внешняя политика России, внешнеполитическая активность администрации Д. Трампа, призванная порвать с наследием предыдущей администрации.

Соответствующие модальности будут подробно проанализированы в иллюстративной части работы на примере эволюции политики России. Однако прежде стоит рассмотреть феномен государственной политики, которая не подпадает под эти модальности. Такое исключение, называемое политикой «осажденной крепости», можно представить как дилемму онтологической безопасности, при которой невозможно ни принятие роли контрагента, ни навязывание своей роли по материальным / идеологическим соображениям. Актор сталкивается с состоянием глубокой изоляции, разрыва отношений и часто начинает эксплуатировать свой образ «осажденной крепости» на внутриполитической арене для укрепления легитимности. К подобной стратегии часто прибегают авторитарные государства. Дилеммность, или двойственность, ситуации заключается в том, что изоляционизм, первоначально нацеленный на обеспечение так называемого когнитивного кокона [26] и онтологической защищенности, в корне не решает проблемы.

Исходя из второго допущения, онтологическая безопасность – это состояние, которое конструируется, как минимум, двумя акторами. Переговоры КНДР, США и политика Ким Чен Ына по поиску внешних союзников, а также шестисторонняя сделка Ирана по ядерной программе служат доказательством, что изоляцио-

низм не решает проблему онтологической безопасности, а вводит государства в своеобразную «дилеммность» перед внешним миром: «стоять до последнего» или начать переговоры.

Итак, онтологическая безопасность – это состояние, при котором нормы, практики и статусы разделяются государствами. Полагаем, что в условиях традиционной анархичности и конкурентности среды основным стимулом для взаимодействия государств является желание навязать другим свое видение универсальности норм, практик и распределения статусов. При этом политические практики, нормы и статус государств формируют совокупность факторов, препятствующих налаживанию отношений государств друг с другом, что предопределяет состояние онтологической безопасности как редко достижимое и хрупкое.

На фоне других у теории онтологической безопасности есть преимущество. Неореалисты полагают, что, если государства достигнут ядерного паритета, это лишит их стимулов к соперничеству. Неoliberalизм свято верит в институциональное сотрудничество и комплексную взаимозависимость, которые сводят соперничество к минимуму. Вместе с тем теория онтологической безопасности настаивает на том, что у государств никогда не закончатся стимулы к соперничеству ввиду того, что существует довольно широкий спектр условий для утверждения «вечного мира»: общее понимание трех переменных. Знание о том, какими должны быть условия достижения ОБ находится в постоянном развитии, отчего и состояние полного отсутствия у государств стимулов к соперничеству труднодостижимо. Это помогает понять, почему Западная Европа при разделении либерально-демократических принципов и статуса США как сверхдержавы, но при отсутствии понимания практик администрации президента Д. Трампа чувствует себя психологически незащищенной, хотя ей не угрожает ядерный потенциал США.

***Политика России в отношении США:
от принятия норм цивилизованной демократии
до навязывания статуса евразийской державы***

С момента распада биполярности пройденный Россией путь до сих пор порождает новые оценки эволюции ее роли в мире [13; 21; 55]. Во многом данная эволюция связана с выстраива-

нием отношений с США [1; 15]. «Прочтение» российско-американских отношений в контексте ТОВ предполагает выделение независимых переменных, определяющих их динамику с 1991 года.

Под *нормой* мы понимаем демократические ценности и степень ассоциации с ними. Эволюция российско-американских отношений наглядно демонстрирует, как знание о том, что такое демократия, постепенно стало размываться между контрагентами. Под *практикой* – взаимодействие контрагентов по наиболее чувствительным вопросам безопасности и стратегической стабильности, к которым относятся борьба с терроризмом¹ и обеспечение противоракетной обороны, ставшие на многие годы столпом взаимодействия и вместе с тем причиной глубоких противоречий. Под *статусом* – равноценное участие в международных делах. Очевидно, что Россия прошла определенный этап: от принятия до навязывания собственного понимания универсальности трех вышеуказанных переменных, характеризующих наличие или отсутствие состояния онтологической безопасности. Со стороны России было множество попыток принятия норм и практик новой постбиполярной конфигурации мира – вступление в разные международные организации, сотрудничество с Западом по предоставлению финансовых средств, а также гарантированное выполнение Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), что потребовало вывода ядерных сил из Казахстана, Белоруссии и Украины. Как указывает А. Фененко [13], сотрудничество с Западом диктовалось необходимостью признания Б.Н. Ельцина в качестве легитимного президента.

Переменная 1. После 1991 года новая Россия выстраивала свою внешнеполитическую стратегию, стараясь соответствовать нормам демократии. Достаточно привести пример Кэмп-Дэвидской декларации, которая фиксировала стремление сторон выстраивать «дружбу и союз, построенные на доверии, уважении и общей приверженности демократии и экономической свободе» (1 февраля 1992 г.). В интервью журналу «NATO

¹ Во-первых, проблема борьбы с терроризмом на многие годы (с 1994 г., начала первой Чеченской кампании, и до 2009 г., окончания Контртеррористической операции) стала важной частью внутривнутриполитической повестки дня России. Во-вторых, борьба с терроризмом часто упоминается в официальных высказываниях государственных лиц, что свидетельствует о важности данного явления. В-третьих, данная проблема послужила основой и связующим звеном взаимодействия между Россией и США на первоначальном этапе сотрудничества.

Review» в 1993 году А. Козырев заявлял, что его главным внешнеполитическим ориентиром является «вступление в клуб признанных демократических государств» [34].

Новый Президент России В.В. Путин первоначально сохранял приверженность универсальным принципам демократии и рыночной экономики. Так, в своей предвыборной статье «Россия на рубеже тысячелетий» он писал: «Я против восстановления в России государственной, официальной идеологии в любой форме. В демократической России не должно быть принудительного гражданского согласия» [9]. Однако при поддержке демократических ценностей В.В. Путин заявлял о необходимости придерживаться традиционной идеи государственничества и стабильности: «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа» [3]. «Либеральный демократизм» России в США оценивался негативно: на страну всё чаще смотрели как на режим «либерального государственничества» [13]. Т.А. Шаклеина констатирует: «Начиная с 1995 г. критиковать российское руководство начали и либеральные политологи, выражавшие неудовлетворенность ходом и темпами российских реформ, и ростом неоимперских тенденций в российской политике» [16, с. 138]. Всё чаще и чаще дебаты внутри США о будущем российско-американских отношений сводились к обсуждению российского внутреннего политического режима [16, с. 230–240]. Многие политологи, среди которых М. Макфол, Дж. Либерман, Э. Лейн, утверждали, что потенциальное возрождение российского авторитаризма станет вопросом национальной безопасности США.

Доктрина «распространения демократии» США воспринималась в России чрезвычайно остро. Большинство западных политологов и историков едины во мнении, что «цветные революции» в Грузии и Украине оценивались Россией в качестве угрозы национальной безопасности, что скорректировало вектор российской внешней политики: «коррекция внешнеполитического курса России в сторону большей уверенности и критики роли США в мире произошла как раз после “цветных революций”» [62,

с. 129]. В 2006 году российские элиты мыслили категориями суверенной демократии, но вскоре реальность и восприятие роли демократии и сопряженных с ней ценностей изменились, что отражено в интервью В.В. Путина журналу «Financial Times» [6]: «Так называемая либеральная идея, она, по-моему, себя просто изжила окончательно». Во многом связанный с украинским кризисом [39; 41] новый российский консерватизм подпитывался внешними факторами и был своеобразной ответной реакцией на те процессы, которые воспринимались российским руководством как негативное влияние Запада в Украине.

Переменная 2. Взаимоотношения России и США по безопасности и противодействию терроризму также демонстрируют вполне очевидную эволюцию. Действительно, в начале 1990-х годов отношения «Россия – НАТО» развивались в позитивном ключе: еще в 1992 году, когда НАТО предложил установить военные контакты с бывшими членами Варшавского договора, реакция Москвы была вполне позитивной. В 1999 году подобное отношение к НАТО было закреплено на доктринальном уровне: «Реально оценивая роль Организации Североатлантического договора, Россия исходит из важности сотрудничества с ней в интересах поддержания безопасности и стабильности на континенте и открыта для конструктивного взаимодействия». Неудивительно, что в начальный период срока В.В. Путина Россия не воспринимала выход США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) как прямую угрозу ее стратегическим интересам. Как отмечал В.В. Путин: «Я с полной уверенностью могу заявить, что принятое Президентом США решение не создает угрозы национальной безопасности Российской Федерации»¹ [11]. «Медовый месяц» НАТО и России продолжил цепочку внешнеполитических инициатив России и США в укреплении сотрудничества.

Принципиальным драйвером налаживания отношений России и НАТО выступало ожидание Россией своего встраивания в систему Западного сообщества на основании общеразделяемых практик сотрудничества в области безопасности, и борьба с тер-

¹ В дальнейшем именно этот шаг США будет описан как «подкосивший» международную безопасность: «Напомню, что односторонний выход Соединенных Штатов из этого договора по противоракетной обороне, по сути, подкосил самую основу, самый фундамент современной системы международной безопасности».

роризмом стала ключевой из этих практик. Важным этапом сближения России и США стал кризис 11 сентября 2001 года, а также последовавшая операция США в Афганистане, отвечавшая стратегическим интересам и политическим практикам России в борьбе с терроризмом. 21 октября 2001 года на встрече в Шанхае президенты России и США сделали совместное заявление, в котором говорилось, что обе страны «уже являются союзниками в глобальной борьбе против международного терроризма». Россия соглашалась на присутствие американских военных на базах в Киргизии и Узбекистане («Манас» и «Ханабад»). Особенно подчеркивалось значение сотрудничества России и НАТО, которые «всё в большей степени выступают как союзники в борьбе с терроризмом, региональной нестабильностью и другими современными угрозами». В мае 2002 года была подписана Декларация «Россия – НАТО: новое качество», которую министр иностранных дел Великобритании Д. Стро прокомментировал следующим образом: «...нельзя и пожелать больших перемен... Это похороны холодной войны... Пятнадцать лет назад Россия была врагом, теперь Россия становится нашим другом и союзником» [50, с. 214].

Несмотря на то что Россия поддержала западные политические практики борьбы с терроризмом, ее собственный отпор терроризму в Чечне был поставлен в США в нормативную плоскость: «...в то же время она [война в Чечне] оказала существенное влияние на судьбу российского федерализма. Если Путин планировал назначение российских региональных администраторов более или менее по образцу Ахмата Кадырова, то Шамиль Басаев в Беслане предоставил ему убедительный для этого повод» [63, с. 506]. В своих мемуарах посол США У. Бернс так описывает реакцию администрации Дж. Буша на теракт в Беслане: «Для В. Путина события сентября 2004 г. были поворотным моментом. Он воспринял предупреждение Дж. Буша о недопущении излишних мер в отношении чеченцев не иначе, как предательство» [18, с. 209]. В научно-публицистическом дискурсе возникает такое понятие, как «чеченизация России» [36; 52–54; 63], рассматривающее процессы стабилизации внутривнутриполитической ситуации в постконфликтной Чечне с позиции критики российского федерализма. Давление на Россию оказывалось также и через неправительственные организации. Парламентская Ассамблея Совета

Европы в своих отчетах критиковала Россию за ее недемократические действия, которые напрямую влияли на ситуации нарушения прав человека.

Последующее нарастание критической массы противоречий между США и Россией в области взаимодействия по вопросам безопасности проявилось в 2006 году, когда Россия в довольно жесткой форме ответила на планы США по размещению средств противоракетной обороны в Польше и Чехии. Россия предостерегала США, что откажется от договорной базы по вопросам контроля над вооружениями, в частности от ДРСМД и ДОВСЕ. В интервью газете «Выборча» начальник генерального штаба Вооруженных Сил РФ (2004–2008 гг.) Ю. Балувевский заявил: «Пожалуйста, стройте щит. Только подумайте, что потом вам будет падать на голову». Несмотря на то что перспективные системы ПРО США в Польше и Чехии были абсолютно бессмысленны для противодействия российским стратегическим ядерным силам, их потенциальная установка вызвала серьезное противодействие России [12].

То, что в литературе по ТОб именуется термином «*anxiety*» [17] (беспокойство в отсутствие объективных причин), проявилось с 2006 года в российском интеллектуальном дискурсе примерно под формулировкой *сдерживания*. В Послании Президента 2006 года впервые упоминается, что «не все в мире смогли уйти от стереотипов блокового мышления и предрассудков, доставшихся нам от эпохи глобальной конфронтации» [2]. «В менталитет сдерживания России укладываются и односторонние планы размещения американской базы ПРО в Европе. Вряд ли случайно, что противоракетная база в Европе точно как недостающий элемент: *jing saw puzzle* (головоломка, в которой общая картинка собирается из отдельных элементов. – А.Х., Н.Н.) – ложится в рисунок глобальной системы ПРО США, расположенной по периметру российских (а заодно и китайских) границ» [5], – обращал внимание министр иностранных дел России С.В. Лавров в 2007 году. По аналогии с Мюнхенской речью В.В. Путина С.В. Лавров указывал, что Россия сталкивается с непониманием, несмотря на то что она всё еще разделяет основополагающие практики и нормы контрагента: «В чем же может состоять задача сдерживания России в наше время? России, которая отказа-

лась от идеологии имперских и иных «великих замыслов» в пользу прагматизма и здравого смысла». Несмотря на то что Россия далека от советских «имперских и иных великих замыслов», она не смогла найти понимания в процессе адаптации к новому порядку.

Схожий дискурс сдерживания проявился в 2014 году и сопровождал все последующие выступления Президента: «Уверен, что если бы всего этого не было, – хочу это подчеркнуть, уважаемые коллеги, особенно для вас, для политиков, для тех, кто сегодня сидит в зале, – если бы всего этого не было, то придумали бы какой-нибудь другой повод для того, чтобы сдерживать растущие возможности России, повлиять на нее, а еще лучше – использовать в своих интересах» [7].

Переменная 3. Проблема статуса в отношениях России и США имеет наиболее широкий охват как в научно-исследовательской литературе, так и в практической плоскости локализации данной проблемы в контексте двусторонних отношений. Стремясь получить так называемые статусные маркеры современной либеральной демократии (как, например, членство в наиболее престижных организациях), Россия наткнулась на сопротивление со стороны администрации Б. Клинтона, требующей вначале внутривнутриполитических изменений, направленных на демократизацию России [59]. Усугубляло ситуацию то, что страны Восточной Европы принимались в стан демократий на куда более формальных основаниях, что только усиливало недоверие российских элит в отношении искренности западных партнеров [37]. Важным этапом на пути формирования претензий России в отношении США по вопросу непризнания ее статуса стало расширение НАТО на Восток. В своих мемуарах заместитель государственного секретаря С. Телботт пишет, что Президентом Б. Клинтонем вполне осознавалось, что, принимая в одностороннем порядке решение о расширении НАТО на Восток, США во многом изолируют Россию [61, с. 237]. Статус России как равноправного участника международно-политической жизни был проигнорирован решением США не выносить вопрос военно-воздушного вмешательства НАТО в Косовский конфликт на обсуждение Совета Безопасности ООН. В определенном смысле состояние, в котором находилась Россия в то время, было удачно зафиксиро-

ровано Советом по внешней и оборонной политике: «...нет... никакого смысла считаться с мнением России, нужно идти дальше и добиваться окончательного одностороннего военного преимущества, а затем и диктовать свои условия во всех остальных областях» [10].

Начиная с 2006 года политика России в отношении США и НАТО начала меняться: если ранее за вербальным протестом не следовало конкретных шагов, то отныне Россия демонстрировала силу. Критическая масса противоречий образовалась уже к 2008 году: политика М. Саакашвили на сближение с НАТО и подписание декларации Бухарестского саммита НАТО стали восприниматься в России как очередное покушение на ее статус великой державы: помимо того, что это создавало угрозу расширения НАТО на юге, включение Грузии без консультаций с Россией говорило именно о стремлении Запада ее изолировать. Случившуюся августовскую войну Ф.А. Лукьянов описывал следующим образом: «...это чем-то напоминало восстановление справедливости после 20-летней политики отступления, доказательство, что Россия может сказать “нет”» [36, с. 274].

Несмотря на небольшой «всплеск» новых симпатий в отношении США и Запада в 2009–2010 гг.¹, позиция России уже принципиально отлична от той, что была в период первых двух сроков В.В. Путина. Это воплотилось в высказывании Д.А. Медведева в Послании 2011 года: «Хочу лишь подтвердить одно: мы открыты для конструктивного диалога и для предметной работы с нашими партнерами, если они научатся нас слышать» [6]. По возвращении В.В. Путина в 2012 году этот дискурс только усилился, становясь описательным средством российской самостоятельной позиции в мире: «Россия должна не просто сохранить свою геополитическую востребованность – она должна ее умножить, она должна быть востребована нашими соседями и партнерами» [8].

Однако никогда прежде, чем в 2014 году, проблема статуса не звучала в повестке российско-американских отношений с такой остротой² [38]. Президент В.В. Путин так аргументировал

¹ Например, в Посланиях Президента за это время ни разу не встречается упоминания Запада в критическом ключе. На это время приходятся предложения Д. Медведева о формировании инклюзивной архитектуры Евро-Атлантической безопасности, общеевропейской системы ПРО, заключения Договора о Европейской безопасности.

² В сравнении с периодом 1994–2012 годов украинский кризис в данном срезе анализировался немногими западными исследователями.

невозможность решения проблемы Крыма в начальный период Российской Федерации: «Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду. Наша страна находилась тогда в таком тяжелом состоянии, что просто не могла реально защитить свои интересы» [6]. На фоне проактивной внешней политики России в научно-популярном дискурсе возникает тема «веймарского синдрома» России, сделавшейся периферийной страной в результате действий Запада в постсоветский период. «Превратив Россию в периферийную, а то и следующую в фарватере Запада державу, эта политика неизбежно порождает у великой нации, чье достоинство и интересы попирались, подобие “веймарского синдрома”» [4]. Д. Ларсон, исследовавшая проблематику статуса в российской политике справедливо замечает, что «изоляция и исключение растущих держав из глобальной повестки дня пробуждает гнев и стимулирует желание соперничества с великими державами. Продолжающееся равнодушие к стремлениям России обрести статус великой державы, в особенности на постсоветском пространстве, будет и дальше стимулировать в российских элитах чувство травмы и унижения, что может вылиться в новый конфликт» [38, с. 140].

При анализе всех Посланий Президента Федеральному Собранию, а также Концепций внешней политики Российской Федерации подтверждается гипотеза об эволюции отношения России к политике США.

Для трех переменных ТОВ были выделены следующие ключевые слова. *Нормы*: критика распространения демократии¹. *Политические практики*: американские ПРО, сотрудничество с США / НАТО. *Статус*: Россия в составе антитеррористической коалиции, стремление к равноправию, сдерживание России, интеграция в мировое сообщество. Как видно из таблицы 2, 2006 год является рубежным, когда в дискурсе российской политической элиты наметилось критическое отношение к политике США. Она связана главным образом с размещением систем противоракетной обороны. Факт выхода США из ПРО в 2001 году нигде не указы-

¹ Первоначальный поиск ключевых слов распространялся и на просто понятие «демократия». Однако было установлено, что Россия прочно ассоциирует себя и свое внутриполитическое устройство с «демократией». Упоминание этого слова в данном контексте чрезвычайно высокое: до 15 раз в каждом Послании.

Таблица 2

Анализ внешнеполитического дискурса России

Документ / Ключевые слова	Распространение демократии / "Универсальные интервенции"	Россия в составе антитеррористической коалиции	Критика американской ПРО	Стремление к равноправно	Сотрудничеств о с США	Сотрудничеств о с НАТО	Сдерживание России	Интеграция в мировое сообщество
Послание Президента 2000	1	0	0	0	0	0	0	0
Концепция Внешней политики 2000	0	0	0	1	1	1	0	1
Послание Президента 2001	0	0	0	0	0	0	0	1
Послание Президента 2002	0	3	0	0	1	1	0	0
Послание Президента 2003	0	4	0	0	1	1	0	3
Послание Президента 2004	0	1	0	0	1	0	0	2
Послание Президента 2005	0	1	0	0	0	1	0	0
Послание Президента 2006	1	0	0	0	0	0	1	3
Послание Президента 2007	0	0	1	1	1	1	0	0
Послание Президента 2008	0	0	4	2	1	1	1	0
Концепция Внешней политики 2008	1	0	1	3	2	1	1	0
Послание Президента 2009	0	0	0	0	0	1	0	0
Послание Президента 2010	0	0	1	1	1	1	0	0
Послание Президента 2011	1	0	0	1	0	0	0	0
Послание Президента 2012	0	0	0	0	0	0	0	0
Послание Президента 2013	1	0	2	1	1	0	0	0
Концепция Внешней политики 2013	1	0	2	1	1	1	0	0
Послание Президента 2014	1	0	1	0	0	0	2	0
Послание Президента 2015	1	0	0	0	0	0	0	0
Послание Президента 2016	0	0	0	0	0	2	0	0
Концепция Внешней политики 2016	0	0	21	3	0	0	0	0
Послание Президента 2018	0	0	0	0	0	0	0	0

ваются в документах США вплоть до 2006 года. Россия открыто заявляет о претензии на равноправные отношения с Западом также примерно с 2006 года. В это же время возникает дискурс сдерживания России: в 2008 году он встречается дважды, в Послании и Концепции внешней политики. Параллельно критике действий Запада в российском дискурсе пропадают сигналы о стремлении России быть интегрированной в мировое сообщество. В 2008 году в Концепции внешней политики появляется концепт многополярности. ТОб предполагает, что возникший разлад с ожиданиями России по интеграции в мировое сообщество в статусе великой державы и сотрудничеству с США и НАТО (о чем в последний раз российское руководство открыто заявило в Посланиях 2008–2011 гг.) создал идеационный стимул навязывать свою триаду переменных.

Политика России по навязыванию «новой нормальности» норм, практик, а также своего статуса западному сообществу продолжается. К формальным признакам определенного прогресса такой политики можно отнести множество свидетельств, например призывы глав государств восстановить членство России в Группе семи, что является важным статусным маркером для государства.

Состояние онтологической безопасности в нашем прочтении не является в прямом смысле слова состоянием, существующим в длительном отрезке времени: взаимное навязывание собственной социальной реальности, как и материальная конкуренция держав, является постоянным процессом, что препятствует установлению консенсусного понимания норм, практик и статусов на продолжительный срок. России, вероятно, удастся навязать свое понимание норм, практик и статусов в международной системе. Будет ли это в «новой многополярности» или же Запад прибегнет к аккомодации России в стан западных великих держав – остается неясным. Однако рост Китая и упадок влияния Запада, глобальная переконфигурация мировой системы ставят новые вызовы перед научным сообществом в описании будущей системы координат такого мироустройства.

Картирование российского дискурса¹ позволяет указать в рамках ТОб на палитру противоречий между Россией и США.

¹ Пробы были взяты только из Посланий и Концепций. Однако данная методика позволяет картировать большой пласт источников, выделяя проблемные узлы онтологической безопасности государства.

Понимание норм демократии, а также критическое восприятие практик распространения демократии является проблемой двусторонних отношений, однако урегулирование данного вопроса не снимет проблему онтологической незащищенности у России в отношении с Западом и США. То же самое справедливо и для других переменных: проблемы понимания политических практик и признания статуса. Россия может быть признанной великой державой, но, скажем, публичное обсуждение в США изъянов российской демократии спровоцирует новый виток конфронтации. В отличие от многих макротеорий международных отношений ТООБ не дает готовых рецептов для избежания состояния онтологической незащищенности. В ней возможно отследить динамику кризисных отношений, а также на основании выделения конкретных переменных можно провести мониторинг изменения состояния. С точки зрения ТООБ только совокупное решение проблемы признания норм, политических практик и взаимных статусов гарантирует государствам онтологическую безопасность.

Заключение

Теория онтологической безопасности признает примат идеационных и социально-психологических стимулов над материальными, по-разному интерпретируя их истоки. Полагаем, что ОБ можно определить как состояние, при котором контрагентами разделяется набор норм, одинаково понимаются политические практики и взаимно признаются статусы друг друга. Интерпретация трех переменных, как правило, чрезвычайно различная, порождает у государств чувство онтологической незащищенности. Конкурируя за утверждение лучшей интерпретации этих переменных, государства развязывают войны, заключают и разрывают соглашения, прибегают к эскалации там, где порой нет объективных материальных причин для подобных шагов.

Предложенное определение онтологической безопасности фиксирует ряд важных аспектов. Во-первых, оно акцентирует формат межгосударственных отношений. Во-вторых, оно совмещает три базовые переменные социальных исследований международных отношений, совокупность которых:

а) позволяет более комплексно смотреть на международно-политическую ситуацию;

б) демонстрирует хрупкость состояния онтологической безопасности: отсутствие психологического консенсуса по любой из трех переменных может породить онтологическую незащищенность.

В-третьих, оно полезно для анализа политики великих держав на основании конкретной методики: дискурс-анализа и контент-анализа. Методы наглядно демонстрируют палитру противоречий между государствами и демонстрирует их динамику.

В чем заключается добавленное знание данной теории при интерпретации политики России в отношении США? Во-первых, теория демонстрирует взаимосвязь данных трех важнейших компонентов: важно не то, насколько размещение ПРО в Европе не несет материальную угрозу для России, а как это влияет на ее позиционирование себя в мире и какой экзистенциальный вызов может вызвать наличие у Польши 15 перехватчиков в сравнении с ракетно-ядерным потенциалом России; важно не то, насколько США в действительности повлияли на «цветные революции» в Украине и Грузии, а то, как нормы демократии и свободы слова отразились на восприятии Россией своей роли на постсоветском пространстве и на ее внутривнутриполитической повестке дня. Во-вторых, в теории утверждается, что отдельное решение любой из трех проблем не будет способствовать урегулированию противоречий России и США: отдельное решение вопроса по ПРО, по признанию статуса России как великой державы или признанию России демократией не улучшит качественно двусторонние отношения в целом.

Теория онтологической безопасности, опирающаяся на работы крупнейших психологов и антропологов, описывает базовые «психологические» особенности поведения государств, проблематику статуса и ассиметричного восприятия политики других государств. Часто за действиями людей, принимающих политические решения, стоят именно подобного рода стимулы, а никак не холодный расчет и оценка материальных благ и выгод.

Литература

1. *Борисова А.Р., Войтоловский Ф.Г., Журавлева В.Ю.* Подходы России и США к проблемам глобального управления и реформированию ООН // Пути к миру и безопасности. – 2016. – № 1. – С. 7–23.

2. Внешняя политика // Коммерсант – Власть. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/845861> (дата обращения: 27.01.2020).
3. Дунаев А.Л. Модернизация по-русски: история и современность // РСМД газета. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/modernizatsiya-porusski-istoriya-i-sovremennost/> (дата обращения: 27.01.2020).
4. Караганов С.А. Европа и Россия: не допустить новой «холодной войны» // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/number/Evropa-i-Rossiya-nedopustit-novoi-kholodnoi-voynu--16579> (дата обращения: 27.01.2020).
5. Лавров С.В. Сдерживание России: назад в будущее? // Россия в глобальной политике. – URL: https://globalaffairs.ru/number/n_9236 (дата обращения: 27.01.2020).
6. Обращение Президента Российской Федерации 2014 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 27.01.2020).
7. Послание Президента Федеральному Собранию 2014 года. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения: 27.01.2020).
8. Путин В.В. Интервью газете «The Financial Times». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60836> (дата обращения: 27.01.2020).
9. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. – URL: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html (дата обращения: 27.01.2020).
10. Путин уверен, что демонстрация возможностей российских ВС отрезвит любого агрессора // ИТАР – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/4998995> (дата обращения: 27.01.2020).
11. Путин: выход США из Договора ПРО подкосил международную безопасность // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20150326/1054631995.html> (дата обращения: 27.01.2020).
12. Фененко А.В. Современная международная безопасность: ядерный фактор. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 573 с.
13. Фененко А.В. Современная история международных отношений: 1991–2015. – М.: Аспект Пресс, 2015. – 432 с.
14. Худайкулова А.В., Неклюдов Н.Я. Концепция онтологической безопасности в международно-политическом дискурсе // Вестник МГИМО. – Т. 12. – 2019. – № 6. – С. 129–149.
15. Шаклеина Т.А. Лидерство и современный мировой порядок // Международные процессы. – Т. 13. – 2015. – № 4. – С. 6–19.
16. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с.
17. Browning C.S. Brexit, Existential Anxiety and Ontological (In) Security // European Security. – Vol. 27. – 2018. – No. 3. – P. 336–355.
18. Burns W.J. The Back Channel: A Memoir of American Diplomacy and the Case for Its Renewal. – Random House, 2019. – 512 p.
19. Çapan Z.G., Zarakol A. Turkey's Ambivalent Self: Ontological Insecurity in 'Kemalism' versus 'Erdoganism' // Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 32. – 2019. – Issue 3. – P. 263–282.
20. Cebeci D. Growing Up Exceptional-the Waning American Century: the US' Withdrawal From The JCPOA through the Lens of Ontological Security Theory. – The University of North Carolina at Chapel Hill, 2019. – 50 p.
21. Charap S., Shapiro J. US-Russian Relations: the Middle Cannot Hold // Bulletin of the Atomic Scientists. – Vol. 72. – 2016. – No. 3. – P. 150–155.
22. Ejdus F. 'Not A Heap of Stones': Material Environments and Ontological Security in International Relations // Cambridge Review of International Affairs. – Vol. 30. – 2017. – Issue 1. – P. 23–43.
23. Finnemore M. Constructing Norms of Humanitarian Intervention. The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics, 1996. – 560 p.
24. Finnemore M., Sikkink K. International Norm Dynamics and Political Change // International Organization. – Vol. 52. – 1998. – No. 4. – P. 887–917.
25. Giddens A. Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis. – University of California Press, 1979. – 294 p.
26. Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. – Stanford University Press, 1991. – 264 p.

27. Greve P. Ontological Security, the Struggle for Recognition, and the Maintenance of Security Communities // *Journal of International Relations and Development*. – Vol. 21. – 2018. – No. 4. – P. 858–882.
28. Haacke J. The Frankfurt School and International Relations' on the Centrality of Recognition // *Review of International Studies*. – Vol. 31. – 2005. – No. 1. – P. 181–194.
29. Homolar A., Scholz R. The Power of Trump-Speak: Populist Crisis Narratives and Ontological Security // *Cambridge Review of International Affairs*. – Vol. 32. – 2019. – Issue 3. – P. 344–364.
30. Kinnvall C. Globalization and Religious Nationalism: Self, Identity, and the Search for Ontological Security // *Political Psychology*. – Vol. 25. – 2004. – No. 5. – P. 741–767.
31. Kinnvall C. Ontological Insecurities and Postcolonial Imaginaries: The Emotional Appeal of Populism // *Humanity & Society*. – Vol. 42. – 2018. – No. 4. – P. 523–543.
32. Kinnvall C. Populism, Ontological Insecurity and Hindutva: Modi and the Masculinization of Indian Politics // *Cambridge Review of International Affairs*. – Vol. 32. – 2019. – Issue 3. – P. 283–302.
33. Kinnvall C., Manners I., Mitzen J. Introduction to 2018 Special Issue of European Security: "Ontological (In) Security in the European Union" // *European Security*. – Vol. 27. – 2018. – No. 3. – P. 249–265.
34. Kozyrev A. The New Russian and the Atlantic Alliance // *Online Library NATO*. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/1993/9301-1.htm> (accessed: 27.01.2020).
35. Krolkowski A. State Personhood in Ontological Security Theories of International Relations and Chinese Nationalism: a Sceptical View // *Chinese Journal of International Politics*. – Vol. 2. – 2008. – No. 1. – P. 109–133.
36. Lapidus G.W. Contested Sovereignty: the Tragedy of Chechnya // *International Security*. – Vol. 23. – 1998. – No. 1. – P. 5–49.
37. Larson D.W., Shevchenko A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to US Primacy // *International Security*. – Vol. 34. – 2010. – No. 4. – P. 63–95.
38. Larson D.W., Shevchenko A. Russia Says No: Power, Status, and Emotions in Foreign Policy // *Communist and Post-Communist Studies*. – Vol. 47. – 2014. – No. 3-4. – P. 269–279.
39. Laruelle M. The 'Russian World': Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination // *Center on Global Interests*. – 2015. – P. 23–25.
40. Lupovici A. Ontological Dissonance, Clashing Identities, and Israel's Unilateral Steps Towards the Palestinians // *Review of International Studies*. – Vol. 38. – 2012. – No. 4. – P. 809–833.
41. Makarychev A., Medvedev S. Biopolitics and Power in Putin's Russia // *Problems of Post-Communism*. – Vol. 62. – 2015. – No. 1. – P. 45–54.
42. Mälksoo M. The Memory Politics of Becoming European: the East European Subalterns and the Collective Memory of Europe // *European Journal of International Relations*. – Vol. 15. – 2009. – No. 4. – P. 653–680.
43. Mälksoo M. Countering Hybrid Warfare as Ontological Security Management: the Emerging Practices of the EU and NATO // *European Security*. – Vol. 27. – 2018. – No. 3. – P. 374–392.
44. Mälksoo M. The Normative Threat of Subtle Subversion: the Return of 'Eastern Europe' as an Ontological Insecurity Trope // *Cambridge Review of International Affairs*. – Vol. 32. – 2019. – Issue 3. – P. 365–383.
45. Mitzen J. Ontological Security in World Politics: State Identity and the Security Dilemma // *European Journal of International Relations*. – Vol. 12. – 2006. – No. 3. – P. 341–370.
46. Murray M. Identity, Insecurity, and Great Power Politics: the Tragedy of German Naval Ambition before the First World War // *Security Studies*. – Vol. 19. – 2010. – No. 4. – P. 656–688.
47. Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. *Status in World Politics*. – Cambridge University Press, 2014. – 320 p.
48. Park S. Theorizing Norm Diffusion within International Organizations // *International Politics*. – Vol. 43. – 2006. – No. 3. – P. 342–361.
49. Ringmar E. *Words that Govern Men: a Cultural Explanation of the Swedish Intervention into the Thirty Years War*. – Cambridge University Press, 1994. – 252 p.

50. *Pouliot V.* International Security in Practice: The Politics of NATO-Russia Diplomacy. – Cambridge University Press, 2010. – 380 p.
51. *Roe P.* The 'Value' of Positive Security // *Review of International Studies*. – Vol. 34. – 2008. – No. 4. – P. 777–794.
52. *Russell J.* Chechnya-Russia's 'War on Terror'. – Routledge, 2007. – 272 p.
53. *Russell J.* Kadyrov's Chechnya. Template, Test or Trouble for Russia's Regional Policy? // *Europe-Asia Studies*. – Vol. 63. – 2011. – No. 3. – P. 509–528.
54. *Russell J.* Ramzan Kadyrov's "Illiberal" Peace in Chechnya // *Chechnya at War and Beyond*. – Routledge, 2014. – P. 147–165.
55. *Sakwa R.* US-Russian Relations in the Trump Era // *Insight Turkey*. – Vol. 19. – 2017. – No. 4. – P. 13–28.
56. *Steele B.J.* Ontological Security and the Power of Self-Identity: British Neutrality and the American Civil War // *Review of International Studies*. – Vol. 31. – 2005. – No. 3. – P. 519–540.
57. *Steele B.J.* Ontological Security in International Relations: Self-Identity and the IR State. – Routledge, 2008. – 218 p.
58. *Steele B.J., Homolar A.* Ontological Insecurities and the Politics of Contemporary Populism // *Cambridge Review of International Affairs*. – Vol. 32. – 2019. – No. 3. – P. 214–221.
59. *Stent A.* America and Russia: Paradoxes of Partnership // *Russia's Engagement with the West: Transformation and Integration in the Twenty-First Century*. – 2005. – P. 260-280.
60. *Suzuki S.* Japanese Revisionists and the 'Korea Threat': Insights from Ontological Security // *Cambridge Review of International Affairs*. – Vol. 32. – 2019. – Issue 3. – P. 303–321.
61. *Talbott S.* The Russia Hand: a Memoir of Presidential Leadership. – Random House, 2002. – 478 p.
62. *Tsygankov A.P.* Russia and the West from Alexander to Putin: Honor in International Relations. – Cambridge University Press, 2012. – 317 p.
63. *Ware R.* Has the Russian Federation Been Chechenised? // *Europe-Asia Studies*. – Vol. 63. – 2011. – No. 3. – P. 493–508.
64. *Zarakol A.* Ontological (In) Security and State Denial of Historical Crimes: Turkey and Japan // *International Relations*. – Vol. 24. – 2010. – No. 1. – P. 3–23.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Тимакова Ольга Александровна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: olga.timakova12@gmail.com

Olga A. Timakova,

Ph.D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: olga.timakova12@gmail.com

НОВАЯ РАССТАНОВКА СИЛ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ NEW POWER BALANCE IN THE MEDITERRANEAN

Аннотация: Юго-Восточное Средиземноморье – самый конфликтный регион в современной мировой политике. Аналогично всему миру этот регион переживает период трансформации – смены старого мирового порядка на новый. Страны региона стремятся сохранить стабильность и безопасность своей территории и опасаются «эффекта домино», который был свойствен первой волне «арабской весны» и проявился с новой силой во время протестов 2019 года. Страны Юго-Восточного Средиземноморья, как и регион в целом, имеют жизненно важное значение для России. Россия стремится к выравниванию баланса сил в регионе и участию в переговорных процессах по ключевым вопросам. Она намерена продолжать укреплять свои позиции в регионе Юго-Восточного Средиземноморья и улучшать свой образ как более привлекательного партнера, чем страны Запада.

Ключевые слова: Россия, Средиземноморье, Ближний Восток, Северная Африка, Сирия, безопасность.

Abstract: historically, the Southeastern Mediterranean is the most conflict region in modern world politics. This region is undergoing a period of transformation – the change of the old world order to a new one. The countries of the region largely strive to maintain the stability and security of their territory and fear the “domino effect”, which was characteristic of the first wave of the “Arab spring” and manifested itself with renewed vigor during the 2019 protests. The countries of the Southeast Mediterranean, as well as the region as a whole, are of vital importance for Russia. Russia seeks to equalize the balance of power in the region and to participate in the negotiation processes on key issues. Russia intends to continue to strengthen its position in the region of the Southeast Mediterranean and improve its image as a more attractive partner than the Western countries.

Key words: Russia, Mediterranean, Middle East, North Africa, Syria, security.

Политические и экономические процессы в регионе Средиземноморья развиваются неразрывно с глобальными мегатрендами и напрямую взаимосвязаны с состоянием миропорядка. Международная среда влияет на региональные процессы в сфере безопасности, экономики, политики и социума, но и те, в свою очередь, оказывают решающее воздействие на формирование международной повестки дня и поддержание существующих правил и порядков.

В рамках общего процесса трансформации мирового порядка в Средиземноморье развернулось непрекращающееся соперничество региональных и внерегиональных стран, сопряженное с опасными внутривнутриполитическими и социальными событиями в странах региона. В Средиземноморье сталкиваются интересы большого количества акторов – всё это делает достижение целостной региональной системы очень затруднительным.

События, происходящие в регионе на протяжении второго десятилетия XXI века, подтвердили утверждения теоретиков реалистской парадигмы, что соблюдение норм и правил международного права как главного инструмента в разрешении кризисов не подтвердило свою эффективность [22, с. 126].

Пристальное внимание внерегиональных держав к политическим процессам в Средиземноморье – как внутренним, социально-экономическим, так и внешним – можно объяснить несколькими взаимозависимыми экономическими и политическими причинами. К экономическим факторам относятся богатая ресурсная база региона и торгово-транспортные и логистические маршруты, проходящие через него. С точки зрения мирополитических процессов регион является источником значительного числа глобальных угроз – демографических, экологических, военных.

Взаимозависимость региона, которая кроется в исторических, экономических и географических факторах, обнаружила себя с новой силой во втором десятилетии XXI века во время кризисов в Ливии и Сирии. В научном и экспертном сообществе нашел распространение концепт международно-политического региона Ближнего Востока и Северной Африки, который расширяет географические границы Юго-Восточного Средиземноморья. В современной мировой истории, еще в XIX веке, в момент

формирования государственной системы арабских государств, очевидной и определяющей стала роль внешних государств.

Противоречия в научных кругах возникают при оценке возможностей мировых внерегиональных держав управлять процессами, происходящими в регионе. Встает также вопрос о том, могут ли региональные державы влиять на формирование повестки дня, приоритетов и стратегий внешних акторов [17, с. 3–4].

На протяжении столетий Россия рассматривала регион Средиземноморья как стратегически важный для реализации национальных интересов. В доктринальных установках современной России процессы, происходящие в регионе, напрямую увязываются с возможностями поддержания глобальной и региональной стабильности [4].

Современная внешнеполитическая активность России в регионе демонстрирует намерение Москвы оказаться наравне с США и Китаем в числе ключевых внерегиональных акторов Средиземноморья. Значение региона в глобальных процессах прошло существенную трансформацию с начала XXI века. Мировые внерегиональные державы постепенно меняют свое видение Средиземноморья, его места в их внешнеполитических стратегиях и понимание того, какая роль отводится региональным державам [5, с. 105].

Новая волна «арабской весны»

На протяжении второго десятилетия XXI века в Средиземноморье параллельно нашли отражение три важные мировые тенденции: кризис существующего и формирование нового мирового порядка (от однополярного к многополярному или бесполярному); борьба за региональное лидерство; внутривнутриполитические и социально-экономические трансформации. Все три этих процесса не являются независимыми друг от друга и одновременно меняют значимость одних внешних акторов в противовес другим.

Широкие дискуссии об установлении демократии, свержении диктаторских режимов, развитии умеренного политического ислама оказались скорее надеждами, чем реальными последствиями «арабской весны» 2010–2011 годов [20]. Причинами событий, которые привели к социальной нестабильности в арабском мире, стали общая дестабилизация и потрясения, которые переживают

глобальная экономическая, социальная и политическая системы. Эксперты Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова утверждают, что в этом контексте следовало ожидать потрясений в арабских странах, поскольку они являются своего рода «слабым звеном» современной западноцентричной мир-системы. Серьезные конфликты и крупные потрясения на Ближнем Востоке прогнозировались ранее [3], исходя из того, что фаза дестабилизации мирового порядка (великих потрясений) будет наблюдаться в период начала 2000-х–2017 годов, а ее нижняя точка будет соответствовать периоду 2010–2013 годов. Более того, можно уверенно прогнозировать, что события в Тунисе, Египте, Ливии и других арабских странах – это только начало крупных тектонических сдвигов и на Ближнем и Среднем Востоке, и на всей периферии и полупериферии существующей мир-системы [2, с. 113].

Политические выступления, почти одновременно развернувшиеся по всей территории Юго-Восточного Средиземноморья в 2019 году, были названы экспертным сообществом второй волной «арабской весны» [12].

Непосредственные причины протестов варьируются. В Алжире причиной стала политика Президента страны, который собирался выдвигаться на пятый срок. В Египте, Ливане, Иране и Судане причины были экономическими: ужесточение программ субсидирования, повышение цен на сотовую связь и топливо, нехватка продовольствия соответственно [12].

В Судане и Алжире сотни тысяч демонстрантов вынудили подать в отставку их лидеров [13; 23]. В Ливии продолжается борьба за власть между кланами, которая позволила бы остановить безвластие, существующее с 2011 года [19]. Переговоры оппозиции с армией, которая должна управлять переходным процессом, показывают, что события скорее будут развиваться по египетскому сценарию, где относительная стабильность была восстановлена с приходом к власти генерала Сиси.

Новая волна выступлений и беспорядков в Юго-Восточном Средиземноморье демонстрирует, что основные проблемы, которые стали причинами событий 2010–2011 годов, не были разрешены. На протяжении нескольких десятилетий страны арабского мира – и богатые, и бедные – руководствовались мо-

делью неолиберализма и открытого регионализма. Встраивание в международную экономическую систему разделения труда они связывали с последующим быстрым экономическим ростом и развитием. Протесты и общественные выступления 2019 года продемонстрировали, что население продолжает терять доверие к государственным элитам и уверенность в том пути развития, который определялся неолиберальной экономикой [25].

В отличие от мировых держав страны региона в наивысшей степени заинтересованы в сохранении стабильности, устойчивом развитии и обеспечении безопасности и надежного функционирования транспортных коридоров. Такое совпадение интересов могло бы послужить хорошим стимулом для развития альтернативных проектов сотрудничества в регионе [21].

Однако всё очевиднее становится неспособность некоторых государств достичь стабильности и справиться с новыми гибридными вызовами. Страны региона в значительной степени опасаются «эффекта домино», который был свойствен первой волне «арабской весны» и проявился с новой силой в 2019 году [16].

Динамика среды безопасности в регионе привела к фрагментации пространства. Восприятие угроз странами региона стало значительно различаться, а геополитическое противоборство в связи с этим воспринимается не только как угроза национальной безопасности, но и как угроза самому государственному строю. Это может обернуться формированием стратегических доктрин максималистского толка, которые будут воспринимать угрозы в терминах почти экзистенциального характера [18].

Государства региона в новых геополитических реалиях вынуждены действовать в одностороннем порядке, чтобы оградить себя от последствий эскалации гражданских конфликтов на территории всего региона [8; 9].

Шесть почти одновременных конфликтов в регионе повлекли внешнее вмешательство – политическое или военное:

- в Сирии: Иран, Турция, Россия, Страны Персидского залива;
- в Ираке: Иран, Саудовская Аравия, Турция;
- в Бахрейне: Саудовская Аравия, Иран;
- в Йемене: Иран, Саудовская Аравия, ОАЭ;
- в Ливии: Египет, Турция, ОАЭ;
- в Ливане: Иран, Саудовская Аравия.

Региональная система status quo снова находится под угрозой подрыва. Описывая состояние межгосударственных отношений в регионе, эксперты часто апеллируют к соглашению Сайкса–Пико, аргументируя тем самым государственную несостоятельность многих «искусственных» стран в регионе и указывая на близящийся пересмотр границ [1, с. 6].

Другая группа экспертов утверждают о «балканизации» региональных процессов – взаимосвязанные гражданские конфликты в регионе, интервенции внерегиональных держав, борьба за региональное лидерство [1, с. 6].

Однако все эти сценарии на данный момент оказались нереализованными – регион продемонстрировал большую степень устойчивости. Во многом этому способствовала роль внерегиональных акторов, которые играют роль стабилизаторов.

Борьба между внерегиональными акторами – США, Китаем и Россией – в Средиземноморье не представляется стандартным смещением баланса сил. Это противостояние полностью изменяет правила и принципы, на которых строились отношения в регионе, в попытке заменить их на выгодные себе.

Ричард Хаасс, президент аналитического центра «Совет по международным отношениям», назвал это состояние региона как «послеамериканский Ближний Восток», указывая на ряд событий, которые «подорвали основы стратегии США на Ближнем Востоке» и вынудили Вашингтон минимизировать свое присутствие в регионе [15, с. 3]. К числу этих событий он относит: неспособность достижения мира в Палестино-Израильском конфликте; потери понесенные США в иракской и афганской кампаниях; крах государственности, построенной под надзором США в Ираке и Афганистане; проблемы, связанные с военной операцией НАТО; некорректное предсказание развития «арабских революций».

Проблемы в отношениях между США и их ближневосточными союзниками начали выходить за рамки простых политических разногласий и были сконцентрированы на вопросе общей надежности гарантий безопасности, представляемых Вашингтоном.

В текущей ситуации очень привлекательной для стран региона оказалась принципиальная решимость России до конца поддерживать своих союзников.

Стратегия России в Юго-Восточном Средиземноморье

Геостратегическая, дипломатическая и экономическая значимость региона Средиземноморья для России велика как никогда в настоящее время.

Политика России в регионе отличается от проводимого курса других мировых держав. По словам российских ближневосточных экспертов, различия в подходах определяются исходными возможностями, задачами, а также историческими амбициями великих держав. США традиционно исходят из концепции политической, экономической и военной экспансии, стратегия Великобритании и Франции опирается на колониальный «багаж», Россия стремится к выравниванию баланса сил в регионе и участию в переговорных процессах по ключевым вопросам, а Китай уделяет основное внимание расширению экономического присутствия и развитию бизнес-связей [2, с. 111].

В исторической перспективе с момента окончания Второй мировой войны и до 1991 года Советский Союз сохранял постоянное присутствие в Средиземноморье. СССР обладал военно-морскими и военно-воздушными базами в Албании, Египте и Сирии.

Тяжелая внутривнутриполитическая и экономическая обстановка в России в 1990-х годах вынудили ее сократить свое присутствие в регионе до минимума. Таким образом, на протяжении почти двух десятилетий США остались единственной внерегиональной мировой державой, сохраняющей серьезное военное присутствие в регионе и влияющей на политические и экономические процессы в нем.

После окончания кризисного периода 1990-х годов, Россия начала выстраивать новые дипломатические, политические, экономические и военные контакты со странами региона [5, с. 99]. В ходе многих официальных визитов стороны находили консенсус в экономических, политических и военных интересах.

Официальный запрос руководства Сирии о помощи в борьбе с террористической угрозой стал для России возможностью вернуть свое влияние в регионе.

Экспертные дискуссии в США и странах Европы, сконцентрированные на «возвращении» России в регион, склонны винить в этом именно бездействие самих стран Запада. Действия России в поддержку правительства Сирии были интерпретированы

широким международным сообществом как попытка Москвы установить гегемонию в регионе, сравнимую с влиянием Советского Союза [22, с. 116].

Однако цели и задачи России в ее политике в Средиземноморье отличаются от идеологических императивов времен «холодной войны» [14, с. 140]. Ключевая роль российской дипломатии по урегулированию и сирийского, и иранского кризисов позволили выработать повестку дня для переговоров и позволили всем заинтересованным участникам найти консенсус [10, с. 19].

Таким образом, Россия выстраивает в регионе свой образ как надежного посредника в разрешении политических и военных кризисов. Более того, складывается ситуация, когда эти кризисы оказываются неразрешимы без участия России: низкий уровень коммуникации между силами, ведущими войну с ИГИЛ¹, без активной роли Москвы может привести к новым тактическим успехам террористов, которые снова возьмут под контроль территории в регионе.

Политическая активность и дипломатические усилия Москвы позволили России стать едва ли не единственной внерегиональной державой, которая сохраняет возможность вести конструктивный диалог и поддерживать отношения с ключевыми региональными державами, многие из которых являются давними соперниками.

Однако, как настаивают российские эксперты по Ближнему Востоку, Россия также испытывает много трудностей в отношениях со странами региона. В условиях острого регионального соперничества, когда ведущие государства региона (Саудовская Аравия, Турция, Иран, Израиль), в наибольшей степени выигравшие после «арабской весны», активно продвигают собственные интересы, глобальным державам, также вовлеченным в события, всё труднее рассчитывать на устойчивые альянсы с регионалами. Последние действительно обладают мощными рычагами влияния на ситуацию, опираясь на собственные прокси и военно-политические рычаги. Это, в частности, заставляет Россию в реализации своих задач принимать во внимание их позиции. Так, взаимодействие России с Турцией и Ираном в «астанинском формате» по Сирии действительно позволило добиться резкого

¹ Исламское государство Ирака и Леванта – террористическая группировка, запрещенная на территории России и ряда других государств.

ослабления джихадистов и определенной стабилизации ситуации в стране. В то же время и Турция, и Иран имеют собственные интересы, далеко не во всем совпадающие с российскими [2, с. 117].

Специалист по Ближнему Востоку И.Д. Звягельская указывает на необходимость проводить грань между двусторонними отношениями, также подверженными потрясениям (например, турецко-российский кризис в 2015 г.), но всё же сохраняющими устойчивость, и альянсами «по случаю» в контексте тех или иных конфликтов. Эта грань во многом условная, так как поведение местных сил в конфликтах отражается на двусторонних связях. Главное состоит в том, что в стремлении реализовать собственные установки региональные участники международных отношений готовы игнорировать интересы и позиции своих глобальных партнеров. Например, настаивание Ирана на своем видении перспектив сирийского урегулирования может осложнить отношения России как партнера Тегерана с другими игроками в регионе. А стремление Турции сохранить контроль над частью приграничной сирийской территории и ее позиция по курдскому вопросу также вряд ли соответствуют российским представлениям о модели урегулирования в Сирии. Или такой пример: при всей успешности взаимодействия России и Израиля атаки израильтян на иранские объекты в Сирии уже привели к гибели разведывательного самолета России, что не могло не вызвать осложнения в двусторонних отношениях между Москвой и Тель-Авивом. Иными словами, взаимодействие глобальных держав с региональными партнерами всегда будет подвержено вызовам: заинтересованность местных сил в наличии внешних сдержек и противовесов вовсе не означает их попыток адаптировать собственные подходы к подходам глобальных акторов. Именно это и позволяет говорить о «ситуативности» альянсов в контексте ближневосточной ситуации [2, с. 117].

Россия укрепляет свои позиции в регионе с помощью широкого ряда инструментов «мягкой силы» [11]. Многонациональный характер российского общества и успешная интеграция ислама в социальную структуру общества в России являются важным позитивным примером, улучшающим образ страны в Средиземноморье. А опыт России в борьбе с радикальным исламом и экстре-

мизмом является дополнительным стимулом для ослабленных постоянными протестами и новыми формами религиозного экстремизма региональных держав.

Усилия России по улучшению собственного имиджа в регионе оказались очень удачными. «Мягкая сила» России уже сейчас привела к тому, что, по опросам общественного мнения, молодежь склонна видеть в Москве союзника, в то время как Соединенные Штаты утрачивают позицию надежного партнера [11].

Кроме того, Россия увеличивает количество проектов в области публичной дипломатии в регионе – они охватывают многие сферы гуманитарного сотрудничества, такие как культура, наука, спорт, образование, а также традиционные сферы экономического, военного и политического взаимодействия. Россотрудничество – федеральное агентство, основная деятельность которого нацелена на укрепление международного гуманитарного сотрудничества, открыло несколько российских центров науки и культуры в странах Юго-Восточного Средиземноморья. Вторым вектором деятельности Россотрудничества является поддержание соотечественников и русскоговорящего населения за рубежом. «Не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей», – заявил в своей программной статье Президент России еще в 2012 году [7]. Израиль в данном случае является первой страной Юго-Восточного Средиземноморья, где сконцентрированы усилия России [24].

Значительную роль по продвижению позиции России сыграл российский международный многоязычный информационный телеканал «Россия сегодня». По данным агентства, арабская версия телеканала транслируется в шести государствах (Иордании, Ливане, Египте, Марокко, Палестине и Тунисе) и охватывает аудиторию около 7 млн человек ежемесячно.

Основное же внимание в политике Российской Федерации в Средиземноморье направлено на расширение экономических контактов. Россия сотрудничает с Алжиром, Египтом, Иорданией, Тунисом и Турцией в области атомной энергии. Росатом намеревается построить атомные электростанции в этих странах в ближайшие годы.

Российская Федерация успешно сотрудничает со странами – экспортерами нефти (ОПЕК) в согласовании общей энергетической политики – сохранение высоких цен на углеводороды отвечает интересам всех стран-экспортеров.

Большую часть экономического сотрудничества составляет торговля оружием. В условиях постоянных конфликтов в регионе многие правительства связывают обеспечение национальной безопасности против угроз терроризма и экстремизма именно с современным высокотехнологичным вооружением. В результате такого сотрудничества Россия укрепляет свое влияние как партнера и союзника, а государства региона поддерживают собственную стабильность. Согласно данным Рособоронэкспорта, продажи вооружения в страны Юго-Восточного Средиземноморья составляют почти 40% от всех контрактов России [6].

Причинами успешности такого сотрудничества стоит назвать следующие.

Во-первых, отсутствие у стран Юго-Восточного Средиземноморья собственной технологической базы для разработки и производства такого типа вооружений.

Во-вторых, Россия не ставит условия, как это делают страны Западной Европы и США, по достижению необходимых критериев развития общества по собственным лекалам. Политика Запада в области поставок вооружения напрямую зависит от выполнения государством требований, и в случае несоответствия им поставки ограничиваются или прекращаются. Привлекательность России заключается в отсутствии политических условий для сделок.

В-третьих, диверсификация поставщиков вооружений, которая позволяет странам региона оказаться в меньшей зависимости от внешнего влияния какой-то отдельной страны, а также создает рыночную конкуренцию и снижение цен.

В-четвертых, российские вооружения часто являются более выгодными с экономической точки зрения.

Заключение

Сотрудничество со странами Юго-Восточного Средиземноморья, как и позиция в регионе в целом, имеет жизненно важ-

ное значение для России. С момента окончания Второй мировой войны Советский Союз, а затем и Россия вкладывали большое количество ресурсов и усилий, сосредоточили многие активы и инструменты влияния для создания и поддержания прочных отношений как с региональными лидерами, так и с малыми странами в Средиземноморье.

Россия намерена продолжать укреплять свои позиции в регионе Юго-Восточного Средиземноморья и улучшать свой образ более привлекательного партнера, чем страны Запада. Москва усиливает свои позиции в регионе, опираясь на экономическое сотрудничество, и зарекомендовала себя как надежный партнер в сфере поставок вооружений. Россия заинтересована также в развитии связей и в других областях – атомной энергетике, поставках продовольствия и инвестициях.

Юго-Восточное Средиземноморье переживает период трансформации – смены старого мирового порядка на новый, что осложняется повышенным уровнем конфликтогенности региона. В данный момент ни одно государство не может претендовать на роль гегемона и создать новый порядок в одиночку. Регион нуждается в длительном внутривосточном диалоге и в построении новой системы общерегионального сотрудничества. Именно Россия может сыграть значительную позитивную роль в запуске данного процесса.

Литература

1. *Барановский В., Наумкин В.* Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // *Мировая экономика и международные отношения.* – Т. 62. – 2018. – № 3. – С. 5–19.
2. *Ближний Восток: окно возможностей или западня для Атлантистов?* // *Мировая экономика и международные отношения.* – Т. 63. – 2019. – № 7. – С. 11–120.
3. *Дынкин А.А., Пантин В.И.* На пороге неспокойного мира: современная эпоха и кризисные 70-е // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2010. – № 6. – С. 3–9.
4. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.) / Мин-во иностр. дел РФ. – 01.12.2016. – URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 24.12.2019).
5. *Корольков Л.* Меняющаяся геометрия ближневосточных раскладов // *Международные процессы.* – Т. 13. – 2015. – № 1. – С. 97–106.
6. *Никольский А.* Ближний Восток становится крупнейшим рынком для российских вооружений // *Ведомости.* – 2019. – 18 февр. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/02/18/794445-blizhnii-vostok-stanovitsya-krupneishim-rinkom-vooruzhenii> (дата обращения: 23.12.2019).
7. *Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // *Российская газета.* – 2012. – 27 февр.

8. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 55. – 2011. – № 7. – С. 11–25.
9. События в Северной Африке и на Ближнем Востоке: причины и следствия // Мировая экономика и международные отношения. – Т. 55. – 2011. – № 8. – С. 52–66.
10. *Alvarez-Ossorio I.* The Syrian Conflict: A Hostage of Geopolitics // IEMed Mediterranean Yearbook. – 2019. – P. 17–21.
11. *Attias S.* Russian Soft Power in the Middle East / The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 26.07.2019. – URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/russian-soft-power-middle-east/> (accessed: 25.12.2019).
12. *Diwan I.* The Arab Spring's Second Chance / Project Syndicate. – 23.04.2019. – URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/algeria-sudan-army-power-struggle-by-ishac-diwan-2019-04?a_la=english&a_d=5cbf25d8acd88d5b58140f12&a_m=&a_a=click&a_s=&a_p=%2Farchive&a_li=algeria-sudan-army-power-struggle-by-ishac-diwan-2019-04&a_pa=&a_ps= (accessed: 23.12.2019).
13. *Goldstein J.* Sudan's President Seized Power in 1989. Now Protesters Have a Simple Demand 'Just Fall, That's All' // The New York Times. – 07.04.2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/07/world/africa/sudan-protests-al-bashir.html> (accessed: 23.12.2019).
14. *Graham T.* Let Russia be Russia // Foreign Affairs. – Vol. 98. – 2019. – No. 6. – P. 134–147.
15. *Haass R.* World Order 2.0 // Foreign Affairs. – Vol. 96. – 2017. – No. 1. – P. 2–9.
16. *Haggag K.* A Regional Order Contested // The Cairo review of Global Affairs. – 2019. – No. 33. – URL: <https://www.thecairoreview.com/essays/a-regional-order-contested/> (accessed: 25.12.2019).
17. *Hinnebusch R.* Foreign Policy in the Middle East // The Foreign Policies of Middle East States. – 2nd ed. – 2014. – Boulder, CO: Lynne Rienner. – P. 1–34.
18. *Kausch K.* Competitive Multipolarity in the Middle East // IAI Working Papers. – 2014. – No. 14/10. – URL: <http://www.iai.it/en/node/2358> (accessed: 24.12.2019).
19. *Kirkpatrick D.* In Libya, Militia Advances on Capital, Raising Prospect of Renewed Civil War // The New York Times. – 04.04.2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/04/world/africa/libya-tripoli-militia-hifter.html>. (accessed: 23.12.2019).
20. *Kirkpatrick D.* Arab Spring, Again? Nervous Autocrats Look Out Windows as Crowds Swell // The New York Times. – 08.04.2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/08/world/africa/arab-spring-north-africa-protesters.html>. (accessed: 23.12.2019).
21. *Litnas S.* Jihadism, the Eastern Mediterranean, and the "Frontier States" / The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. – 08.10.2018. – URL: <https://besacenter.org/perspectives-papers/eastern-mediterranean-jihad/> (accessed: 25.12.2019).
22. *Lynch M.* The New Arab Order // Foreign Affairs. – Vol. 97. – 2018. – No. 5. – P. 116–132.
23. *Nossiter A.* Algeria's President Bouteflika Is Gone. What Happens Now? // The New York Times. – 03.04.2019. – URL: <https://www.nytimes.com/2019/04/03/world/africa/algeria-bouteflika-what-now.html>. (accessed: 23.12.2019).
24. *Putin Says He Considers Israel a Russian Speaking Country* // Times of Israel. – 19.09.2019. – URL: <https://www.timesofisrael.com/putin-says-he-considers-israel-a-russian-speaking-country/> (accessed: 23.12.2019).
25. *Stiglitz J.E.* The End of Neoliberalism and the Rebirth of History / The Project Syndicate. – 04.11.2019. – URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/end-of-neoliberalism-unfettered-markets-fail-by-joseph-e-stiglitz-2019-11?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=c12a7b8831-sunday_newsletter_22_12_2019&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-c12a7b8831-93856777 (accessed: 26.12.2019).

Шляхтунов Андрей Геннадьевич,

доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой общих гуманитарных и общественных наук,
Национальный институт имени Екатерины Великой,
Москва.

E-mail: andrey.shlyahtunov@yandex.ru

Andrey G. Shlyahtunov,

Doctor of Sciences (Political Science), Professor,
Head of the Department of Arts and Social Sciences,
National Institute named after Catherine the Great,
Moscow.

E-mail: andrey.shlyahtunov@yandex.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА НАТО КАК ФАКТОР УСИЛЕНИЯ ВОЕННОЙ МОЩИ В ЕВРОПЕ

NATO ECONOMIC POLICY AS FACTOR OF ENHANCING MILITARY POWER IN EUROPE

Аннотация: в статье раскрываются вопросы военной и экономической политики НАТО на современном этапе развития альянса. Показаны противоречия внутри блока по экономическим вопросам взаимодействия. Отражена роль стран в финансировании военных программ НАТО и выявлены отдельные значимые тенденции, характерные для военного финансирования ведущими зарубежными странами. В статье отмечается, что отдельные государства альянса не могут предложить высокоперспективных образцов вооружения, современных технологий и в основном ограничиваются предоставлением своей территории под размещение военных баз и объектов инфраструктуры.

Ключевые слова: Россия, США, НАТО, экономическая политика, консолидированный бюджет, военная экономика, финансирование военных миссий, расходы на оборону, безопасность, ассигнования.

Abstract: the article reveals the issues of military economic policy of NATO at the present stage of development of the Alliance. Contradictions within the block on economic issues of interaction are shown. The role of countries in financing NATO military programs and some significant trends typical for military financing of leading foreign countries are reflected. The article notes that some States of the Alliance can not, offer highly promising weapons and modern technologies, and are mostly content with providing their territory for the deployment of military bases and infrastructure.

Key words: Russia, USA, NATO, economic policy, consolidated budget, military economy, financing of military missions, defence costs, security, appropriations.

В последнее время заметно возрастает роль военной составляющей в отношениях между НАТО и Россией. С приходом адми-

нистрации США во главе с Президентом Д. Трампом заметно изменился подход к объединенному бюджету НАТО, в особенности к определению справедливости взносов отдельных государств. Складывается впечатление, что главным смыслом в экономической политике НАТО стала формула «Опасности вашим государствам может и не будет, но деньги вносите в наш бюджет». Возникают вопросы: что представляет из себя подобный новый подход в отношениях между союзниками, когда Президент США намекает о долге Германии приблизительно в 375 млрд долл. за услуги в вопросах безопасности, и может ли кто-то реально навязать войну в Европе той же Германии или Канаде?

В то же время происходит изменение геополитической ситуации в Европе, связанное с военно-политической переориентацией на США и НАТО ряда европейских государств, стремящихся заполучить мандат полноправного участника альянса. Данная тенденция способствует укреплению влияния США в регионе и, как следствие, увеличению масштабов военно-политической деятельности НАТО.

Североатлантический альянс в настоящее время обладает крупным военным и экономическим потенциалом. В него входят три ядерные державы и ряд других непосредственно граничащих с Россией государств. В результате альянс вплотную приблизился к западным российским границам. Кроме того, еще в 2003 году Вашингтоном была официально объявлена программа перевода американских войск с военных баз Германии на территории Польши, Венгрии, Румынии, Болгарии, а также в Закарпатье и Центральную Азию.

В 2019 году суммарный бюджет НАТО, в который входят 29 государств-участников, планировалось увеличить еще на 25 млрд долл., и впервые он должен был составить более 1 трлн долл. Об этом говорит официальная статистика оборонных расходов альянса, опубликованная штаб-квартирой НАТО [14, с. 103]. Рост военных ассигнований в НАТО происходит за счет средств, выделяемых из бюджета стран – участниц альянса. В то же время далеко не все государства блока перечисляют 2% ВВП из своего бюджета на нужды альянса. Финансовые средства, поступаемые в бюджет НАТО, представляют собой платежи национальных правительств, которые должны быть сделаны в течение финан-

сового года для удовлетворения потребностей вооруженных сил альянса.

НАТО определяет расходы на оборону как платежи, сделанные правительством государств специально для удовлетворения потребности своих вооруженных сил, а именно: сил союзников или альянса. Основным компонентом расходов на оборону – это выплаты, финансируемые в рамках Министерства обороны. Вооруженные силы включают в себя сухопутные, морские и воздушные силы, а также совместные воинские образования.

Министерство обороны каждого союзника сообщает текущие и предполагаемые будущие расходы на оборону в соответствии с согласованным определением на оборонные расходы. В статью расходов могут включить также и другие воинские формирования, такие как Министерство внутренних дел, войска Национальной полиции, жандармерия, карабинеры, пограничные силы и т.д.

Основным государством – членом альянса, которое больше всех перечисляет средств в бюджет НАТО, является США. Их расходы на оборону и перечисления в бюджет НАТО увеличиваются ежегодно, несмотря на определенную критику блока со стороны Президента Д. Трампа. Динамика поступлений выглядит следующим образом: если в 2015 году вклад США составил 641,253 млрд долл., то в 2016 году – 656,059 млрд, в 2017 году – 685,957 млрд и в 2018 году – 706,063 млрд долл. США [18]. Очевидно, что альянс идет по пути увеличения своих расходов.

В то время как НАТО продолжает осуществлять сложную программу преобразований и старается урегулировать внутренние разногласия, Европейский союз выдвигает большое число инициатив в области оборонного сотрудничества. Пока инициативы еще не привели к сколько-нибудь значительному улучшению военного потенциала и самостоятельности стран Европы в сфере безопасности. На саммите НАТО в Брюсселе в 2018 году было заявлено, что будет создан Центр киберопераций и два новых командования: Объединенное командование Сил, занимающееся трансатлантическими линиями связи, и Объединенное командование поддержки укрепления материально-технического потенциала и военной мобильности. Например, учения Trident Juncture, которые прошли в октябре 2018 года в Норвегии и за ее пределами, стали крупнейшими учениями НАТО за последние десятиле-

тия. В них были задействованы в общей сложности около 50 тыс. военнослужащих, участие приняли страны-партнеры Финляндия и Швеция [16].

Изменение геополитической ситуации в Европе, связанное с военно-политической переориентацией на США и НАТО целого ряда европейских государств, способствует укреплению влияния США в регионе и увеличению масштабов военно-политической деятельности НАТО.

Политика блока позволяет «поглощать» государства, которые имеют выгодное с точки зрения США геостратегическое положение по отношению к России. Проблема финансирования НАТО и более равномерного распределения финансового бремени на всех участников блока была одной из главных тем в ходе предвыборной кампании Д. Трампа. Он неоднократно заявлял, что союзники по НАТО должны больше платить за свою безопасность и не перекладывать все расходы на американских налогоплательщиков [1].

Необходимо отметить, что помимо взносов ведущие западные государства в техническом отношении имеют постоянные заказы со стороны НАТО на производство и обслуживание вооружения и военной техники, а также на производство и разработку новых образцов перспективного вооружения. Данное обстоятельство, в свою очередь, является значительным источником пополнения бюджета ведущих стран. Как правило, государства альянса, которые не могут предложить высокоперспективных образцов вооружения, современных технологий, довольствуются предоставлением своей территории под размещение военных баз и объектов инфраструктуры.

Ежегодный отчет НАТО за 2017 год свидетельствует о том, что помимо США на оборону потратили не менее 2% от ВВП лишь 4 страны из 29: Польша (2%), Великобритания и Эстония (по 2,1%) и Греция (2,4%). В 2018 году к ним присоединилась Латвия (2%) [14].

В 2017–2019 годах не менее 1,5% потратили на военные нужды такие страны, как Болгария, Латвия, Литва, Норвегия, Румыния, Турция, Франция и Черногория. Еще меньше потратили Албания, Венгрия, Германия, Дания, Италия, Канада, Нидерланды, Португалия, Словакия, Словения, Хорватия и Чехия. Самые не-

значительные траты на оборону – у Бельгии и Испании (менее 1%), а также у Люксембурга (менее 0,5%).

В целом по сравнению с 2016 годом расходы на оборону в Европе и Канаде увеличились на 4,8%. Военный гегемон США в 2017 году потратил 71,7% от всех оборонных расходов стран НАТО. При этом по сравнению с 2016 годом общие расходы на оборону европейских стран НАТО и Канады увеличились на 4,8%. В 2018 году на долю США приходилось 71,7% совокупных оборонных расходов стран НАТО.

Таблица 1

**Показатели общих военных расходов ведущих стран НАТО,
за исключением КНР и Японии, в млрд долл. США**

Годы	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
США	712,9	680,9	653,9	641,3	664,1	83,4	672,2	730,1
КНР	125,1	141,5	158,5	169,9	170,5	175,4	228,0	230,0
Великобритания	62,4	61,8	65,6	59,4	56,9	52,8	60,4	60,4
Япония	59,9	49,3	46,1	41,1	46,5	45,5	46,6	45,0
Франция	50,3	52,3	52,1	43,5	44,1	43,4	50,5	50,7
Германия	46,5	45,9	46,2	38,8	41,6	44,3	49,5	54,1

В таблице 1 представлены ведущие западные государства (за исключением КНР и Японии), которые вносят наибольший финансовый вклад в пополнение бюджета альянса [14, с. 104].

В области экономической политики НАТО расходы на оборону включают в себя соответствующие целевые фонды, управляемые альянсом, и расходуются на миротворческую и гуманитарную деятельность, военные операции в зоне конфликтов, уничтожение оружия и боеприпасов, а также на связанные с ними инспекцию и контроль за уничтожением захваченного вооружения противоборствующих сторон. Расходы на научные исследования и разработки (НИОКР) также включены в расходы на оборону. Расходы на общую инфраструктуру НАТО входят в общие расходы на оборону, где каждый член блока НАТО вносит вклад только в пределах инфраструктуры своей страны.

Североатлантический блок продолжает выдвигать инициативы по трансформации и после Брюссельского саммита 2018 года. На основе предложений США была согласована новая инициатива, обязывающая государства – членов НАТО коллективно иметь 30 батальонов, 30 авиаэскадрилий и 30 военно-морских бое-

вых кораблей, готовых к использованию в течение 30 дней. Эта цель, известная как «четыре тридцатых», должна быть достигнута к 2020 году. В октябре 2018 года генерал Кертис Скапарроти, Верховный главнокомандующий Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе, сказал, что «возможно, самое важное, что изменилось в НАТО, – это мышление, что мы должны каждый день быть готовыми иметь дело с реальной угрозой. Это фундаментальное изменение» [10].

Таким образом, проблемы коллективной обороны и безопасности вновь занимают центральное место в подходах Североатлантического блока. Организация сосредоточена на восстановлении потенциала высокой готовности, а также на способности перемещать и развертывать крупные формирования [17].

Помимо трат на оборону в размере 2% от ВВП в НАТО для членов альянса есть обязательство – выделять 20% от своих оборонных расходов на приобретение нового оружия и техники. Такие требования были введены на саммите в Уэльсе (Великобритания) в 2014 году.

В Отчете НАТО за 2017 год сообщается, что это требование выполнили лишь 12 из 29 стран (в 2016 г. – 10): Румыния, Люксембург (примерно по 34%), Литва (31%), Турция, Болгария (примерно по 30%), США (29%), Норвегия, Франция (примерно по 25%), Польша (23%), Великобритания (23%), Италия, Словакия (чуть более 20%) [9].

В 2016–2017 годах целевые показатели – расходы на оборону и на новые образцы техники – были достигнуты только тремя странами: США, Великобританией и Польшей [13]. Если сравнивать с бюджетом России, то необходимо отметить, что впервые с 2006 года Россия не вошла в пятерку стран с наибольшими оборонными расходами. При этом расходы на оборону в мире побили рекорд, достигнув планки в 1,8 трлн долл.

Лидером по военным затратам стали США – 649 млрд долл., что составляет 3,2% от валового внутреннего продукта (ВВП), или почти 40% от всех средств, потраченных на военные цели во всем мире. Второе место занял Китай с военным бюджетом более 250 млрд долл. США, примерно около 1,9% от ВВП, и есть определенные предположения, что Китай в официальных источниках серьезно занижает реальные данные о своем бюджете

те в 175 млрд долл. Ежегодный рост военных расходов в Китае – 7–8% [7].

Третью позицию занимает Саудовская Аравия с бюджетом 67,6 млрд долл., что составляет 8,8% от ВВП [15]. Далее идут Индия – 66,5 млрд долл., или 2,4% от ВВП, Франция – 63,8 млрд долл., или 2,3% от ВВП. Россия в 2018 году выделила на оборону 2,8% от ВВП и оказалась на шестом месте (61,5 млрд долл.). Великобритания занимает седьмую позицию – военные расходы более 61 млрд долл. В планах блока НАТО – выйти на уровень 266 млрд долл. к 2024 году, при этом российские расходы на военные нужды снизились с 2,8% в 2018 году до 2,7% в 2019 году от ВВП.

В июле 2018 года на саммите НАТО в Брюсселе были утверждены национальные планы членов блока (без учета США) по увеличению военных расходов [4]. Противоречия внутри блока имеют существенный характер – далеко не все государства могут платить столь значительные суммы за свою безопасность. В то же время определенную пользу имеет высокоразвитая в технологическом отношении группа государств, которая и доминирует в данной организации. Другие государства в определенной мере являются донорами несмотря на то, что их экономика не в состоянии выделять огромные средства на мнимую угрозу с Востока.

Сконцентрированность на «российской угрозе» привела к тому, что альянсом выработаны планы и конкретные меры реагирования на «восточном фланге», но при этом из фокуса внимания упущены другие направления – угроза международного терроризма, нелегальная миграция и т.д. В условиях войны в Сирии наглядно проявилась отстраненность НАТО от «глобальной войны с терроризмом». НАТО как военно-политический союз оказался малоэффективным в отражении одной из самых сложных угроз с южного фланга – нелегальной миграции. Роль НАТО в борьбе с главным вызовом современности – международным терроризмом – сведена к минимуму и остается вспомогательной в большей степени из-за сложности нахождения консенсуса в кардинально расходящихся взглядах и подходах союзников к противодействию новым ассиметричным вызовам и угрозам и недостатка трансформации НАТО для противодействия ему [12, с. 37]. При этом

Генсек НАТО Йенс Столтенберг заявил, что участники альянса отнеслись с пониманием к требованию Пентагона увеличить расходы на оборону. По его словам: «Это не какое-то одолжение США, а именно они сами считают, что в интересах и Европы, и Канады направлять более значительные средства на оборонные расходы...» [11].

Представители альянса считают, что Россия по-прежнему находится в центре внимания западных сил безопасности не только из-за своей собственной программы военной модернизации, но и из-за использования военной силы, продолжающегося и иногда провокационного военного поведения в Евроатлантическом регионе и поддержки сирийского режима Президента Башара Асада [18].

12 июля 2018 года на Брюссельском саммите состоялось заседание в формате «Украина – Грузия – НАТО» (NATO Engages). В декларации саммита было отмечено, что Тбилиси «располагает всеми практическими инструментами для подготовки к будущему членству», а Йенс Столтенберг заверил, что «Грузия станет членом НАТО» и конфликты не помешают ее интеграции в альянс. В настоящее время Грузия является одним из ближайших оперативных партнеров Североатлантического альянса и «партнером расширенных возможностей». Союзники «высоко ценят неизменную поддержку Грузией операций и миссий НАТО, в частности ее вклад в Силы реагирования НАТО (NATO Response Force – NRF) и в «Миссию решительной поддержки» (Resolute Support Mission – RSM)» [3]. В 2018 году грузинский контингент миссии в Афганистане составил 870 военнослужащих и на том же уровне сохранился в 2019 году [16].

Данные призывы, которые звучат со стороны руководства НАТО и направлены на провоцирование России, не являются шагом к налаживанию конструктивного диалога. Очевиден отход от проводимой политики НАТО, где прописано, что государства, стремящиеся в альянс и имеющие территориальные претензии к другим странам, не могут быть полноправными членами блока [18].

Глобальные расходы на оборону выросли на 1,8% в реальном выражении в период с 2017 по 2018 год. Рост в 2018 году был обусловлен Соединенными Штатами, которые увеличили свой

оборонный бюджет на 5% в реальном выражении между 2018-м и 2017 годом. Таким образом, США обеспечили 45% глобально-го увеличения расходов на оборону в 2018 году [7]. «В результате этого роста мировые военные расходы отошли от своего минимума в 2014 году, когда снижение цен на энергоносители привело экспортеров нефти и газа, в частности, к сокращению расходов на оборону. На Ближнем Востоке и в Северной Африке по-прежнему наблюдается серьезное отсутствие прозрачности в отношении военных расходов. Для стран, затронутых конфликтом (Ливия, Сирия, Йемен), или особо непрозрачных государств (Катар, ОАЭ) оценки отсутствуют, в то время как для других стран региона (Бахрейн, Оман, Саудовская Аравия) данные недостоверны из-за отсутствия подробной публично обнародованной информации и вероятного внебюджетного финансирования» [18]. Глава Госдепартамента США Майк Помпео заявил, что администрация Дональда Трампа внесла весомый вклад в процесс повышения военных расходов союзников по НАТО. По его мнению, страны – члены альянса увеличили ассигнования на нужды обороны почти на 100 млрд долл. [5] (рис. 1).

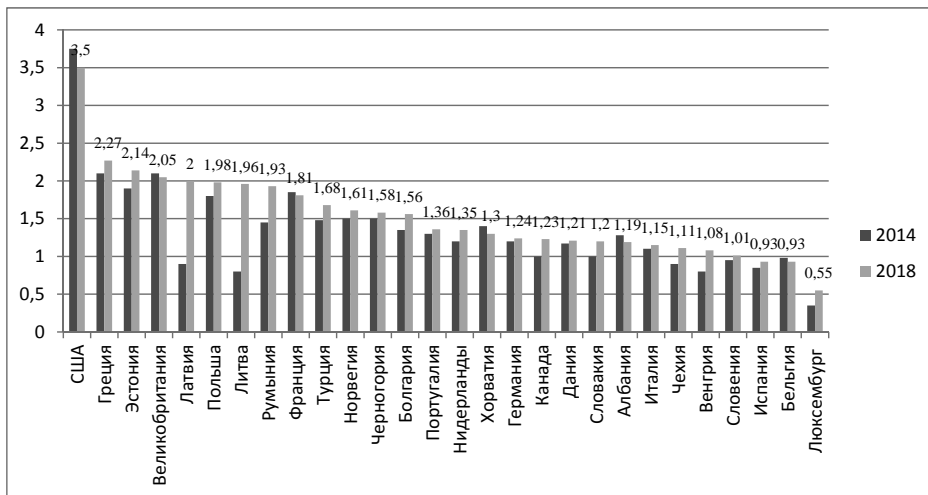

Рис. 1. Военные расходы стран НАТО (% от ВВП)

В то же время отчетливо проявляется давление США на своих партнеров по НАТО. Многие государства проводят самостоятельную военную политику в регионе их национальных интересов,

к ним традиционно можно отнести Великобританию, Германию, Италию и Турцию.

Тем не менее, Помпео считает, что администрация Трампа «сделала для НАТО больше добра, чем все предыдущие администрации США вместе взятые». В связи с этим глава Госдепа раскритиковал законопроект об ограничении права Президента Соединенных Штатов вывести страну из альянса. По его словам, Трамп осознает, что «Америка не может действовать в одиночку и что нам нужны союзники» [9].

22 января 2019 года нижняя палата Конгресса США проголосовала за законопроект, который запрещает Президенту страны вывести Соединенные Штаты из Организации Североатлантического договора. Об этом говорится в документах на сайте Конгресса [2]. Данный документ был принят 357 голосами «за» и 22 голосами «против». Автор инициативы, член Конгресса от демократов, Джим Панетта пояснил, что законопроект предполагает «отклонение любых попыток Президента выйти из альянса и запрещает использовать бюджетные средства для осуществления такого шага» [6]. Таким образом, можно утверждать, что в ближайшей перспективе сохранится тенденция повышения уровня милитаризации экономики стран НАТО и возрастут затраты на реализуемые программы перевооружения и техническое оснащение вооруженных сил альянса.

Литература

1. Гордеев В. Трамп назвал «отличной» встречу с Меркель и потребовал от Германии денег // Новости Tut.by. – 2017. – 18 марта. – URL: <http://news.tut.by/world/535865.html> (дата обращения: 25.11.2019).
2. Дивеева Ю. Конгресс США одобрил запрет на выход страны из НАТО // Комсомольская правда. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/3363100/> (дата обращения: 26.11.2019).
3. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе // Официальный сайт НАТО. – 11.07.2018. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 27.11.2019).
4. К 2024 году Германия сможет повысить военные расходы только до 1,5% от ВВП // Информационное агентство «Военное.рф». – 06.02.2019. – URL: www.военное.рф/2019/322078/ (дата обращения: 25.11.2019).
5. Как США пытаются добиться увеличения военных расходов в странах НАТО // Новости Рамблер. – 2019. – 25 янв. – URL: <https://news.rambler.ru/usa/41616942-kak-ssha-pytayutsya-dobitsya-uvelicheniya-voennyh-rashodov-v-stranah-nato/> (дата обращения: 24.11.2019).
6. Конгресс США одобрил запрет на выход страны из НАТО // Комсомольская правда. – 2019. – 23 янв. – URL: <https://www.kp.ru/online/news/3363100/> (дата обращения: 24.11.2019).

7. Мировые расходы на оборону в 2018 // Мировое обозрение. – URL: <https://tehnovar.ru/103888-mirovye-rashody-na-oboronu-v-2018-godu.html> (дата обращения: 25.11.2019).
8. НАТО. – URL: <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news> (дата обращения: 24.11.2019).
9. Оборонные расходы стран – членов НАТО // Досье ТАСС. – 12.07.2018. – URL: <https://tass.ru/info/5368737> (дата обращения: 23.11.2019).
10. Спутник. – URL: <https://lv.sputniknews.ru/world/20170628/5178400/nato-dva-procenta-stoltenberg-ozhidaniya-latvija-litva-rumunija> (дата обращения: 25.11.2019).
11. Страны НАТО согласились увеличить оборонные расходы // Интерфакс. – 15.02.2017. – URL: <https://www.interfax.ru/world/550112> (дата обращения: 24.11.2019).
12. *Тимакова О.А.* Новый этап трансформации НАТО // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2017. – № 4. – С. 35–41.
13. *Чевтаева И.* Трамп потребовал от стран НАТО тратить на оборону 4% ВВП // Ведомости. – 2018. – 11 июля. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/07/11/775234-4> (дата обращения: 25.11.2019).
14. *Шляхтунов А.Г.* Экономическая политика НАТО в сфере усиления военной мощи // Вестник Екатеринбургского института. – 2017. – № 3. – С. 103–105.
15. Эксперты: РФ впервые с 2006 года не вошла в пятерку стран с наибольшими военными расходами // Новости Рамблер. – 2019. – 29 апр. – URL: <https://news.rambler.ru/army/42110692> (дата обращения: 26.11.2019).
16. NATO-Afghanistan relations // The official NATO website. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_06/20190613_1906-background-afghanistan-en.pdf (accessed: 27.11.2019).
17. The Military Balance 2018 / The International Institute for Strategic Studies. – URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/the-military-balance-2018> (accessed: 27.11.2019).
18. The Military Balance 2019 / The International Institute for Strategic Studies. – URL: <https://www.iiss.org/publications/the-military-balance/the-military-balance-2019> (accessed: 27.11.2019).

Белобров Юрий Яковлевич,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: yuriy.belobrov@dipacademy.ru

Yuriy Ya. Belobrov,

PhD (Political Sciences),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: yuriy.belobrov@dipacademy.ru

«ТЕНЬ» НАТО НАД ЧЕРНОМОРЬЕМ

NATO'S "SHADOW" OVER THE BLACK SEA

Аннотация: в статье рассматривается деятельность Североатлантического блока в Черноморском регионе, анализируются причины внимания НАТО к региону, рассматриваются основные этапы политики альянса на Черном море. Регион является естественным рубежом системы безопасности Российской Федерации, в связи с чем внимание Североатлантического блока к Черноморью напрямую затрагивает интересы России. Политика НАТО в регионе требует пристального внимания со стороны России.

Ключевые слова: НАТО, Черноморский регион, Российская Федерация, национальная безопасность, Украина, Грузия.

Abstract: the article examines the activities of the North Atlantic bloc in the black sea region, analyzes the reasons for NATO's attention to the region, and considers the main stages of the Alliance's policy on the Black sea. The region is a natural border of the Russian Federation's security system, and the North Atlantic bloc's attention to the black sea region directly affects Russia's interests. NATO's policy in the region requires close attention from Russia.

Key words: NATO, Black Sea Region, Russian Federation, national security, Ukraine, Georgia.

Традиционно пристальное внимание НАТО к Черноморскому региону обусловлено его выгодным геостратегическим положением, пересечением торгово-транспортных путей с Востока на Запад и с Юга на Север Европы, запасами углеводородов и других природных ресурсов. С точки зрения западных стратегов, тот, кто контролирует или доминирует на Черном море, может проецировать силу и влияние на весь Европейский континент, в первую очередь на Балканы, Центральную Европу, а также на Восточное Средиземноморье, Южный Кавказ и северную часть Ближнего Востока [13].

Распад Советского Союза, который на протяжении многих десятилетий XX века наряду с Турцией определял основные на-

правления развития ситуации в регионе, привел к радикальному изменению регионального баланса, превратив это пространство в «мягкое подбрюшье» безопасности России и открыв Североатлантическому альянсу реальную возможность установления над ним собственного контроля и вытеснения отсюда Российской Федерации.

НАТО достаточно быстро среагировала на геополитические изменения в Черноморском регионе вслед за распадом СССР, который стал одним из приоритетов военно-политических устремлений блока, видевшего себя в роли гаранта стабильности и безопасности расположенных там стран [2, с. 7]. Закрепление в регионе собственного господства стало частью глобальной стратегии Североатлантического блока в отношении территории государств, входивших в СССР, и государств – членов Организации Варшавского договора (ОВД), позволив альянсу приступить к поиску новых ролей вне традиционной зоны ответственности.

Кроме того, значение региона для НАТО резко возросло из-за возникшего у ведущих стран блока повышенного интереса к экономическому потенциалу и энергетическим ресурсам Черноморья и примыкающей к нему богатой ресурсами Центральной Азии. Значительный интерес НАТО к Черному морю, отмечал З. Бжезинский, обусловлен также опасениями относительно возможности восстановления «имперской мощи» России и принадлежностью региона к «неустойчивому пространству» Центральной Евразии [1, с. 68–69].

В современном подходе НАТО к Черноморью прослеживается, по крайней мере, три этапа.

На первом этапе, в 1990-х годах, приоритетом альянса было формирование политико-правового фундамента для последующей экспансии на Восток путем налаживания двустороннего сотрудничества со странами региона и ускоренного втягивания их в программу «Партнерство ради мира», которая рассматривалась блоком как подготовка участников программы к членству в НАТО. Успешной реализации этого проекта способствовал, в том числе, проводимый в то время Россией и бывшими союзниками СССР по ОВД прозападный политический и экономический курс, который привел последних к вступлению в программу «Партнерство ради мира».

На втором этапе (на протяжении первого десятилетия XXI века) НАТО провозгласила политику «открытых дверей» для всех государств Европы, включая страны постсоветского пространства. На Стамбульском саммите в июне 2004 года было декларировано намерение альянса уделять особое внимание сотрудничеству с партнерами в стратегически важных районах Черноморского региона и Кавказа [11]. В этот период Североатлантическому блоку удалось закрепиться на западном участке Черного моря, благодаря вхождению Болгарии и Румынии в НАТО. Новые члены альянса стали вместе с Турцией важным форпостом на юго-восточном фланге и активными проводниками политики блока в регионе. Они предоставили свою военную инфраструктуру на черноморском побережье в распоряжение НАТО и США. А Бухарест активно лоббировал распространение на Черное море операции «Активные усилия», осуществляемой альянсом в Средиземноморье.

Расширив сферу действия блока в регионе, НАТО сразу же приступила к методичному налаживанию «привилегированных» отношений с Украиной, Грузией, Молдовой, а также с Азербайджаном и Арменией, рассматривая эти постсоветские государства в качестве потенциальных членов альянса.

В связи с этим с ними сформировано углубленное военно-политическое сотрудничество, навязаны индивидуальные планы действий партнерства с НАТО, предусматривающие наряду с развитием широкого тесного взаимодействия с блоком в военно-политической сфере реформирование вооруженных сил этих стран под стандарты альянса. В рассматриваемый период практически все эти страны подключились к участию в военных операциях НАТО на Балканах, Ближнем Востоке и в Афганистане, направив своих военнослужащих в размещенные там натовские военные группировки. В интересах ослабления связей этих стран с Россией НАТО поддержала создание форума этих государств – ГУАМ¹, рассматривая его в качестве важного элемента в реализации натовской политики в регионе.

Одновременно НАТО заметно нарастила количество и масштабы военных учений в Черноморье, в том числе с участием

¹ Региональная организация, созданная в 1997 году республиками – Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой. Название организации сложилось из первых букв названий входящих в нее стран.

прибрежных стран, навязав им различные программы сотрудничества и механизмы по обеспечению безопасности на море и в портах упомянутых государств.

Однако попытки Запада в ускоренном порядке полностью осуществить принятый на саммите НАТО в Бухаресте в июне 2008 года план превращения Черного моря фактически во внутреннее стратегическое пространство альянса за счет включения в члены блока упомянутых постсоветских государств в тот период провалились. Реализации этой стратегии помешали решительное сопротивление со стороны России и гражданского общества причерноморских государств, а также поражение Грузии в вооруженном конфликте с Южной Осетией в августе 2008 года, спровоцированного США и их союзниками по блоку. Определенную роль в этом сыграла и сдержанная в тот период позиция Франции и некоторых других крупных европейских государств в отношении американских планов дальнейшего расширения альянса на Восток. В частности, на саммите блока в Бухаресте эти страны заблокировали предоставление Украине и Грузии Плана действий по членству в НАТО, на чем настаивали США [7, с. 317]. Ввиду негативного отношения подавляющего большинства населения Украины и Молдовы к вступлению в альянс правительства этих стран вынуждены были пойти на принятие законов о нейтральном статусе своих государств, а Армения даже вступила в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), фактически закрыв вопрос о ее возможном членстве в НАТО, по крайней мере, в обозримой перспективе. Отложило в «дальний ящик» свое намерение членства в блоке и руководство Азербайджана.

Воссоединение Крыма с Россией в 2014 году после известных событий на Украине в 2013–2014 годах позволило нашей стране, по крайней мере частично, восстановить утраченные в 1990-е годы преобладающие геополитические позиции в Черноморском регионе. Как признается на Западе, предпринятые Россией контрмеры значительно расширили ее стратегические возможности в регионе, существенно изменив там военный баланс в ее пользу и укрепив способность Москвы проецировать силу и расширять свое влияние в Восточном Средиземноморье, на Балканах и Ближнем Востоке [20].

Раздающиеся в этой связи «стенания» натовских политиков и аналитиков по поводу превращения Черного моря в зону уязвимости на восточном фланге альянса и, соответственно, в пространство потенциального конфликта, создающего угрозу региональной стабильности, свидетельствуют лишь о том, что западные стратеги явно не учли возможность подобного развития ситуации в регионе, когда ими готовился нелегитимный государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года.

Решительные действия России по защите своих жизненно важных национальных интересов в Черноморье и тот факт, что руководство альянса не посмело помешать этому, заставили Турцию и другие страны блока глубоко задуматься о надежности натовских гарантий их безопасности. Согласно прогнозам западных экспертов, в ближайшей перспективе Турция станет еще более независимым игроком в Черноморском регионе и, соответственно, менее надежным союзником альянса, в том числе по причине возникшего недовольства Анкары в ответ на реакцию Запада на проведенные в Турции чистки чиновников после попытки госпереворота в стране [15]. Налаживание российско-турецкого военно-политического сотрудничества по урегулированию в Сирии, а также закупки Анкарой российской военной техники вопреки запрету НАТО подтверждают такие прогнозы.

Болгария также пытается искать точки соприкосновения с Россией по Черноморской проблематике, включая в первую очередь вопросы поставки ей российских энергоресурсов. По этой причине ее политику считают на Западе дополнительным препятствием для формирования единой позиции альянса в регионе [12]. В таких условиях альянсу приходится балансировать одновременно между возросшими рисками дальнейшей деградации отношений с Москвой и попытками воссоздать образ надежного партнера в глазах стран региона.

На нынешнем – третьем – этапе в политике НАТО в Черноморском регионе, выработанной на саммитах альянса в Варшаве в июле 2016 года и в Брюсселе в июле 2018 года, а также на заседании Совета министров иностранных дел блока в марте 2019 года, просматривается более агрессивный подход к освоению Черноморского пространства. В частности, на Варшавском саммите НАТО было открыто заявлено о наличии у альянса стра-

тегических интересов в Черноморье [6]. Наступательная позиция России в Сирии и заметно возросшая ее политическая, экономическая и военная активность в странах Черноморья и Средиземноморье якобы вынудили альянс пересмотреть свою стратегию в регионе, обусловив высокую приоритетность сотрудничества с Грузией и Украиной по всему комплексу вопросов. Причем политика альянса в отношении Украины и Грузии приобрела характер откровенного вмешательства в их внутренние дела. Теряя надежды на быструю реализацию правящими элитами этих стран навязанных им так называемых демократических реформ, блок перешел к политике смены режимов путем организации государственных переворотов и фактически к введению в этих странах внешнего управления.

Главными вызовами НАТО в рассматриваемом районе провозглашены наращивание Россией в Черноморском регионе своих войск и вооружений, предназначенных для лишения НАТО возможности доступа к региону, усиления ее «зловредного» влияния в Европе, а также опасность снижения энергетической безопасности стран – членов альянса. В качестве серьезного вызова своей безопасности в НАТО рассматривают также «замороженные» конфликты на постсоветском пространстве в Черноморье, которые якобы могут значительно дестабилизировать весь этот регион и создают таким образом опасность всему «европейскому порядку» [13]. К поиску новых решений в отношении Черноморского региона подталкивает альянс и тесная связь между нестабильностью на южной периферии и возникшими рисками безопасности Европы со стороны международного терроризма и неконтролируемой миграции из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

По этим причинам, как утверждают в Брюсселе, альянс приступил к интенсивному наращиванию собственного военного присутствия в Черноморском регионе. А в целях совершенствования коллективных боевых действий, десантных операций и защиты морских путей сообщения принята расширенная программа военных учений, а также согласована стратегия по объединенному военно-воздушному потенциалу [5].

На данном этапе в обновленном подходе альянса к региону можно вычленить несколько ключевых направлений.

Во-первых, под предлогом ухудшения ситуации в сфере безопасности в бассейне Черного моря из-за российских действий в отношении Грузии и Украины и присоединения Крыма к России в регионе наращивается военный потенциал сдерживания НАТО за счет усиления в нем построения военно-морских и военно-воздушных сил альянса и интенсификации разведывательной деятельности. С этой целью сформировано адаптированное военное присутствие в передовом районе в Черноморском регионе, включающее в себя развертывание многонациональной рамочной бригады Румынии, приведен в полную готовность региональный центр альянса «Юг» в Неаполе и принят ряд мер по усилению и расширению активности сил альянса в военно-воздушной и военно-морской сферах [4]. Согласно заявлению Генерального секретаря НАТО Й. Столтенберга, увеличено военно-морское присутствие альянса в Черном море с 80 суток в 2017 году до 120 суток в 2018 году [25]. На море, в воздухе и на земле силы НАТО производят регулярное патрулирование и проводят учения в регионе. В Румынии возведена также база американской системы ПРО, нацеленная против стратегических сил России.

Опасной представляется линия блока на наращивание возможностей в киберпространстве, которое признано альянсом одной из операционных сред, в том числе и в Черноморье. Это предполагает развитие не только оборонительных, но и наступательных потенциалов. Всё это повышает вероятность киберинцидентов [10].

Во-вторых, опираясь на налаженное тесное взаимодействие со странами Причерноморья в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира» и двусторонних договоренностей, в военную активность НАТО в регионе всё шире вовлекаются также страны, которые не являются членами альянса, но с которыми укрепляется взаимодействие в военно-морской и военно-воздушной сферах. Причем сотрудничество с Грузией и Украиной давно вышло за рамки программы «Партнерство ради мира» и имеет четко выраженный антироссийский характер. Количество двусторонних военных контактов с этими странами достаточно широко. С их участием регулярно проводятся совместные военные учения, на территории этих стран размещаются военные объекты НАТО и США, расширяется под военные интересы блока

существующая у них морская и воздушная инфраструктура, ведется подготовка кадров для вооруженных сил этих стран по программам НАТО. В процесс милитаризации настойчиво втягивают и Молдову, которой на саммите блока в Уэльсе в 2014 году был навязан Пакет действий по укреплению оборонного потенциала и реформированию военных институтов.

Грузия рассматривается Брюсселем как уникальный и наиболее надежный партнер НАТО в регионе. На саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года была объявлена принципиальная договоренность о том, что Грузия станет членом альянса; это решение подтверждено также на саммите НАТО в Брюсселе в июле 2018 года. Согласно официальной информации блока, со страной усиливается всестороннее сотрудничество, включая обучение подразделений береговой охраны, наращивается взаимодействие между военно-морскими силами блока и Грузии, а также между объединенным центром морских операций Грузии и морским командованием НАТО. Кроме того, Тбилиси поручено отслеживать военно-политическую ситуацию в Черноморском регионе и информировать о ее развитии Брюссель [23]. В марте 2019 года в присутствии Генерального секретаря блока Й. Столтенберга в Грузии прошли крупные совместные с НАТО военные учения. В НАТО высоко оценивают участие 870 военнослужащих Грузии в военной операции НАТО в Афганистане, а также поддержку Тбилиси операции альянса «Активные усилия» в Средиземноморье и Сил реагирования НАТО [23].

Важным стратегическим объектом США и НАТО на Черном море обещает стать строящийся в Грузии американскими и другими западными компаниями глубоководный морской порт Анаклия. Его проектная стоимость составляет 2,5 млрд долл. По замыслу натовцев, этот порт будет крупным региональным военным и логистическим центром альянса для Европы и Евразии, способным принимать, если потребуется, даже американские авианосцы. В целях расширения возможностей воздушного и наземного потенциала США и НАТО в Черном море на базе уже существующей в Грузии инфраструктуры строится также крупный аэродром [9].

Ссылаясь на столь продвинутое сотрудничество Тбилиси с НАТО, бывший командующий войсками США в Европе Б. Ход-

жес предлагал Брюсселю пригласить Грузию в альянс уже на Лондонском саммите НАТО, состоявшемся в декабре 2019 года. При этом, полагал он, присутствие российских войск в Абхазии и Южной Осетии не должно было быть препятствием. В качестве прецедента он ссылался на решение альянса по Западной Германии в 1955 году, которое позволило принять ее в НАТО несмотря на то, что часть ее территории была, как он выразился, оккупирована сотнями тысяч советских солдат. Поэтому с Грузией, указывал он, следовало бы поступить таким же образом, поскольку, дескать, она сделала всё, что от нее требовал альянс. К тому же, по его мнению, это может улучшить ситуацию в сфере безопасности в регионе [9].

После государственного переворота на Украине в 2014 году резко активизировалось военное сотрудничество НАТО с этой страной, которое осуществляется на основе Всеобъемлющего пакета помощи, принятого двусторонней комиссией «НАТО – Украина» в Варшаве в июле 2016 года. Документом предусматривается проведение Украиной коренной реформы ее вооруженных сил в целях их доведения к 2020 году до стандартов блока. Процесс проводится с участием большого числа советников НАТО, прикомандированных к военным структурам Украины. Финансирование этой деятельности осуществляется специальным Фондом НАТО, возглавляемым представителями Голландии, Польши и Чехии. Кроме того, создан спецфонд для укрепления потенциала Украины в сфере кибербезопасности, уничтожения устаревших вооружений и т.д. [24]. Он возглавляется представителем Румынии. В апреле 2019 года страны НАТО согласовали пакет дополнительных мер по оказанию военной поддержки Украине, предусматривающий увеличение военного присутствия и учений блока в Черном море и дальнейшее расширение усилий по укреплению боеготовности военно-морских сил этой страны [18].

Под предлогом защиты интересов киевских властей в Азовском море после ареста российскими пограничниками украинских катеров, пытавшихся в провокационных целях прорваться в водоем в нарушение существующих процедур, в Киеве и на Западе раздавались призывы к подготовке новых военных авантур НАТО в этом районе. К примеру, отдельные украинские

и натовские представители предлагали направить под знаком дружественного визита морскую флотилию НАТО в Мариуполь, значительно расширить военную помощь Украине, а также ввести дополнительные экономические и визовые санкции против России [21]. Однако, по крайней мере пока, подобные идеи не встретили поддержки в Брюсселе. Как заявляет Генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг, эскалация конфликта сейчас не соответствует ничьим интересам [19].

В-третьих, НАТО усиливает экономическое проникновение в регион, пытаясь вытолкнуть из него Россию. Этому способствуют введенные Западом против России экономические санкции, к которым подключились Украина, Грузия и Молдова, строительство по инициативе Запада энергетических трубопроводов из Закавказья и Центральной Азии в Европу в обход России и создание препятствий для прокладки в Черном море российских газопроводов в европейские страны.

В НАТО, однако, нарастают разногласия в отношении масштабов и параметров усиления военного присутствия альянса в Черноморском регионе. Так, например, Румыния, оценивая ситуацию в области безопасности в регионе как чрезвычайно сложную, настаивает с подачи США на размещении постоянного военного присутствия НАТО на Черном море и усилении альянсом совместного морского патрулирования в нем. В свою очередь, Болгария и Греция придерживаются более сдержанной позиции, опасаясь эскалации напряженности в регионе. Турция действует осторожно, выступая за индивидуальное, а не коллективное морское присутствие в Черном море. В то же время Анкара поддержала решение о расширении коллективного воздушного патрулирования альянсом этого пространства [12]. Внутри Трансатлантического альянса нарастает озабоченность чрезмерному и неприемлемому усилению Турции и Румынии и соответствующей реконфигурации внутрорегиональных балансов и позиций, а также обеспокоенность, вызванная неоправданным провоцированием России и осложнением отношений с ней [3].

По этой причине в юго-восточные планы альянса не были включены инициативы Румынии и Турции, хотя на Варшавском саммите НАТО была подтверждена коллективная поддержка и га-

рантии в отношении «вызовов с Юга». Очевидно, усиление НАТО на Черном море с опорой на эти государства и внерегиональные державы не согласуется с интересами других участников альянса. Возможность усиления военно-воздушного и морского присутствия НАТО на Черном море решено «продолжать изучать» [3]. Однако, как признают западные эксперты, добиться согласования общего подхода по этому вопросу будет очень трудно из-за сохраняющихся разногласий в альянсе [14].

Особое значение в продвижении интересов консолидированного Запада в Черноморье придается сотрудничеству между НАТО и Европейским союзом (ЕС), в том числе в сфере обеспечения морской безопасности. Под предлогом содействия развитию региона и противостояния обычным и нетрадиционным вызовам безопасности НАТО и ЕС осуществляют совместную стратегию, построенную на сочетании гибридных технологий «твердой и мягкой силы». Ее цель – формирование в Черноморье своеобразных опорных пунктов в Румынии и Болгарии, а также на Украине и в Грузии.

При этом приоритетными общими стратегическими целями НАТО и ЕС являются создание препятствий развитию экономических и военно-политических связей этих стран с Россией, Китаем и Ираном, подрыв их позиций, провоцирование их с помощью военно-силовых акций. В реальной жизни, однако, между НАТО и ЕС сохраняются разногласия по практической реализации этих задач из-за несовпадающих интересов и взглядов отдельных государств – членов этих объединений. Как признают западные аналитики, наряду с факторами интеграции черноморских стран с Западом сохраняются не менее прочные факторы, толкающие эти страны на укрепление связей с Россией [22].

В обозримой перспективе, судя по находящимся на рассмотрении в НАТО рекомендациям, содержащимся в целой серии докладов на эту тему, выпущенных в последнее время влиятельными натовскими аналитическими центрами и отдельными западными экспертами, усиление военно-политической активности альянса в Черноморском регионе, по всей видимости, может разворачиваться по следующим направлениям.

Ссылаясь на усиление российского Черноморского флота, превращение Сирии в российский военно-морской анклав

на Средиземном море, а также на стремление России оспорить традиционное превосходство альянса в авиации, натовские стратеги настаивают на дальнейшем укреплении военно-морского и военно-воздушного потенциалов альянса в Черном море и наращивании двусторонних и многосторонних военно-морских учений. Турция как наиболее боеспособный член альянса в регионе должна, по их мнению, перебросить часть своих кораблей из Средиземного моря в Черное, а также усилить свое присутствие в восточном Средиземноморье. В свою очередь, Румынии и Болгарии, считают натовские эксперты, следует модернизировать свои вооруженные силы с учетом изменений в области региональной безопасности. От властей этих стран, а также от Украины и Грузии требуется создать более прочную территориальную оборону, значительно нарастить национальный военно-морской потенциал, оснастив его разными средствами преодоления российских вооружений наземного и морского базирования, модернизировать порты и аэродромы и другие инфраструктурные объекты для обеспечения принятия, если потребуются, натовских подкреплений и т.д. [15].

Кроме того, всем натовским черноморским странам, включая партнеров НАТО по программе «Партнерство ради мира», следует активизировать региональное военное сотрудничество друг с другом, выработать общую стратегию безопасности и урегулировать территориальные споры [15]. Обращается также внимание на необходимость в целях защиты критически важной военно-морской инфраструктуры в Румынии и странах всего восточного фланга альянса укрепить средства кибер- и электронной борьбы этих государств. А в интересах налаживания координации всех действий натовских военных формирований на этом театре военных действий предлагается создать объединенное Черноморское командование с участием как ведущих государств альянса и стран – членов блока в регионе, так и партнеров Альянса – Грузии и Украины.

В качестве эффективного обхода существующих ограничений на военно-морское присутствие внечерноморских государств НАТО в Черном море американскими экспертами выдвинут также ряд идей, включая возможную постановку кораблей натовских нечерноморских государств под флаги трех черноморских

стран – членов блока [16] и размещение на уже существующих базах США и НАТО в Румынии и других странах Причерноморья подразделений тяжелых военных беспилотников дальнего действия, способных не только вести разведку, но и уничтожать цели на расстоянии 10 тысяч морских миль и более [27]. Натовскими экспертами всерьез обсуждается и идея ревизии Конвенции Монтрё о черноморских проливах и других документов, регулирующих эти вопросы. В контексте же усилий по формированию прозападной региональной организации по обеспечению безопасности стран блока и его сателлитов в Причерноморье предлагается возобновить деятельность «Блэксифор»¹, но без участия России [17].

В качестве первого практического шага на пути упрочения военного присутствия НАТО в Черноморском регионе, по мнению бывшего помощника замминистра обороны США У. Шредера, странам-членам Союза необходимо выделить дополнительные крупные инвестиции для развертывания специальной морской миссии с участием Болгарии, Румынии и Турции, в которую со временем потребуются вовлечь также Грузию и Украину. Кроме того, альянсу, считает он, необходимо установить полупостоянное морское присутствие на ротационной основе в Черноморском регионе и с этой целью рассмотреть возможность совместного строительства новой модели ударного фрегата [26].

Параллельно наращиванию военной деятельности НАТО предлагается продолжать усиление всестороннего давления на Россию. С рядом инициатив на этот счет выступили и руководители причерноморских стран, в первую очередь Грузии и Украины. Причем не вызывает сомнений, что они просто озвучивают заранее проработанные американские идеи. К примеру, украинское руководство выражало намерение добиваться наделения Керченского пролива международным статусом и даже просило НАТО организовать сопровождение кораблями блока нового провокационного похода украинских военных судов через Керченский пролив в Азовское море [8].

Таким образом, наращивание военно-политической и дипломатической активности НАТО на его южном фланге превратило

¹ Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия («Блэксифор»).

Черноморский бассейн в арену опасного противостояния интересов и устремлений разных стран НАТО, России, Грузии, Украины, Азербайджана и Армении, кардинально изменив всю систему координат политики безопасности и многостороннего сотрудничества в регионе. Как следствие, в условиях нарастающей эскалации напряженности существующие здесь региональные форматы экономического сотрудничества и инструменты взаимодействия в сфере безопасности, такие как Организация черноморского экономического сотрудничества, «Блэксифор» и Документ о мерах укрепления доверия и безопасности, перестают эффективно работать.

* * *

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в военно-политическом плане Черноморский регион – это естественный рубеж системы безопасности Российского государства. В результате предпринимаемых действий НАТО в этом районе угроза вооруженной агрессии против России на данном направлении из сугубо гипотетической становится всё более реальной. Россия не может игнорировать нарастающие вызовы ее жизненно важным интересам со стороны Североатлантического альянса из Черноморья или допустить, чтобы отсюда исходила угроза ее безопасности.

Учитывая нарастающие риски безопасности России в регионе, ее ответ на возникшие вызовы требует решительной защиты национальных интересов страны. Речь идет как о дальнейшем повышении российской боевой мощи и эффективности военных и военно-морских сил в регионе, так и об использовании гибких форм для активизации политического, дипломатического и торгово-экономического диалога и многовариантного взаимодействия с причерноморскими странами и НАТО по деэскалации напряженности в регионе.

Литература

1. *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и ее стратегические инициативы. – М., 2002.
2. *Гриневецкий С., Жильцов С., Зонн И.* Черноморский узел. – М.: Международные отношения, 2007.
3. *Данилов Д.* Проблемы безопасности Причерноморья: интересы США и НАТО // Доклад Института Европы № 5 «Большое Причерноморье: на перекрестках сотрудничества и конфликтов. – М.: «Нестор-История», 2018. – URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/350.pdf> (дата обращения: 14.11.2019).

4. Заявление глав государств и правительств стран – членов НАТО по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе (11 июля 2018 г.).
5. Заявление по итогам встречи на высшем уровне НАТО в Брюсселе // Press Release (2018) 074 Issued on 11 July 2018. – P. 8.
6. Заявление по итогам встречи на высшем уровне НАТО в Варшаве / НАТО. – П. 23. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 13.11.2019).
7. *Зверева Т.В.* Внешняя политика современной Франции. – М.: Канон+, 2014.
8. *Ивженко Т.* Киев завлекает в Черноморье внешних игроков // Независимая газета. – 2019. – 16 янв. – URL: <http://www.ng.ru/cis/2019.01.16/67483.ukraine.html?print=Y> (дата обращения: 14.11.2019).
9. Интервью бывшего командующего армией США в Европе Бен Ходжеса грузинскому portalу «Сивил». – 12.03.2019. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20190312/244730625.html> (дата обращения: 13.11.2019).
10. Интервью заместителя министра иностранных дел России А.В. Грушко Международному информационному агентству «Россия сегодня». – 15.04.2019. – URL: <https://ria.ru/20190415/1552694807.html> (дата обращения: 14.11.2019).
11. Коммюнике по итогам стамбульской встречи на высшем уровне // Путеводитель-справочник по Стамбульскому саммиту, НАТО. – П. 31, 40, 41. – URL: www.nato.int (дата обращения: 14.11.2019).
12. *Adzinbaia Z.* NATO in the Black Sea: What to Expect Next? // Research Paper. Research Division – NATO Defense College, Rome. – November 2017. – No. 141. – URL: www.ndc.nato.int (accessed: 14.11.2019).
13. *Anastsov P.* The Black Sea region: a critical intersection // NATO Review. – 25.05.2018. – URL: <https://www.nato.int/docu/review/2018> (accessed: 15.11.2019).
14. *Bozhilov Y.* The brief life of the idea for the creation of NATO Black sea fleet. – 2017. – URL: <https://www.neweurope.eu/autor/yordan-bozhilov/> (accessed: 14.11.2019).
15. *Bujaski J., Doran P.* Black Sea Imperatives Strategic Report № 3, November 2016 / Center for European Policy Analysis. – URL: www.cepa.org; https://docs.wixstatic.com/ugd/644196_009fdd8eab7e40439309bcddc83e31560.pdf (accessed: 17.11.2019).
16. *Cohen A.* NATO Should Stand Up Black Sea Command Before It's Too Late. – July 5, 2016. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/nato-should-stand-up-black-sea-command-before-it-s-too-late> (accessed: 16.11.2019).
17. *Horrel S.* A NATO Strategy for Security in the Black Sea Region / Atlantic Council. – September 2016. – P. 5. – URL: <https://www.atlanticcouncil.org/images/publications/A-NATO-Strategy-for-Security-in-the-Black-Sea-Region> (accessed: 16.11.2019).
18. Joint press-conference by NATO Secretary General J. Stoltenberg and the President of Ukraine V. Zelenskiy 4 June 2019. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_166602.htm?SelectedLocale=en (accessed: 16.11.2019).
19. Joint press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the President of Ukraine, Petro Poroshenko. – 13.12.2018. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_161573.htm?selectedLocale=en (accessed: 18.11.2019).
20. *Larrabee S. & Flanagan S.* The Growing Importance of Black Sea Security. – URL: <https://www.rand.org/blog/2016/07/the-growing-importance-of-black-sea-security.html> (accessed: 15.11.2019).
21. *Lucas E.* How to Respond to Moscow's Azov Escalation. – URL: <https://www.cepa.org/azov-escalation> (accessed: 16.11.2019).
22. *Miller C.* Black Sea's Back, Alright? A New Special Series / Foreign Policy Research Institute. – July 26, 2018. – URL: <https://warontherocks.com/2018/07/black-seas-back-alright-a-new-special-series/> (accessed: 15.11.2019).
23. NATO – Georgia relations. – Media Backgrounder, October 2018. – URL: www.nato.int/factsheets (accessed: 14.11.2019).
24. NATO's Support to Ukraine. NATO's factsheet, November 2018. – URL: www.nato.int/factsheets (accessed: 14.11.2019).
25. Press conference by NATO Secretary General J. Stoltenberg ahead of the meeting of NATO Foreign Ministers in Washington, D.C. on 3 and 4 April 2019. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_165174.htm?selectedLocale=en (accessed: 18.11.2019).

26. *Schroeder W.* NATO at Seventy Filling NATO's Critical Defense-Capability Gaps. Atlantic Council, April 2019. – URL: www.AtlanticCouncil.org (accessed: 16.11.2019).
27. *Sullivan C., Standley S & Keagle J.* Responding to Russia after the NATO Summit: Unmanned Aerial Systems Overmatch in the Black Sea. – URL: <https://inss.ndu.edu/portals/68/Documents/defensehorizons> (accessed: 15.11.2019).

Пономарева Елена Георгиевна,

доктор политических наук, профессор,
МГИМО (У) МИД России, Москва.

E-mail: nastya304@mail.ru

Elena G. Ponomareva,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry
of Foreign Relations of the Russian Federation, Moscow.

E-mail: nastya304@mail.ru

Рудов Георгий Алексеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

E-mail: georgi_rudov@mail.ru

Georgij A. Rudov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: georgi_rudov@mail.ru

НАТО – ЮГОСЛАВИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ АЛЬЯНСА НА БАЛКАНАХ

NATO – YUGOSLAVIA: PROSPECTS FOR THE ALLIANCE EXPANSION IN THE BALKANS

Аннотация: Балканы – стратегически значимая зона мировой политики. Будучи частью дуги нестабильности, которая через Малую Азию, Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию доходит до современных границ России, регион занимает важное место в политике крупнейшего военно-политического блока современности – НАТО. В статье на основе анализа богатого корпуса нарративных источников и аналитической литературы показано, что Североатлантический альянс целенаправленно и последовательно формирует пространство НАТО – Югославии. Четыре из шести бывших республик СФРЮ – Словения, Хорватия, Черногория и Северная Македония – полноправные члены альянса. При существующих общих стандартах процедуры вступления в НАТО каждая страна проходила свой особый путь к членству. Включение Боснии и Герцеговины, а также Сербии в военно-политическую рамку блока осложняется принципиальным неприятием такого вектора развития большинством сербского населения. Кроме того, потенциал расширения НАТО ограничен «косовским вопросом», который опирается не только в признании албанского новообразования – Республики Косово – Белградом и Сараево (в последнем случае это автоматически приведет к отделению Республики Сербской), но также Грецией, Испанией, Словакией и Румынией. В ряду актуальных ограничителей евроатлантической интеграции – активно развивающееся военно-техническое сотрудничество сербских государств с Россией, а также стремление Белграда сохранить политику военного

нейтралитета. Комплекс названных внутренних и внешних факторов, определяющих перспективы расширения НАТО на Балканах, является главным предметом анализа в данной статье.

Ключевые слова: Балканы, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория, Югославия, НАТО, политика расширения.

Abstract: The Balkans are a strategically significant area of world politics. Being part of the arc of instability, which reaches the modern borders of Russia through Asia Minor, the Middle East, the Caucasus and Central Asia, the region occupies an important place in the politics of the largest military-political bloc of our time – NATO. Based on the analysis of a rich body of narrative sources and analytical literature, the article shows that the North Atlantic Alliance is purposefully and consistently building NATO – Yugoslavia area. Four of the six former republics of the SFRY – Slovenia, Croatia, Montenegro and Northern Macedonia – are full members of the alliance. Given the existing common standards for NATO integration, each country went its own special way to membership. The inclusion of Bosnia and Herzegovina and Serbia in the military-political framework of the bloc is complicated by the majority of the Serbian population which fundamentally does not accept this development vector. In addition, NATO's expansion potential is limited by the "Kosovo issue", which rests not only on the recognition of the Albanian new formation – the "Republic of Kosovo" – by Belgrade and Sarajevo (in the latter case, this will automatically lead to the secession of the Republika Srpska), but also by Greece, Spain, Slovakia and Romania. Among the current barriers to Euro-Atlantic integration are the growing military-technical cooperation between the states with the Serbian population and Russia, as well as the Belgrade's desire to maintain a policy of military neutrality. The complex of these internal and external factors that determine the prospects for NATO expansion in the Balkans is the main subject of analysis in this article.

Key words: Balkans, Bosnia and Herzegovina, Northern Macedonia, Serbia, Slovenia, Croatia, Montenegro, Yugoslavia, NATO, enlargement policy.

Введение

С 3 по 4 декабря 2019 года в Лондоне проходил очередной саммит НАТО. По этому случаю на улицах британской столицы были вывешены флаги 29 стран – членов НАТО, а также флаг Северной Македонии (СМ). Несмотря на то что формально эта страна еще не полноправный член альянса (Испания не ратифицировала протокол, Франция – в процессе), флаг Республики решили все-таки повесить – потешить самолюбие балканцев. Этот жест в духе «умной силы» Дж. Ная оправдал себя. Руководство страны ликовало, а министр обороны СМ Р. Шекеринска разместила в Facebook восторженный комментарий: «Гордость! Флаг нашей родины поднят в Лондоне в преддверии саммита НАТО! Это того стоило!» [6].

По всей видимости, последняя фраза была оценкой национального унижения, которое пережила страна в процессе переименования, чтобы удовлетворить претензии Греции. Итогом колоссального давления на руководство Македонии со стороны Брюсселя и Вашингтона и беспрецедентного жонглирования ре-

зультатами национального референдума 30 сентября 2018 года (явка составила около 36% избирателей; для признания события легитимным необходимо 50% [23]) стало официальное переименование 12 февраля 2019 года страны в Республику Северная Македония. Показательно, что за неделю до исторического решения македонского парламента – 6 февраля 2019 года – был подписан протокол о вступлении СМ в НАТО. Таким образом, военно-стратегическая судьба Республики была давно предначертана, необходимо было лишь соблюсти формальности.

После завершения «македонской операции» на Балканах остаются две большие лакуны – Босния и Герцеговина, а также Сербия. Вопрос самопровозглашенной и частично признанной Республики Косово стоит особняком. Приштина ориентирована на вступление в альянс, но это вряд ли произойдет в обозримой перспективе. И не только потому, что четыре страны блока (Греция, Испания, Румыния, Словакия), а также Сербия не признают это новообразование, сколько в силу наличия недалеко от г. Урошевац суперсовременной американской военной базы Camp Bondsteel. В то же время косовский вопрос, правда, по разным причинам отягощает будущее атлантической интеграции и Белграда, и Сараево, что является препятствием формированию пространства НАТО – Югославии. Однако обо всем по порядку.

От Любляны до Скопье: эволюция присутствия НАТО на Балканах

При существующих общих стандартах процедуры вступления в НАТО каждая страна проходит свой особый путь к членству. Так, наименее болезненным и максимально быстрым для стран пост-югославского пространства он был у *Словении*. Членом Альянса Республика стала в рамках пятой волны расширения – 29 марта 2004 года. Территориальная близость к государствам блока, развитая экономика, а также отсутствие конфликтов и территориальных споров с соседями способствовали эффективному выполнению Любляной требований интеграции. Уже в 1994 году Словения присоединилась к программе «Партнерство ради мира» (ПРМ); в 1996 году в числе первых государств – участниц ПРМ она приняла предложение о начале индивидуального диалога, в рамках которого взяла обязательства по переустройству политиче-

ской, экономической и военной систем. В апреле 1997 года Государственное собрание приняло декларацию о членстве в НАТО, а в августе Президент Республики М. Кучан подписал указ об открытии миссии Словении при НАТО.

Для придания легитимности процессу натоизации страны в марте 2003 года был проведен национальный референдум по вопросам интеграции в ЕС и НАТО. При явке в 55% избирателей за членство в ЕС высказались 89,6%, а 66% проголосовавших поддержали присоединение к альянсу [20]. Спустя несколько дней в Брюсселе был подписан протокол о принятии Словении в альянс и запущен механизм его ратификации, завершившийся с предсказуемыми результатами в марте 2004 года. Относительно благополучной Республике бывшей Югославии понадобилось 10 лет для выполнения всех выдвигаемых альянсом условий.

Для Хорватии процесс евроатлантической интеграции оказался более трудным и долгим в силу сложной внутривнутриполитической ситуации, связанной с сербо-хорватским вооруженным конфликтом середины 1990-х годов и его последствиями. Лишь после избрания в 2000 году Президентом Республики С. Месича руководству страны удалось: обеспечить политический и гражданский контроль над силовыми структурами, которые вследствие межнациональной войны (1992–1995 гг.) обладали значительной, фактически не определенной законом властью; изменить систему управления вооруженными силами; преодолеть серьезные национальные противоречия (на практике это означало превращение некогда полиэтничной страны в мононациональную [9, с. 58–59]); создать профессиональную армию; решить проблемы со стандартами вооружений. Поэтому, хотя переговоры о вступлении Хорватии в НАТО велись уже давно, осуществлено это было только в рамках шестой волны расширения – 1 апреля 2009 года.

5 июня 2017 года Черногория – самый маленький «осколок» бывшей Югославии – стала 29-м членом НАТО. Путь в альянс был начат Подгорицей одновременно с Белградом еще в рамках союза Сербии и Черногории, возникшего на месте Союзной Республики Югославии и призванного смягчить «развод» двух сербских республик – 14 февраля 2006 года обе страны присоединились к ПРМ. Руководство Черногории настолько активно стремилось

в альянс, что 9 октября 2008 года признало независимость Косово. Словно в награду уже через год НАТО предоставило Подгорице План действий по членству. Статус наблюдателя на заседаниях альянса страна получила в декабре 2015 года; Протокол о присоединении был подписан в Брюсселе в мае 2016-го, а сам процесс стартовал в марте 2014 года на фоне конфликта на Украине и воссоединения Крыма с Россией.

По отношению к альянсу, бомбившему Союзную Республику Югославию, частью которой была Черногория, в стране не было и нет никаких иллюзий. Даже по данным опросов, проводимых в декабре 2016 года при финансовой поддержке структур НАТО и посольства США в Подгорице, вступление в альянс поддерживали 39,5% опрошенных, выступали резко против – 39,7%, не определились – 20,8% [29, с. 12]. В июне 2017 года та же компания «CEDEM» показала следующие результаты: «за» – 38,7%, «против» – 39,8%, не определились – 21,5% [28, с. 18]. Оппозиционные режиму Джукановича аналитические центры давали совсем другие оценки: более 54,7% против [8]. Именно поэтому общенациональный референдум по этому вопросу не проводился: большинство респондентов не поддержали бы инициативу М. Джукановича. Но даже в сформированном на волне шпионского антироссийского скандала парламенте не было консенсуса по этому вопросу – за ратификацию документа в апреле 2017 года проголосовали 46 депутатов, оппозиция бойкотировала заседание [16]. Заметим, что всего в парламенте – 81 депутат.

С военно-технической точки зрения Черногория не является выгодным приобретением НАТО. Численность Вооруженных сил страны – чуть больше 2 тыс. человек; ВМФ – одно название (два легких корабля и два катера); в составе ВВС – десяток транспортных вертолетов «Sud-Aviation Gazelle» [4]. Ценность этого члена для альянса лежит в геополитической и военно-стратегической плоскости. Во-первых, в распоряжение НАТО попадают все черногорские военно-морские базы на Адриатике. Во-вторых, вхождение некогда самой пророссийской югославской республики в НАТО – своеобразный «пробный шар». Тем самым Брюссель проверял на прочность не только Сербию, но и Россию. Слабость последней определила следующий шаг альянса на балканской шахматной доске.

Македония, о «триумфе» которой сказано во Введении, несмотря на довольно мирное расставание с социалистическим прошлым, прежде чем стать 30-м членом альянса, долгие годы была головной болью НАТО. Первый открытый вооруженный конфликт на Балканах в XXI веке, потребовавший очередного международного вмешательства, возник именно в Македонии. В марте 2001 года албанская Освободительная национальная армия, или УЧК¹, под руководством Али Ахмети начала военно-партизанские действия против регулярной армии Македонии на севере и западе страны (самые кровопролитные бои проходили в районе Тетово). Вмешательство НАТО и международного сообщества не просто «заморозило» конфликт – оно привело к серьезным изменениям формата государственности Македонии.

Давление на Президента Республики Б. Трайковского² со стороны ЕС и НАТО вынудили македонские власти пойти на уступки албанской оппозиции и сесть за стол переговоров. 13 августа 2001 года в Охриде македонским правительством и представителями албанских партий (УЧК не участвовала в этой процедуре, хотя и заявила о своей готовности поддержать документ) было подписано Рамочное соглашение, или Охридское соглашение, составной частью которого была новая Конституция Республики, подготовленная Р. Бадинтером [13, с. 973–977].

Положения этого документа, ратифицированного в ноябре 2001 года македонским парламентом, серьезным образом трансформировали основы македонского государства, приблизив перспективу федерализации страны. Права албанского меньшинства были существенно расширены. В частности, албанский язык получил статус официального; значительно увеличилась численность полицейских албанской национальности в областях с албанским населением; вводилось избрание местных руководителей полиции советом общины из числа лиц, список которых

¹ В оригинальной албанской версии употребляется аббревиатура UCK, которая изначально обозначала боевые отряды косовских албанцев – Ushtria Clirimtare e Kosoves, то есть Освободительная Армия Косово. Позже стало известно, что эта же аббревиатура используется действующими албанскими боевиками и в Македонии – Ushtria Clirimtare Kombetare, что означает Освободительная национальная армия.

² 26 февраля 2004 года Б. Трайковский погиб в авиакатастрофе. Президент и еще несколько работников администрации направлялись в Боснию и Герцеговину для участия в международной конференции. Авиакатастрофа произошла в горной местности в южной части Боснии, недалеко от г. Сполач к востоку от Дубровника. По официальной версии, трагедия произошла из-за плохой видимости.

представляется Министерством внутренних дел [17, с. 222–223]. Кроме того, в преамбуле Конституции понятие «македонский народ» было дополнено понятием «граждане Македонии» и перечислением проживающих в стране этнических и национальных групп (албанцы, боснийцы, влахи, сербы, турки, цыгане и др.), а поправки в статью 48 Конституции заменили термин «национальность» на понятие «община» [18, с. 26–28].

Македонцы согласились также на беспрецедентный шаг – использование албанских национальных символов. В довершение к этому боевикам УЧК была гарантирована амнистия, которую они получили в марте 2002 года, даже не выполнив требование полного разоружения [17, с. 233–234]. Несмотря на то что внутреннее замирение в Республике весьма относительно: в реальности существует две Македонии – албанская и сербская, две общины практически не пересекаются, – Брюссель сосредоточился на устранении внешнего препятствия к интеграции. Греко-македонский конфликт возник в момент провозглашения Македонией независимости в 1991 году и касался двух аспектов: трактовки македонской стороной истории возникновения Республики и ее названия.

Афины резко осуждали активную пропаганду, развернутую Скопье в первые годы независимости, по созданию независимого государства в пределах исторической области «Македония», которая включает в себя помимо самой Македонской Республики части территорий современных Сербии, Болгарии и Греции со столицей в греческом городе Салоники, а также македонскую трактовку истории. Особое раздражение греков вызывали такие символические моменты, как: изображение на банкноте македонского денара Белой башни – исторического памятника, расположенного в Салониках; название международного аэропорта и главной площади Скопье именем Александра Македонского. Очередное обострение конфликта произошло в июне 2011 года, когда на этой площади был установлен огромный памятник «Воин на коне», черты которого явно напоминают античные изображения Александра. В ходе длительных переговоров и консультаций, используя методы давления и поощрения, Брюсселю удалось убедить македонскую сторону в необходимости пойти на уступки Греции. В рамках урегулирования отношений с Грецией Ма-

кедония не только согласилась изменить название Республики, но и отказалась использовать имя Великого Искандера в обозначении главной воздушной гавани: с 2018 года он называется «Международный аэропорт Скопье». На монументе в центре македонской столицы, который теперь называется «Всадник на коне», по итогам Преспанского соглашения установлена табличка: «Памятник установлен в честь Александра Македонского, персоналии и героя античной греческой истории, как наследие всемирной истории».

Включение *Боснии и Герцеговины (БиГ)* в военно-политические рамки НАТО осложняется не только историей взаимоотношений сербского населения этой страны с альянсом в период с 1992 по 1995 год, но и спецификой структуры и функционирования этого государства. Современная Босния, представляющая так называемую мягкую конфедерацию, состоящую из двух образований, или энтитетов (Федерация БиГ и Республика Сербская), и особого района Брчко, фактически управляется международными институтами – Советом по выполнению Мирного соглашения (МС) и Силами Европейского союза (СЕС или ЕВРОФОР; с 2004 года выступают в качестве преемника Стабилизационных сил НАТО, развернутых в стране для контроля за выполнением Мирных соглашений), имеющими самые широкие полномочия, зафиксированные в Рамочном соглашении 1995 года, широко известном как Дейтонские соглашения. Несмотря на то что ответственность за миротворческую миссию в БиГ принял на себя Европейский союз, НАТО сохранила свой штаб в Сараево и осталась гарантом МС, что было подтверждено п. 11 Резолюции Совета Безопасности ООН от 20 ноября 2008 г. № 1845.

Процесс боснийского урегулирования, связанный с выполнением МС, вступил в заключительный этап. Реализация этого документа приближается к своему логическому завершению: осуществляемые в БиГ глубинные многоплановые реформы во всех жизненно важных сферах уже лишили энтитеты значительной доли независимости. Готовящиеся масштабные изменения сердцевины Дейтона – Конституции – знаменуют собой формирование в БиГ качественно иной ситуации, а именно превращение страны в «жесткую», централизованную Федерацию и вступление в НАТО. Так, созданные единые мультиэтничные Вооруженные

силы БиГ численностью 10 тыс. человек (плюс 5 тыс. – активный резерв) комплектуются по критериям профессионализма и добровольности, а их реструктуризация идет строго по натовским стандартам. Не менее показательна перестройка местной полиции, разделенной по административно-территориальному признаку на 12 не связанных между собой элементов (Республика Сербская, Брчко и 10 кантонов Федерации БиГ) [15, с. 191].

В 2009 году БиГ подала официальную заявку на предоставление Плана действий по членству (ПДЧ) и 23 апреля 2010 года получила его, став тем самым официальным кандидатом на вступление в альянс. Однако, как заметил тогда спецпредставитель альянса Дж. Аппатурай: «ПДЧ был предоставлен Боснии, но на определенных условиях» [1]. Правда, о характере поставленных БиГ условий он тогда не сообщил. Однако и так известно, что «ПДЧ основан на активном индивидуальном диалоге, который предполагает принятие специальной программы мероприятий для содействия странам-кандидатам в их подготовке к вступлению в альянс. В этой связи ПДЧ подразделяется на пять разделов: политические и экономические вопросы, военные вопросы, вопросы ресурсов, безопасности и правовые вопросы» [10, с. 15].

Спустя без малого десятилетие участия в ПДЧ главной проблемой современной Боснии остается напряженность взаимоотношений между Республикой Сербской (РС) и мусульманохорватской Федерацией. Однако НАТО продолжает работать над дальнейшей централизацией страны, что предполагает свертывание автономии РС, параллельно активизируя контакты с Белградом.

Сербия – партизан в тылу НАТО?

Вектор евроатлантической интеграции балканских стран в ряде случаев делает интересные повороты. Принцип «Чтобы объединиться – сначала нужно разъединиться» в буквальном смысле нашел свое подтверждение на пост-югославском пространстве. Сложности поглощения самого крупного «осколка» социалистической федерации – Союзной Республики Югославия (СРЮ), состоящей из Сербии и Черногории, потребовали от НАТО запуска механизма распада. Успех первой в постбиполярный период «цветной революции» в сентябре 2000 года

в Белграде не только определил отстранение от власти С. Милошевича, но и дал старт к изменению политической карты СРЮ. 14 марта 2002 года под руководством Х. Соланы было подписано соглашение об основах переустройства отношений между Сербией и Черногорией. Новообразование – Государственный Союз Сербии и Черногории (СиЧ) – просуществовало с 4 февраля 2003 года по 5 июня 2006 года. Решение о выходе Черногории из СиЧ было принято 21 мая 2006 года на референдуме (процедура проходила с грубейшими нарушениями, на многих участках результаты были фальсифицированы [21, с. 402]), в результате которого сторонники отделения добились перевеса в 0,5% голосов и победили («за» отделение – 55,5%, «против» – 44,5%; обязательный порог – 55% голосов [31, с. 23]). Последовавшее за разъединением «похищение Черногории» Североатлантическим альянсом было рассмотрено выше. На данный момент Сербия – самый «крепкий орешек» для альянса.

Военно-техническое соглашение между НАТО и Белградом было подписано 9 июня 1999 года – через шесть дней после одобрения Скупщиной Союзной Республики Югославия документа «по достижению мира», означавшего фактическую капитуляцию страны по итогам 78-дневных бомбардировок альянсом суверенного европейского государства. Соглашение предполагало: размещение Международного присутствия по безопасности на территории Сербии – в автономном крае Косово и Метохия (КФОР¹); установление воздушной зоны безопасности шириной 25 км вне границ / территории Косово, а также зоны наземной безопасности (5 км) вне границ Косово, то есть заходящую на территорию Сербии. Армия СРЮ в течение 11 дней обязалась вывести все войска. На следующий день Х. Солана уведомил Совет Безопасности ООН о том, что НАТО приостановила «воздушные операции» [32], и только 20 июня, когда Белград выполнил все условия, было принято решение об их прекращении.

После периода «горячей войны» против Югославии НАТО приступила к войне гибридной. В военно-стратегическом пла-

¹ KFOR (англ. *Kosovo Force*, в официальных документах ООН на русском языке именуется СДК – «Силы для Косово») – международные силы под руководством НАТО, отвечающие за обеспечение стабильности в Косово (сначала Автономный край Косово и Метохия Республики Сербия, а с 17 февраля 2008 года – частично признанная Республика Косово). Силы KFOR были созданы в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244 и вошли в Косово 12 июня 1999 года.

не в отношении сначала СРЮ как целого, а затем в отношении ее составных частей – Сербии и Черногории – ставилось (как и в отношении всех стран пост-югославского пространства) несколько целей: резкое сокращение структуры армии, ее численности и вооружения (особенно тяжелого); переход армии на контрактную основу; перевод обучения и вооружений армии на стандарты НАТО; включение сербской и черногорской армий в партнерские, а затем и союзнические отношения с альянсом; постановка республиканских спецслужб под так называемый гражданский контроль. Учитывая роль, которую в сербской истории и в процессе формирования государственности играл военный фактор [2], превращение армии в дисфункциональную систему сделало аморфным и общество, и государство.

Деструкция армии и спецслужб как цементирующей сербское общество силы происходила постепенно. После октябрьского переворота 2000 года стараниями новой власти Сербии были упразднены стратегически важные группировки (Первая, Вторая и Третья армии), а также расформированы структуры Ракетных войск и ПРО. В 2001 году в отставку были отправлены 42 армейских генерала, в 2002 – еще 32. За командующего Третьей армией вступился даже сербский патриарх Павел. Однако Президент В. Коштуница проигнорировал эту просьбу, обосновав это тем, что «таково распоряжение американцев, и это нужно сделать» [19, с. 250].

Убрать боевых генералов, организовавших сопротивление в ходе агрессии, было необходимо для перехода к следующему этапу – установлению партнерских отношений с НАТО. Очевидно, что действовавший в 1999 году высший командный состав к такой «миссии» был явно не готов.

25 августа 2002 года была создана министерская группа по координации подготовки к вступлению СРЮ в программу ПРМ. Перед этим во всех югославских СМИ была развернута информационная кампания по формированию положительного отношения к Партнерству, как к «гибкой структуре, дающей новые возможности защиты национальной безопасности» [7].

Зеленый свет переходу сербской армии на стандарты НАТО дал Б. Тадич, назначенный на пост министра обороны в правительстве СиЧ в 2003 году. Первым его шагом в новой должности стало сокращение численного состава армейских подразделений

СРЮ с 200 тыс. сначала до 52 тыс. человек, затем – до 30 тыс. [19, с. 251]. В настоящий момент, со слов сербских военных, сказанных в частной обстановке, боеготовые части армии Республики представлены всего двумя бригадами (чуть больше 12 тыс. человек). Количество резервистов насчитывает не больше 50 тыс. человек.

Уже в качестве Президента Тадич вывел отношения с альянсом на новый уровень. 18 июля 2005 года Сербия и Черногория подписали с НАТО договор «О сухопутных линиях коммуникации». С тех пор сохраняется возможность: беспрепятственного транзита натовских войск через территорию балканских республик; получения в полное распоряжение аэродромов, бухт, шоссе и железных дорог, казарм и информационных систем. Временной предел соглашения фактически отсутствует – «до окончания всех операций поддержки мира в регионе Балкан» [3]. Показательно, что в 2006 году на том же этаже, где находится кабинет министра обороны Сербии и его секретариат, разместилась канцелярия НАТО [25].

В период с 2006 по 2009 год Белград подписал серию документов с НАТО и правительством США, резко изменивших стратегический баланс в регионе. В частности, положения военно-технического сотрудничества предполагают:

- освобождение солдат и другого персонала США от уголовной ответственности за совершение преступлений и нанесение ущерба на территории Сербии (правовой иммунитет);
- освобождение от таможенного и любого иного контроля со стороны сербских властей перемещаемых по территории Сербии физических и юридических лиц, а также средств правительства США и его договорных партнеров (в том числе военных компаний);
- предоставление американским войскам и компаниям необходимой инфраструктуры, а также права строительства объектов на территории Сербии в соответствии с американскими требованиями;
- оказание со стороны сербских властей поддержки американским военным в логистике, расположении резервов и их обслуживании [19, с. 251–252].

Проникновение военных и разведслужб иностранных государств на территорию Сербии окончательно закрепило «Согла-

шение о статусе сил», подписанное в январе 2014 года в Вашингтоне министром обороны Н. Родичем и ратифицированное в июле 2015 года. Скупщиной. Документ определяет правовое положение вооруженных сил США и НАТО, находящихся на территории Сербии. Согласно букве договора Республика добровольно взяла на себя все обязанности полноправного члена альянса [30]. Фактически Сербия уже является членом НАТО. Форма же требует решения «косовского вопроса», то есть признания Сербией Республики Косово (РК) как суверенного образования, что даст возможность остальным членам НАТО признать, как это ни парадоксально звучит, территориальную целостность самой Сербии, но уже в новых границах (без Косово) [11, с. 43].

Дело в том, что согласно ст. 4 Устава НАТО члены альянса обязуются всегда «консультироваться друг с другом, в случае если, по мнению кого-либо из них, территориальная целостность, политическая независимость или безопасность какой-либо из договаривающихся сторон окажутся под угрозой» [33]. По итогам бомбардировок 1999 года от Сербии была отторгнута историческая родина, поэтому пока сам Белград не согласится на формализацию существующего де-факто положения, в НАТО ему дорога закрыта. На встрече в Сочи 4 декабря 2019 года президенты России и Сербии еще раз подтвердили приверженность «резолюции 1244 Совета Безопасности ООН, в которой зафиксированы фундаментальные принципы разрешения косовского кризиса: в их числе уважение суверенитета и территориальной целостности, а также адекватное обеспечение законных интересов всех этнических групп, составляющих население региона» [12]. Таким образом, косовский вопрос еще неопределенное время будет оставаться в «замороженном» состоянии. В то же время следует признать, что даже достижение «компромисса» между Белградом и Приштиной, к которому готова и Россия, «если это будет в интересах Сербии» [12], не откроет для них двери НАТО. Как уже отмечалось, Греция, Испания, Румыния и Словакия не признают независимость РК, и пока нет никаких оснований утверждать, что они изменят свое решение в обозримом будущем.

По всей видимости, именно этот факт определил необходимость установления максимально плотных контактов Белграда

с НАТО вне рамок членства. 15 января 2015 года вступило в силу соглашение IPAP (*Individual partnership action plan*), означающее проникновение структур альянса практически во все сферы сербского государства. Последующие договоренности, например Соглашение о сотрудничестве в области материально-технического обеспечения (февраль 2016 г.), лишь детализировали уже имеющиеся положения.

В ноябре 2019 года Сербия завершила процедуру принятия второго цикла IPAP, рассчитанного на период 2019–2021 годов и закрепляющего отношения стратегического военного партнерства между альянсом и странами, которые не являются членами военного блока. Страна, подписавшая IPAP, может как претендовать на вступление в блок, так и развивать военно-техническое сотрудничество, не претендуя на постоянное членство. Сербия пытается реализовать именно второй вариант, отстаивая свой нейтральный статус в альянсе.

Понятие «военный нейтралитет» впервые появилось в нормативной базе Республики 26 декабря 2007 года. Речь идет о Резолюции Скупщины «О защите суверенитета, территориальной целостности и конституционного порядка Республики Сербия». В статье 6 документа записано: «В виду совокупной роли НАТО, начиная с противозаконных бомбардировок Сербии в 1999 г. без разрешения Совета Безопасности ООН вплоть до отвергнутого плана Ахтисаари, согласно которому НАТО провозглашается “окончательным органом” власти в “независимом Косово”, Народная Скупщина Республики Сербия принимает решение о провозглашении военного нейтралитета Сербии относительно существующих военных союзов до возможного проведения референдума, на котором было бы принято окончательное решение по данному вопросу» [14]. И хотя известно, что действительно нейтральный статус должен быть зафиксирован в международно-правовых (для этого необходимо подать заявку в соответствующие структуры ООН с просьбой о признании международного статуса страны как военно-нейтрального или просто нейтрального) и внутренних (конституция, стратегии обороны и национальной безопасности) документах – ни в том, ни в другом случае этого нет, наличие Резолюции позволяет А. Вучичу успешно лавировать между

НАТО и Россией. С одной стороны, переходить на стандарты альянса, с другой – проводить модернизацию армии за счет и с помощью Москвы.

Российская Федерация – крупнейший военно-технический донор сербской армии. Вооруженные силы Сербии безвозмездно получили шесть МиГ-29, 30 бронированных разведывательно-дозорных машин БРДМ-2МС и 30 танков Т-72МС. К этому следует добавить значительные скидки и другие льготы при получении сербской стороной оружия и военной техники у России. Накануне визита А. Вучича в Сочи 4 декабря 2019 года Россия с опережением графика поставила Сербии четыре вертолета Ми-35. Кроме этого Белград приобрел самоходный зенитный ракетно-пушечный комплекс наземного и морского базирования «Панцирь-С1», предназначенный для ближнего прикрытия гражданских и военных объектов (от всех современных и перспективных средств воздушного нападения). Такое масштабное военно-техническое сотрудничество вызывает серьезную озабоченность Пентагона и натовских чиновников [27]. Однако сербские военные убеждены: модернизация армии Сербии – «гарантия мира на Балканах, тем более в условиях создания паравоенных единиц в Республике Косово» [24].

Что же касается военного нейтралитета Сербии, то перспектива его сохранения зависит от комплекса внутренних и внешних факторов. Помимо названных это – во-первых, категорическое неприятие большинством сербского общества возможности признания РК и членства в агрессивном блоке; во-вторых, острая необходимость законодательного закрепления статуса нейтральной державы. О возможности принятия декларации о политической независимости и военном нейтралитете, а также о корректировке в этом смысле Стратегий обороны и национальной безопасности в феврале 2020 года уже заявил А. Вучич [22]. Реализация этих благих намерений позволит возродить довольно успешную на конкретном историческом отрезке политику неприсоединения и затормозить процесс формирования пространства НАТО – Югославия.

Заключение

С момента разрушения биполярной системы за прошедшие без малого 30 лет НАТО превратилась в единственный военно-политический блок, имеющий глобальные цели: альянс не только плотно

вписан в деятельность таких ведущих международных организаций, как ООН, ЕС и ОБСЕ, но и представлен во всех стратегически важных зонах мировой политики. Помимо широко известной программы «Партнерство ради мира», зарекомендовавшей себя как важный инструмент расширения блока, его действенными институтами являются Совет Евро-Атлантического партнерства (СЕАП, 30 стран-членов и 21 партнер: Австрия, Ирландия, Мальта, Финляндия, Швеция и Швейцария плюс государства постсоветского и пост-югославского пространства), Средиземноморский диалог (7 стран), Стамбульская инициатива сотрудничества (Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ). Кроме этого так называемое партнерство по всему миру, предполагающее взаимодействие в вопросах безопасности, борьбы с террористической угрозой и для решения вопросов, «представляющих взаимный интерес» [26], включает Афганистан, Австралию, Ирак, Колумбию, Монголию, Новую Зеландию, Пакистан, Южную Корею и Японию.

Пространство бывшей Югославии – турбулентная зона мировой политики, арена столкновения культур, религий, борьбы великих держав. В настоящее время здесь происходит наложение нескольких процессов, формирующих как взаимоисключающие, так и дополняющие друг друга векторы развития.

С одной стороны, евроатлантические структуры стремятся окончательно решить проблему натоизации Юго-Восточной Европы, включив все бывшие республики Югославии в структуры альянса. Для этого используются различные рычаги и технологии, начиная от переименования (Македония) и заканчивая проектом по обмену территориями между Сербией и самопровозглашенной Республикой Косово.

С другой – на территориях, некогда включенных в политические рамки Османской Турции, конструируется сценарий исламизации региона. К концу второго десятилетия XXI века «Балканский халифат» не кажется преувеличением футурологов, а лишь делом времени [5, с. 211–214]. Еще одним процессом, разворачивающимся параллельно, является сценарий албанизации, тесно связанный со структурами транснациональной организованной преступности и, прежде всего, наркомафии [5, с. 234, 238]. Учитывая непосредственную поддержку албанского сепаратизма англосаксонским блоком, начиная с Первой мировой войны, сце-

нарий будет осуществляться при непосредственной поддержке со стороны США, Великобритании и ряда стран – членов НАТО. Все названные процессы направлены на окончательное решение «сербского вопроса» и минимизацию, а в идеале – на сведение к нулю российского культурно-гуманитарного, экономического (прежде всего, энергетического), военно-технического и политического присутствия в регионе.

Учитывая всё вышесказанное, в среднесрочной перспективе политика военного нейтралитета Сербии в совокупности с сохранением мирополитической субъектности Республикой Сербской видится единственной возможностью не допустить полного поглощения этого региона машиной НАТО и окончательного погружения Балкан в футуроархаизацию. Для России поддержка сербских стремлений означает возможность обеспечить в регионе баланс сил и интересов.

Литература

1. Босния и Герцеговина получила План действий по членству в НАТО // РИА Новости. – URL: <http://www.rian.ru/world/20100423/225677382.html> (дата обращения: 05.12.2019).
2. Вишняков Я.В. Идеология сербской военной элиты в контексте особенностей развития сербского государства в конце XIX – начале XX века // Человек на Балканах. Опыт взаимодействия (конец XIX – начало XX в.). – СПб.: Алетейя, 2009. – С. 86–107.
3. Гуськова Е.Ю. Стремится ли Сербия в НАТО? / Фонд стратегической культуры. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2015/01/24/stremitsja-li-serbia-v-nato-31453.html> (дата обращения: 18.11.2019).
4. Как Черногория стала членом НАТО // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20170605/1495857432.html> (дата обращения: 05.12.2019).
5. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / под ред. М.В. Александрова, О.Е. Родионова. – М.: МГИМО-Университет, 2018. – 768 с.
6. НАТО открывает двери для Северной Македонии // Новый день. – URL: <https://newdaynews.ru/balkans/677993.html> (дата обращения: 05.12.2019).
7. НИН: Вступление Югославии в программу НАТО «Партнерство ради мира» возможно // Правда.ру. – URL: https://www.pravda.ru/world/803852-nin_vstuplenie_jugoslavii_v_programmu_nato_partnerstvo_radi_mira/ (дата обращения: 18.11.2019).
8. Опозиция Черногории: 54,7% граждан страны против вступления в НАТО // РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20160518/1435755406.html> (дата обращения: 05.12.2019).
9. Пономарева Е.Г. Новые государства на Балканах. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 252 с.
10. Пономарева Е.Г. Босния и Герцеговина: государство без государственности // Вестник МГИМО-Университета. – 2011. – № 1 (16). – С. 64–76.
11. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 2 (65). – С. 32–56.
12. Пресс-конференция В. Путина и А. Вучича по итогам российско-сербских переговоров // Официальный сайт Президента РФ. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62240> (дата обращения: 06.12.2019).

13. Рамковен (Охридски) договор. Скопје, 13 август 2001 // Документи за Републику Македонија. 1990–2005. Кн. III / С. Георгиевски, С. Додевски. – Скопје, 2008. – С. 972–977.
14. Резолуција Народне скупштине о заштити суверенитета, територијалног интегритета и уставног поретка Републике Србије. – URL: <https://www.srbija.gov.rs/kosovo-metohija/index.php?id=80729> (дата обращения: 20.11.2019).
15. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. – М.: Аспект-Пресс, 2017. – 688 с.
16. *Сысоев Г.* Черногория проголосовала за НАТО // Коммерсант. – 2017. – 28 апр. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3286831> (дата обращения: 05.12.2019).
17. *Третьякова М.* Албанский вопрос во внутренней политике Македонии (1991–2001): дис. ... канд. ист. наук. – М.: МГИМО МИД России, 2018. – 291 с. – URL: https://mgimo.ru/science/diss/Tretyakova_diss.pdf (дата обращения: 05.12.2019).
18. Устав на Република Македонија. – URL: <https://www.sobranie.mk/content/Odluki%20USTAV/UstavSRSM.pdf> (дата обращения: 05.12.2019).
19. *Филимонова А.И.* Военное сотрудничество Сербии с США // Между Москвой и Брюсселем. – М.: Институт славяноведения РАН, 2016. – С. 248–267.
20. *Шорохов В.* Словения хочет в ЕС и НАТО // Эксперт. – 2003. – № 12 (366). – URL: https://expert.ru/expert/2003/12/12ex-novost2_33626/ (дата обращения: 05.12.2019).
21. Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI в. Аспекты общественно-политического развития. – М.-СПб.: Нестор-История, 2015. – 480 с.
22. Announcement of Declaration on political independence causes confusion in Serbia. – URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/11/28/announcement-of-declaration-on-political-independence-causes-confusion-in-serbia/> (accessed: 29.11.2019).
23. *Marusic S.J.* Macedonia Referendum Records Low Turnout, Both Sides Claim Victory. – URL: <https://balkaninsight.com/2018/09/30/macedonia-name-referendum-marks-low-turnout-09-30-2018/> (accessed: 29.11.2019).
24. Ministar Vulin: Nashe naoružavanje u funkciji mira. – URL: <http://www.mod.gov.rs/cir/14226/ministar-vulin-nase-naoružavanje-u-funkciji-mira-14226> (accessed: 29.11.2019).
25. NATO Military Liaison Office. Belgrade-Home. – URL: https://jfcnaples.nato.int/mlo_belgrade (accessed: 29.11.2019).
26. NATO-Partners. – URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/51288.htm> (accessed: 29.11.2019).
27. Pentagon Report: Serbia has intensified relations with Russia since 2012. – URL: <https://europeanwesternbalkans.com/2019/11/28/pentagon-report-serbia-has-intensified-relations-with-russia-since-2012/> (accessed: 29.11.2019).
28. Political public opinion of Montenegro. June, 2017. – URL: http://www.cedem.me/images/jDownloads_new/CEDEM_June_2017_-_public_opinion_poll.pdf (accessed: 29.11.2019).
29. Političko javno mnjenje Crne Gore. NATO integracija. Decembar, 2016. – URL: http://www.cedem.me/images/jDownloads_new/Program%20Empirijska%20istazivanja/Politicko%20javno%20mnjenje/CEDEM_decembar_2016_istrazivanje.pdf (accessed: 29.11.2019).
30. Report on Status of Forces Agreements. International Security Advisory Board. 15 January, 2015. – URL: <https://www.state.gov/documents/organization/236456.pdf> (accessed: 29.11.2019).
31. Republic of Montenegro. Referendum on State-Status 21 May 2006. – URL: <https://www.parlament.cat/document/intrade/14128> (accessed: 29.11.2019).
32. Security Council. S/1999/663. – URL: <https://undocs.org/en/S/1999/663> (accessed: 29.11.2019).
33. The North Atlantic Treaty. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_17120.htm (accessed: 29.11.2019).

Волков Алексей Михайлович,

кандидат экономических наук,
Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО), Москва.
E-mail: volkov@imemo.ru

Aleksey M. Volkov,

Ph.D. in Economics,
Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
(IMEMO), Moscow.
E-mail: volkov@imemo.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПОТОКИ В СТРАНЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

MIGRATION FLOWS TO NORDIC COUNTRIES

Аннотация: иммиграция была важным источником роста населения на протяжении почти всей истории северных стран. После создания северными странами общего рынка труда произошла крупномасштабная трудовая миграция из Финляндии в Швецию. С начала 1970-х годов начала расти доля беженцев среди иммигрантов. Северные страны активно принимали беженцев в годы войн на Балканах, а в середине 2010-х годов потоки беженцев хлынули из Сирии, Афганистана, Ирака и Ливии. 2015 год стал рекордным по приему мигрантов. Результатами стало ужесточение требований к иммигрантам и ограничение их количества. В северных странах проводится разная политика в отношении иммигрантов: наиболее либеральная – в Швеции, а наиболее жесткая – в Дании. Для северных стран интеграция вновь прибывших иностранцев стала значимым вызовом для всего общества и государственных структур. Серьезной проблемой остается низкая квалификация большинства мигрантов. На помощь им выделяются огромные деньги, а безработица среди них в несколько раз выше, чем среди тех, кто родился в северных странах. В плане интеграции мигрантов меньших успехов добилась Дания. Рост числа беженцев и растущие проблемы в связи с их интеграцией привели к росту влияния крайне правых партий в странах Северной Европы.

Ключевые слова: страны Северной Европы, Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия, миграция, беженцы, безработица.

Abstract: immigration has been an important source of population growth for almost the entire history of the Nordic countries. After the creation of the common labour market by the Nordic countries, there was a large-scale labour migration from Finland to Sweden. Since the early 1970s, the proportion of refugees among immigrants has been growing. Northern countries actively accepted refugees during the Balkan wars, and in the mid-2010s, refugee flows poured in from Syria, Afghanistan, Iraq, and Libya. 2015 was a record year for receiving migrants. The results were tougher requirements for immigrants and restrictions on their number. In the Nordic countries, different policies are applied to immigrants: the most liberal is in Sweden, and the most stringent is in Denmark. For the Nordic countries, the integration of newly arrived foreigners has

become a significant challenge for the entire society and state structures. The low qualifications of the majority of migrants remain a serious problem. Huge amounts of money are allocated to help them, and unemployment among them is several times higher than among those born in the Nordic countries. Denmark has made less progress in integrating migrants. The growing number of refugees and growing problems with their integration have led to an increase in the influence of far-right parties in the Nordic countries.

Key words: Nordic countries, Sweden, Denmark, Finland, Norway, migration, refugees, unemployment.

Динамика иммиграции

Иммиграция была важным источником роста населения и культурных изменений на протяжении почти всей истории северных стран. Однако так было не всегда.

В XIX веке рост экономического неравенства и быстрое увеличение населения привели к углублению социальных проблем, и уровень эмиграции значительно превысил иммиграцию в северные страны. Неурожаи и голод привели к первой массовой эмиграции из Швеции в 1853–1873 годах, когда 103 тыс. шведов (свыше 3% населения) переселились в Северную Америку. Вторая волна эмиграции наблюдалась через шесть лет, и за 1879–1893 годы ежегодно в среднем 34 тыс. шведов эмигрировали в Северную Америку, а пиковым годом стал 1887 год, когда из Швеции уехали 50 тыс. человек. Всего же из Швеции за 1865–1930 годы эмигрировали почти 1,4 млн человек. 1/4 часть из них вернулись на родину, а около 80% остались в Северной Америке, прежде всего в США [1].

Начиная со второй половины XIX века подавляющее большинство датчан направлялись в США, а когда в середине 1920-х годов были введены квоты на эмиграцию в США, это привело к тому, что к концу десятилетия наибольшее число датчан стали уезжать в Канаду. Начавшаяся Великая депрессия в США окончательно остановила поток датских эмигрантов в Северную Америку.

В конце XIX века почти каждый 10-й норвежец переехал в США.

Рост миграции в годы после Второй мировой войны объяснялся постепенным открытием границ. Начало положило создание паспортного союза между Данией, Норвегией, Финляндией и Швецией в начале 1950-х годов, который упростил процесс пересечения границ и предоставил гражданам этих стран возможность жить и работать в другой стране без получения специального разрешения властей, то есть северные страны созда-

ли общий рынок труда, что способствовало крупномасштабной трудовой миграции из Финляндии в Швецию. В дальнейшем эти процессы были ускорены подписанием Конвенции о социальной защите в 1955 году, впоследствии обновленной в 1981 году, которая ввела единые социальные гарантии для всех граждан стран Северной Европы.

В Швеции в 1970 году число трудовых мигрантов на рынке труда достигло 78 тыс. человек. Между 1980-м и 1990 годом рабочая иммиграция в Швецию стала уменьшаться, а иммиграция в целях получения убежища и в рамках воссоединения семей из неевропейских стран стала возрастать. Причиной стали войны на Ближнем Востоке и в Африке. В этот период в Швецию прибывали иммигранты из таких стран, как Иран, Ливан, Польша, Турция и Чили.

В Дании с конца 1960-х годов количество эмигрантов увеличилось по приглашению датских работодателей, в основном из таких стран, как Югославия, Турция и Пакистан. В начале 1970-х годов начала расти доля беженцев среди иммигрантов, в частности из стран с диктаторскими и авторитарными политическими режимами – Испании, Греции, Португалии, а также из Латинской Америки, где в 1960-е и 1970-е годы к власти пришли военные, и стран Африки. В частности, продолжался рост числа беженцев из Чили, где установился авторитарный режим Пиночета, и Вьетнама в связи с войной во Вьетнаме.

В 1983 году в Дании был принят Закон об иностранцах, и в страну хлынуло большее число беженцев из Ирака, Ирана (в связи с ирано-иракской войной 1980–1988 гг.) и Сомали (как следствие начавшейся в 1988 г. после свержения режима Мохаммеда Сиада Барре гражданской войны). Сегодня в Дании проживает около 16,7 тыс. сомалийцев, что делает их наиболее многочисленной группой беженцев из Африки [9].

В свое время этот Закон считался одним из самых либеральных в мире, а Дания, по мнению сторонников этого Закона, стала страной с наиболее гуманной политикой в отношении беженцев. Он обеспечивал беженцам больше прав и давал возможность въезда без предварительного получения визы для подачи заявления на получение убежища, а также предоставлял право на воссоединение членов семьи в случае получения убежища.

Первой крупной группой иностранных мигрантов, прибывших в Финляндию в 1970-х годах, были 182 политических беженца из Чили, покинувших страну после военного переворота, совершенного генералом Аугусто Пиночетом. В основном это были представители чилийской интеллигенции, которые не доставляли никаких хлопот финскому обществу и после ухода Пиночета вернулись на родину. Следующая волна миграции была уже более экзотической – через Россию в Финляндию в начале 1990-х годов также стали въезжать граждане Сомали, спасавшиеся от гражданской войны. Практически в это же время в Финляндию устремились и беженцы из Югославии – боснийцы, албанцы, сербы, хорваты, также спасавшиеся от войны. Дальнейшее усложнение миграционной ситуации последовало за вступлением Финляндии в Евросоюз. Во-первых, в Финляндию устремились трудовые мигранты из стран Восточной Европы. Во-вторых, туда стали въезжать беженцы из других стран Евросоюза – иракцы, афганцы, сирийцы, ливийцы, эритрейцы.

В годы войн на Балканах Швеция также активно принимала беженцев. Рекорд был зафиксирован в 1992 году, когда около 84 тыс. беженцев прибыли в страну. К 2009 году среди иммигрантов в Швеции ведущие позиции занимали финны (172 тыс. человек), иракцы (118 тыс.), югославы (72 тыс.), поляки (68 тыс.), иранцы (60 тыс.), боснийцы (56 тыс.), немцы (48 тыс.), датчане (46 тыс.), норвежцы (44 тыс.) и турки (41 тыс. человек) [16].

На современном этапе наблюдается новая большая волна иммиграции в страну. В 2010–2015 годах 20% всех мигрантов составляли просители убежища, 18% – граждане из других государств ЕС, имеющие право на свободное передвижение, 17% – шведы-репатрианты, 32% прибыли в рамках воссоединения семей, 4% – в целях получения образования и только 9% приходилось на трудовых мигрантов [2, с. 99].

При этом в последнее десятилетие цифры достигли рекордного роста. Доля шведов, рожденных за границей, составила к 2019 году 19%. Четверть жителей Стокгольма – иммигранты. Более того, никогда ранее Швеция не принимала столь огромное число беженцев, как в 2015 году – 163 тыс. человек [18]. Это почти в 2 раза больше рекорда, установленного в 1992 году в связи с Балканским кризисом. В 2014 году около 4 тыс. – 5 тыс. бежен-

цев ежемесячно прибывали в Швецию. Октябрь 2015 года вошел в шведскую историю как месяц, за который было принято наибольшее количество беженцев – свыше 39 тыс. человек.

Массовый приток беженцев и нелегалов в 2015 году был связан с обострением миграционного кризиса из-за дестабилизации обстановки и усиления военных действий в Сирии, Афганистане, Ираке и Ливии. Из 1,26 млн официально поданных в 2015 году в ЕС первичных прошений о предоставлении убежища на Швецию приходилось 12% и она уступила лишь Германии и Венгрии [7].

По данным Евростата, в 2014–2015 годах более 50 тыс. сирийцев, 41,2 тыс. афганцев, 20,2 тыс. иракцев, 6,5 тыс. эритрейцев подали прошение о предоставлении убежища в странах ЕС [3]. В 2015 году было подано в общей сложности 58,8 тыс. прошений, из которых 32,5 тыс. (более 55%) оказались удовлетворены [4]. При этом значительное число мигрантов получили отказ в предоставлении убежища, и из этого числа Швеция планировала выслать из своих пределов 80 тыс. выходцев из стран Ближнего Востока и Африки.

В 2016 году, согласно данным Управления по делам мигрантов, вид на жительство в Швеции получили 150 тыс. человек. Наибольшая часть обратилась за получением статуса беженца. 68 682 человека получили убежище в Швеции.

В 2017 году крупнейшими группами иммигрантов в Швеции были финны – 9,3%, иракцы – 7,8%, сирийцы – 6%, поляки – 5%, иранцы – 4%, югославы – 4%, сомалийцы – 3,6% [10, с. 95].

С конца 1980-х годов до 1994 года число мигрантов, прибывающих в Данию, держалось примерно на уровне 20 тыс. человек в год. Первый скачок до 40 тыс. мигрантов произошел в 1994–1996 годах в связи с обострением межэтнического конфликта в бывшей Югославии. Вторая крупная волна мигрантов пришла на период 2004–2010 годов и увеличила количество прибывающих до 50 тыс. в год. На этом этапе основную массу составили выходцы с Ближнего и Среднего Востока (в частности, в результате войны в Ираке). И наконец, последний этап привел к миграционному кризису 2015 года, когда было зафиксировано рекордное количество мигрантов – 76 тыс. человек в год. В 2015–2016 годах наблюдалась наиболее массовая иммиграция

сирийцев. Но в сравнении с остальными скандинавскими странами в это время на Данию пришлось намного меньшее число беженцев.

По состоянию на 1 января 2017 года мигранты составляли 571 тыс. человек, или примерно 10% датского населения, из которых 58% происходили не из стран Запада. В столичном регионе живет наибольшее количество мигрантов, которое составляет 44% от всех мигрантов и около 19% от всего населения региона. На 2017 год 10 крупнейших групп иммигрантов в Дании составляли: поляки – 39 тыс. человек, или 7% от общего числа иммигрантов; сирийцы – около 34 тыс., или 6%; турки – около 33 тыс., или 5,7%; немцы – около 30 тыс., или 5%; румыны – свыше 24 тыс., или 4,2%; иракцы – свыше 21 тыс., или 3,7%; боснийцы – около 18 тыс., или 3%; иранцы – около 16 тыс., или 2,7%; норвежцы – около 16 тыс., или 2,7%; британцы – 14 тыс., или 2,4% [11, с. 13].

По данным иммиграционной службы, за 2015 год в Финляндию прибыли 32,5 тыс. просителей убежища, в основном это были беженцы из Ирака и Афганистана. При этом только в течение сентября 2015 года в Финляндию прибыли около 11 тыс. беженцев. До этого ежегодный показатель находился в пределах 3 тыс. человек. В настоящее время в Финляндии насчитывается около 140 центров для приема беженцев для взрослых и примерно 80 учреждений для детей.

В Норвегии, не входящей в ЕС, в последнее 15 лет преобладала трудовая иммиграция из стран Восточной Европы в результате расширения Европейского союза в 2004 и 2007 годах. В настоящее время польские граждане составляют самую большую группу иммигрантов в Норвегии, за которой следуют выходцы из Литвы, Сомали и Швеции. С 1990 года иммиграция в виде беженцев была на относительно одинаковом уровне – около 5 тыс. человек ежегодно. Война в Сирии привела к тому, что огромное количество лиц, ищущих убежища, приехали в Норвегию летом и осенью 2015 года.

В настоящее время в Норвегии в дополнение к 170 тыс. норвежцев, рожденных от родителей-иммигрантов, насчитывается около 745 тыс. иммигрантов. Это составляет 3% и более 14% населения соответственно. На долю семейной иммиграции прихо-

дится 36%, за ней следуют трудовая иммиграция (33%), беженцы (20%) и миграция в целях получения образования (10%).

Причины, по которым иммигранты и беженцы выбирают именно северные страны, очевидны. Они занимают первые места в рейтинге самых социально развитых стран, что включает в себя критерии основных потребностей, благополучия и возможности развития человека, и входят в число стран с наиболее высоким уровнем жизни. В странах имеются разные категории денежных пособий. Так, пособие по безработице в Швеции составляет около 2,8 тыс. крон.

Иммиграционная политика стран Северной Европы

В Швеции проводится одна из самых либеральных политик в области иммиграции: в середине 2010-х годов положительный ответ на предоставление убежища получало рекордное число заявителей – до 80% (при 44% в среднем по ЕС). В период ожидания решения беженцев размещают в специальных центрах, где им оказывается необходимая помощь: медицинское обслуживание, питание, помощь в приобретении одежды и средств первой необходимости. Обязательно предоставляются услуги переводчика.

Порядок предоставления статуса беженца регламентируется Законом об иностранцах и международными Конвенциями по защите прав и свобод беженцев. Эти законодательные акты определяют критерии отбора, категории лиц и правила предоставления защиты. Иммигрировать в Швецию как беженец может человек, который докажет, что подвергается преследованиям на родине и его возвращение туда представляет реальную угрозу для жизни и здоровья.

Заявление на получение статуса беженца одновременно является просьбой о предоставлении временного вида на жительство (ВНЖ). Если власти не найдут достаточных оснований для предоставления убежища, то принимается решение о депортации. Чаще всего процесс рассмотрения занимает от 6 до 12 месяцев.

ВНЖ в Швеции дает право на пребывание в течение строго определенного времени. Имея шведский вид на жительство, можно пользоваться многими правами и социальными льготами наряду с теми, кто уже имеет гражданство Швеции. С таким

документом даже разрешается проживать на территории одной из стран Евросоюза, но не более чем три месяца. При соблюдении всех правил и законов страны через пять лет можно начинать оформление постоянного вида на жительство (ПМЖ). В некоторых случаях стать постоянным резидентом можно и за более короткое время. Сроки получения ПМЖ в Швеции могут быть совсем разными – они зависят от вида иммиграционного процесса и конкретной программы иммиграции. Сразу получить ПМЖ могут участники программы воссоединения семей. Два года требуется иммигрантам, которые собираются заняться бизнесом, четыре года постоянного проживания нужны для работников по найму, пять лет проживания – для обладателей вида на жительство.

Основная цель миграционной политики Швеции – как можно быстрее предоставить переселенцам доступ к местному рынку труда и интегрировать их. Помочь в этом могут специальные языковые курсы, уроки страноведения, ориентированные на последующую трудовую деятельность, курсы и стажировки. Однако, несмотря на столь активную работу, Швеция уже перестает справляться с проблемами, в частности, такими как: нехватка жилья, усиление нагрузки на небольшие коммуны, рост безработицы среди мигрантов. Чем больше политики стараются интегрировать беженцев, тем серьезнее становится раскол в шведском обществе.

В Швеции существует годовой порог квот для беженцев, возвращение домой которых согласно решению Комиссии ООН по беженцам не предполагается. До 2016 г. эта квота составляла 1700–1900 человек, после 2016 года эта цифра возросла до 5 тыс. человек в год.

Серьезной проблемой для Швеции, как и для многих других стран ЕС, является нелегальная иммиграция (ситуация заметно ухудшилась со вступлением в силу Шенгенского соглашения). Она осложняется еще и тем, что не все прибывающие в страну беженцы имеют с собой документ, удостоверяющий личность, например, в связи с потерей или кражей документа. За четыре года (с 2015 г.) 182 399 беженцев не предоставили паспорт. При этом многие из них получили вид на жительство [6]. Основные страны, из которых в Швецию прибывали беженцы и иммигран-

ты без документов в 2014 году – Афганистан, Ирак, Марокко, Сомали, Эритрея. Ситуация с «легальными» сирийцами в 2014 году улучшилась, так как правительство приняло Закон от 3 сентября 2013 года, согласно которому сирийские беженцы получали ПМЖ в Швеции, чего не сделала ни одна европейская страна.

Масштабы нелегальной миграции достоверно оценить невозможно. Согласно официальным данным правительства Швеции, в стране находятся примерно 54 тыс. нелегальных иммигрантов [17]. Согласно прогнозам, эта цифра в ближайшее время может вырасти до 100 тыс. человек.

Поток беженцев в Швецию уменьшился после введения временного контроля на границе (12 ноября 2015 г.) и требования предъявлять удостоверение личности с фотографией (4 января 2016 г.). Кроме того, шведские власти ужесточили правила приема беженцев, предоставляя им вместо постоянного вида на жительство временный на срок от года до трех лет. Изменения в шведской миграционной политике частично связаны с тем, что большинство стран ЕС не выполнили своих обязательств по приему беженцев.

Задачами миграционной политики Дании стали ужесточение требований к иностранцам и ограничение их количества, а также ускорение темпов интеграции мигрантов, которые уже живут в Дании. Дания является страной с самым жестким законодательством в отношении вновь прибывших. Например, за грубое правонарушение любой иностранец может быть выслан из страны независимо от того, есть ли у него вид на жительство или недвижимость. Проводится политика по снижению притока определенных категорий иностранцев, в основном мигрантов из мусульманских стран. В частности, Дания ужесточает миграционное законодательство и сокращает размер денежных пособий для беженцев, а также высказывает нежелание присоединяться к общеевропейской политике в отношении мигрантов.

Многие мигранты приезжают в Данию, чтобы пользоваться высокими пособиями и перевозить сюда членов своих семей, так как нынешняя обстановка в мусульманских странах оставляет желать лучшего. Однако из-за новых законов им стало труднее получать право на жительство и перевозить членов семей. Был ограничен доступ к щедрой системе социальных льгот, а для стре-

мящихся получить датское гражданство ввели строгие экзамены по языку и культуре. Большинство поступающих мигрантов направляются в небольшие муниципалитеты и сельскую местность. На принимающий муниципалитет возлагается задача обеспечения финансирования программы интеграции, которая включает в себя социализацию и обязательное посещение курсов датского языка. В октябре 2015 года прошла парламентская дискуссия по вопросу о профилактике насилия, связанного с пребыванием в стране большого числа мигрантов, а ситуация в данной сфере тем не менее осталась сложной: на улицах Копенгагена в разы выросло число нищих явно нескандинавской наружности; прибывшие в Данию мусульмане отказывались ассимилироваться и пытались насаждать свои традиции и правила, что временами приводило к ужасающим для датчан последствиям (поджоги кварталов и др.).

Одна из причин недовольства притоком мигрантов – распространение чужой религии на территории Дании. Это подрывает культурный компонент однородного общества, а также является причиной беспорядков в крупных городах. Нарастание антииммигрантских настроений, уже длительное время наблюдающиеся в Дании, с развитием миграционного кризиса приобрело особо крупные масштабы, что заставляет правительство ужесточать миграционное законодательство. В ноябре 2015 года правительство приняло Закон, позволяющий лишать задержанного просителя убежища права на встречу с судьей в течение 72 часов. 26 января 2016 года был принят новый Закон, разрешающий, в частности, изымать у беженцев ценности, оценочная стоимость которых превышает 10 тыс. крон, для пополнения фонда средств, предназначенных на их содержание. Среди остальных одобренных парламентом положений, в частности, увеличение срока ожидания на разрешение воссоединиться с семьей, усложнение процедуры получения постоянного вида на жительство, сокращение пособия беженцам. Сейчас средний срок ожидания получения гражданства в Дании составляет 9 лет. Всего было внесено не менее 67 поправок в датское законодательство, так или иначе ограничивающих права мигрантов. В совокупности эти новые законы и решения сформировали новый, более репрессивный подход к миграции.

Из-за этих изменений у Дании возникли противоречия с рядом статей Европейской конвенции по правам человека, которую подписали 47 стран. Миграционное законодательство активно критикуется европейским сообществом как слишком радикальное, фактически нарушающее права человека.

Финляндия входит в число стран, принимающих беженцев согласно ежегодной национальной квоте. По законодательству страны категорию мигрантов, которым может быть предоставлено убежище в Финляндии, составляют лица, соответствующие критериям Женевской конвенции о предоставлении статуса беженца, а также те, кто покинул свою страну под угрозой смертной казни, негуманного обращения, вследствие военных действий или стихийных бедствий.

8 декабря 2015 года правительство Финляндии представило проект нового миграционного законодательства страны в отношении беженцев. Основные идеи состояли в том, что принимать просителей убежища будут в меньшем количестве, систему их размещения ждет реформирование, а самих беженцев будут перемещать по стране в целях трудоустройства. В рамках новой миграционной политики Финляндии сокращено число регионов, откуда страна будет принимать беженцев.

Финляндия намерена сократить пособия для беженцев, и страна не стремится выглядеть более привлекательным местом для получения убежища, чем остальные европейские страны. В этом отношении наиболее перспективной остается «датская модель», согласно которой власти могут лишить беженцев наличных денег, оставив им социальные льготы и услуги.

Интеграция иммигрантов

Для северных стран интеграция вновь прибывших иностранцев стала серьезным вызовом для всего общества и государственных структур. Конечно, высококвалифицированные иммигранты вносят неоценимый вклад в сферах научной деятельности, производства, медицины, образования и др. Кроме того, в последние годы население стремительно стареет, а поэтому приток новой рабочей силы может дать новый импульс экономике. Структура иммиграции в Швеции свидетельствует о том, что высококвалифицированные специалисты и так называемая

рабочая иммиграция, мотивированная стремлением мигрантов найти работу в результате высокой безработицы у себя в стране, составляют незначительную долю от общего числа прибывших за период с 2014 года. В последние годы лишь 30% беженцев, прошедших программу интеграции, смогли найти работу или продолжить образование. Для многих из них шведский язык является серьезной преградой при поиске работы. Серьезная проблема – низкая квалификация большинства мигрантов. В Швеции наибольшее число иммигрантов первого поколения заняты в социальной сфере и сферах здравоохранения и образования, а также в секторе оптовых и розничных продаж.

В результате многочисленных исследований по изучению кратко- и долгосрочных позитивных и негативных эффектов притока беженцев в страну выявилась неутешительная картина. Выяснилось, что социальные расходы, приходящиеся на беженцев, превышают все допустимые пределы. Так, на помощь беженцам выделяется до 55% всех средств, предназначенных на социальные нужды, причем беженцы составляют лишь 5,1% всего населения. В целом, по оценкам экспертов, около 5,6% всех государственных расходов идут на нужды беженцев. При этом государственная казна получила от тех же беженцев лишь 3,4% от общего объема государственных доходов, поскольку уровень занятости среди них в возрасте от 20 до 59 лет на 20% ниже, чем в среднем по стране, что является следствием плохого знания языка, низкой квалификации, слабой вовлеченности женщин в экономическую жизнь и т.д.

Шведы дают иммигрантам и, в том числе, беженцам свободный доступ к образованию. Беженцы-подростки могут окончить гимназию в Швеции даже в том случае, если им отказано в убежище и по решению службы миграции их должны депортировать. В стране наблюдается нехватка учителей, а также снижение уровня и качества образования [12].

По некоторым оценкам, от 45 до 48% мигрантов трудоспособного возраста в Швеции не работают [19]. В 2014 году безработица среди иммигрантов составляла 16%. Даже для тех мигрантов, которые находятся в Швеции более 15 лет, уровень занятости составляет 60%, что гораздо ниже среднего показателя по ЕС (71,4%) [13]. Заработная плата мигрантов составляет

менее 40% заработка коренных шведов (самый высокий уровень неравенства в оплате труда среди стран Евросоюза).

Быстрый рост миграционных потоков привел к увеличению расходов государства на обустройство новых мигрантов. Если в 2010–2013 годах они составляли около 1 млрд долл. в год, то в 2015 г. – уже 4 млрд долл. В среднем мигрант, зарегистрированный как беженец, получает в месяц пособие, превышающее 700 долл. США [19]. За 2014 год расходы по приему беженцев в Швеции составляли свыше 108 тыс. крон на одного человека, что почти вдвое больше, чем аналогичный показатель в среднем по ЕС, и почти в 10 раз выше суммы, которую тратят на прием одного беженца в Германии (около 10 тыс. крон в 2013 г.). В связи с этим следует ожидать увеличения нагрузки на социальную систему страны и усиления напряженности в обществе.

Кроме того, в 2015 году из общего бюджета помощи развитию на прием беженцев в самой Швеции изъято 22%, что составляет примерно 9 млрд крон, то есть такую большую сумму не досчитаются страны и проекты по всему миру, которым Швеция помогает материально. Согласно интервью министра по вопросам международной помощи Исабеллы Лёвин газете «Свенска дагбладет», этот рост связан с общим увеличением числа беженцев, а также с ростом числа одиноких детей беженцев, что влечет за собой удлинение сроков рассмотрения дел и, как следствие, удорожание процедуры. Влияние имеет также рост расходов, связанных с расселением беженцев, с высокими ценами на жилье для этой группы. Кроме того, 80% мигрантов, приехавших в Швецию без сопровождения родителей, без документов и выдающих себя за несовершеннолетних (несовершеннолетним легче получить вид на жительство), оказались старше 18 лет.

Из бюджета Дании на социальные трансферты беженцам ежегодно выделяется до 28 млрд крон, что составляет до 59% налоговых поступлений, которые тратятся на выплату социальных пособий мигрантам. По подсчетам Министерства финансов, мигранты составляют до 84% адресатов осуществленных социальных выплат. Безработица в Дании в 2017 году составила 6,3%, а среди иммигрантов неевропейского происхождения – 12,5%. Для части иммигрантов отсутствует необходимость работать: статус беженца предполагает получение минимальных социаль-

ных субсидий. Из общего числа мигрантов, прибывших в Данию, 46% составляет экономически неактивное население.

До настоящего момента Дания не отличалась особыми успехами в интеграции беженцев на рынке труда, что подтверждается статистикой. Только 1/3 (32%) беженцев нашли работу после 5 лет пребывания в стране, в то время как в Норвегии этот показатель составляет 56%, а в Германии и Нидерландах – 60 и 51% соответственно. Более того, только 42% датских беженцев смогли найти работу после пребывания в стране в течение 10 лет, а в Норвегии и Швеции – 60 и 51% соответственно. Из беженцев, находящихся в Дании уже 15 лет, только 39% трудоустроены, в Норвегии и Швеции трудоустроены 59 и 61% [15]. Таким образом, до настоящего времени длительность пребывания беженцев на территории Дании незначительно повышает шансы на их трудоустройство в отличие от ситуации в Норвегии и Швеции.

В Дании большинство мигрантов не из стран Запада заняты в сфере обслуживания отелей и ресторанов (15,5%), торговле (13,7%) и транспорте (12,2%). Наибольшее число незападных иммигрантов мужского пола заняты в сферах торговли (13,7%), транспорта (12,2%), гостиничном бизнесе (15,5%) и туризме (11,2%). Среди женщин-иммигрантов из незападных стран около 22% заняты в качестве работников социальных служб, почти 15% – в сфере туризма и 9,6% – в сфере торговли [11, с. 45–46]. Другим показателем эффективности интеграции иммигрантов можно считать количество иммигрантов, получивших гражданство. По этому показателю Дания серьезно уступает Швеции, в частности в 2014 году гражданство получили 8,1% шведских иммигрантов, в Дании меньше 2% стали датскими гражданами [14, с. 53]. В период 2008–2017 годов натурализация была наиболее распространена среди иракцев, турков и афганцев, в частности 10 923 иракца, 6121 афганец и 3845 турок получили датское гражданство. За тот же период только 235 сирийцев стали гражданами Дании [5].

В целом в плане интеграции незападных иммигрантов Дания добилась меньших успехов по сравнению с ее северными соседями – Норвегией и Швецией – несмотря на то, что как в абсолютных числах, так и в процентном отношении Дания имеет меньшее число мигрантов. Относительно успешно на датском рынке тру-

да интегрировались иммигранты из Турции и Пакистана – среди наиболее крупных иммигрантских групп у них наблюдается самый высокий уровень занятости, а 80% дохода составляет либо заработная плата, либо прибыль от собственного бизнеса. Для сравнения: 45% дохода сомалийцев составляют социальные пособия, а на социальном пособии находятся 87% мужчин и 94% женщин, прибывших из Сирии. Ту или иную форму социального пособия в 2016 году получали 122 063 незападных иммигрантов. В то же время около 15% турок и 13% пакистанцев являются самозанятыми. Высока занятость среди западных мигрантов, однако она имеет, как правило, краткосрочный или сезонный характер. Исключение составляют иммигранты из Нидерландов: около 20% ведут бизнес на территории Дании, что является самым высоким показателем самозанятости среди всех групп иммигрантов.

Серьезные проблемы интеграции иммигрантов на рынке труда северных стран подтверждаются и тем, что у Дании, по данным 2015 года, наблюдалась самая большая разница среди стран ЕС в уровне долгосрочной безработицы между пришлым населением (в том числе датчанами, родившимися за границей, но вернувшимися в Данию) и теми, кто родился непосредственно в Дании. Эта разница составляет 14%.

У Дании и Швеции схожие подходы к интеграции, но есть и некоторые особенности. Дания выделяется тем, что имеет наименьший уровень занятости среди иммигрантов из незападных стран – этот показатель равен 54 и 48% среди мужчин и женщин соответственно, в то время как в Швеции – 59 и 51% [8].

В Норвегии зарегистрированная безработица среди иммигрантов более чем в 3 раза выше, чем среди остального населения.

В Финляндии, по данным партии «Истинные финны», общие затраты на иммигрантов обходятся стране в 700 млн евро. Обслуживание одного беженца обходилось государству в среднем в 43 евро в сутки; по другим данным, беженец, прибывший в Финляндию, получает пособие в размере 2 тыс. евро на человека в месяц (а финский безработный получает пособие в размере 800 евро).

Руководство Дании вынуждено учитывать радикализацию общественного мнения и усиление позиций националистических

партий. С 2011 года датское правительство, прежде всего Либерально-консервативная партия, или Венстре, начало открыто сотрудничать с правопопулистской Датской народной партией, что сказалось и на политике правящих сил в отношении миграционного законодательства. Прозвучало предложение об объявлении двухгодичного запрета на новую иммиграцию из стран с мусульманским большинством, хотя запрещать въезд временным визитерам из числа мусульман датчане не собирались. Многие члены других партий в Дании придерживались той же позиции в отношении мигрантов. Последствия либерального отношения к миграции затронут прежде всего государство всеобщего благосостояния и общую солидарность в датском обществе.

Рост числа беженцев и растущие проблемы в связи с их интеграцией привели к росту влияния правых партий в странах Северной Европы. Если на выборах в Фолькетинг в 2001 году Датская народная партия набрала 12% голосов и получила 22 парламентских мандата, то на выборах в парламент в 2015 году партия получила 21,1% голосов и 37 мест в парламенте, став второй партией в Фолькетинге после социал-демократов (47 мандатов). В Финляндии правая партия «Истинные финны» на парламентских выборах 2003 года набрала 1,6%, получив лишь 3 мандата, но на выборах в 2015 года эта партия получила уже 17,4% голосов и 38 мест в парламенте. Норвежская Партия прогресса уже в начале века занимала устойчивую позицию в парламенте (26 мандатов) и по большому счету ее позиции не изменились (27 мандатов по итогам выборов в 2017 г.). Если в начале 2000-х годов партию «Шведские демократы» никто не воспринимал всерьез (на выборах в 2002 г. партия набрала 1,4% голосов и не вошла в парламент), то на выборах в шведский Риксдаг 9 сентября 2018 года она набрала 17,6% и получила 62 парламентских мандата, став третьей по величине партией. Жесткий курс в отношении мигрантов становится хорошим дальнейшим трамплином для правых партий.

По прошествии определенного времени после 2014–2016 гг. проблема мигрантов в странах Северной Европы стала менее острой, а на авансцену внутриполитической жизни стали выходить другие вопросы. Это сказалось на результатах тех партий, которые резко выступали против мигрантов. Так, в Дании на выборах 5 июня 2019 года Датская народная партия потеря-

ла большую часть голосов, а на выборах в Финляндии 14 апреля 2019 года партия «Истинные финны» не смогла увеличить долю поданных за нее голосов.

Литература

1. Волков А.М. Швеция: социально-экономическая модель. – М.: Мысль, 1991. – С. 180.
2. Квашнин Ю., Кузнецов А., Трофимова О., Четверикова А. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – № 1.
3. Asylum and First Time Asylum Applicants by Citizenship, Age and Sex. Annual Aggregated Data (Rounded) / Eurostat, 2016. – URL: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do> (accessed: 05.11.2019).
4. Asylum Decisions. Swedish Migration Agency, 2015. – URL: <http://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Facts-and-statistics-/Statistics.html> (accessed: 05.11.2019).
5. Befolkningens udvikling 2007 / Danmarks statistik. – URL: <https://dst.dk/Site/Dst/Udgifter/GetPubFile.aspx?id=12150&sid=befudvk> (accessed: 04.11.2019).
6. Bisarr statistik från Migrationsverket / Thoralf Alfsson. – URL: <http://thoralf.bloggplatsen.se/2015/03/30/11059737-bisarr-statistik-fran-migrationsverket/> (accessed: 05.11.2019).
7. Eurostat news release 44/2016 of 4 March 2016 on asylum applicants in 2015. – URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7203832/3-04032016-AP-EN.pdf/790eba01-381c-4163-bcd2-a54959b99ed6> (accessed: 05.11.2019).
8. Ikke-vestlige indvandrere på arbejdsmarkedet i Danmark, Norge og Sverige: hvordan klarer Danmark sig? – URL: <https://www.dst.dk/da/Statistik/Analyser/visanalyse?cid=28102> (accessed: 03.11.2019).
9. Indvandrere i Danmark 2010 / Danmarks statistik. – URL: <https://dst.dk/Site/Dst/Udgifter/GetPubFile.aspx?id=14846&sid=indv> (accessed: 03.11.2019).
10. Indvandrere i Danmark 2016 / Danmarks statistik. – URL: <https://www.dst.dk/da/Statistik/Publikationer/VisPub?cid=20704> (accessed: 03.11.2019).
11. Indvandrere i Danmark 2017 / Danmarks statistik. – URL: <https://www.dst.dk/da/Statistik/Publikationer/VisPub?cid=20705> (accessed: 03.11.2019).
12. Invandring påverkar skolresultatet / SVT. – URL: <https://www.svt.se/nyheter/inrikes/invandring-paverkar-skolresultatet> (accessed: 03.11.2019).
13. Migrant Integration Statistics – Employment / Eurostat, 2016. – URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migrant_integration_statistics_-_employment (accessed: 03.11.2019).
14. Migrant Integration 2017 / Eurostat. – URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-statistical-books/-/KS-05-17-100> (accessed: 03.11.2019).
15. Newcomers in the North: Labor Market Integration of Refugees in Northern Europe / Migration Policy Institute. – URL: <https://www.migrationpolicy.org/article/newcomers-north-labor-market-integration-refugees-northern-europe> (accessed: 03.11.2019).
16. SCB Befolkningstatistik. – URL: <http://www.regeringen.se/contentassets/dd303e8dfe24477cbded3eccac15f88e/forskningsrapport-utrikes-fodda-pa-den-svenska-arbetsmarknaden> (accessed: 05.11.2019).
17. Sveriges verkliga befolkningsmängd / Skriftlig fråga till statsråd. – URL: <https://data.riksdagen.se/fil/5E0F4430-10E3-4092-B960-C0DCE4670142> (accessed: 05.11.2019).
18. Sweden and migration. – URL: <https://sweden.se/migration/#2015> (accessed: 03.11.2019).
19. Sweden' Ugly Immigration Problem. The Globe and Mail, 11.09.2015. – URL: <http://www.theglobeandmail.com/opinion/swedens-ugly-immigration-problem/article26338254/> (accessed: 05.11.2019).

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
E-mail: sergej-z71@yandex.ru

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: sergej-z71@yandex.ru

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

CENTRAL ASIA: SPECIFICS OF POLITICAL DEVELOPMENT

Аннотация: распад СССР привел к образованию в Средней, а впоследствии в Центральной Азии пяти новых независимых государств – Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Политическое становление и развитие этих стран проходило в условиях кардинального изменения геополитической ситуации, нарастания экономических проблем и обострения внутренней борьбы, которая развернулась между элитами новых независимых государств. Большое влияние на внутривнутриполитический процесс в каждой из стран оказывало региональное разделение национальной элиты. В Казахстане это – деление на жузы, в Киргизии – на север и юг, в Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане – на региональные кланы.

После распада СССР страны Центральной Азии стремились соответствовать требованиям демократических государств, проводя парламентские и президентские выборы, вводя многопартийность и принцип разделения властей. Формально выполняя многие демократические процедуры, на практике политические элиты стран региона по-прежнему ориентировались на традиционные методы управления, предполагающие достижение компромисса между неформальными группами влияния. Сказывалась многовековая практика, которую не удалось изменить и в советский период. Тогда руководство советских республик сочетало партийно-государственные подходы и регионально-клановые традиции.

В последние годы политическая борьба в странах Центральной Азии вступила в новый этап. В одних странах региона смена власти через выборы президента и парламента не привела к политической стабильности. В других странах Центральной Азии главы государств стали искать «демократические» процедуры, которые лишь формально фиксируют сменяемость руководителей. На практике всё свелось к сохранению у власти прежних элит, для которых на первом месте стоят родоплеменные и регионально-клановые интересы.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, политическое развитие, кланы.

Abstract: the collapse of the USSR resulted in five new independent states in Central Asia – Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan. The political formation and development of these countries took place in a context of fundamental change in the

geopolitical situation, growing economic problems and the deterioration of infighting between the elites in the newly independent states. Regional distinction between the national elite in each of the countries had a great influence on domestic politics. In Kazakhstan, that was a division into zhuzhes, in Kyrgyzstan – into north and south, in Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan – into regional clans.

After the collapse of the USSR, Central Asia states sought to meet the requirements of democratic states by holding parliamentary and presidential elections, introducing a multi-party system and the principle of separation of powers. Formally carrying out many democratic procedures, in reality, the political elites of the countries in the region continued to focus on traditional management, involving a compromise between informal groups of influence. The centuries-old practice that could not be changed even in the Soviet period, affected the situation. At that time, the Soviet republics leadership combined party-state approaches and regional clan traditions.

In recent years, the political struggle in the countries of Central Asia has entered a new stage. In some countries of the region, a change of power through presidential and parliamentary elections did not lead to political stability. In other countries of Central Asia, heads of states started looking for “democratic” procedures that only formally recorded the succession of leaders. In reality, it all resulted in keeping the former elites in power, for which clan-tribal and regional-clan interests come first.

Key words: Central Asia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan, political development, clans.

Введение

Политическая активность в Средней Азии и Казахстане усилилась еще до распада СССР. В конце 80-х годов XX века в советских республиках получили развитие национальные движения. Они выступали за проведение в стране политических и экономических реформ, а также за повышение самостоятельности союзных республик в рамках Советского Союза.

Большое влияние на политическое развитие среднеазиатских республик оказало их нахождение в составе СССР. В период их нахождения в Советском Союзе были сформированы государственные структуры, осуществлен экономический прорыв. Много было сделано для формирования национальной государственности. В то же время в среднеазиатских республиках сложился особый механизм управления. Наряду с партийно-государственными органами руководство использовало традиционные (регионально-клановые) принципы, которые сформировались исторически. Приняв на словах коммунистическую идеологию, руководство республик Средней Азии не в последнюю очередь учитывало межклановую расстановку сил.

Ослабление влияния союзного центра и стремление сохранить власть привели к тактическому альянсу партийно-бюрократического аппарата и представителей националистических

движений. Их взаимодействие позволило усилить давление на Москву, добиваясь расширения полномочий. При этом лозунги о демократизации и необходимости проведения экономических и политических преобразований прикрывали усилившуюся межклановую борьбу, в основе которой лежала борьба за власть.

В целях усиления позиций в отношениях с союзным центром и укрепления собственной власти в среднеазиатских республиках была введена должность президента. В 1990–1991 годах в Казахстане и Киргизии прошли президентские выборы (президент в тот период избирался Верховным советом). Подобные решения стали итогом неформальных договоренностей между основными политическими силами. Другие республики, например Туркменистан, в октябре 1990 года провели прямые всенародные выборы президента. Однако и в первом, и во втором случаях президенты с первых шагов начали вести борьбу с оппозицией. Жесткой линии в отношении оппозиции придерживались, в частности, в Узбекистане и Туркменистане.

Таким образом, элиты республик опирались прежде всего на традиции и исторически сложившиеся механизмы власти. Регионально-клановое деление в бывших республиках, которое не удалось искоренить во времена СССР, стало играть ключевую роль в определении расстановки сил.

Президент становится ключевой фигурой

Внутриполитическая ситуация кардинально изменилась после распада СССР, когда республиканские элиты оказались во главе независимых государств. В результате в странах Центральной Азии (на встрече в 1993 г. лидеры пяти стран региона приняли решение отказаться от термина «Средняя Азия и Казахстан» и использовать понятие «Центральная Азия») началась борьба между парламентом и президентом. Верховные советы, избранные еще в период СССР, в новых политических условиях постепенно уступали место институту президентства. Глава государства становился ключевой фигурой в системе власти, определяя направления внешней политики и оказывая решающее влияние на внутриполитические процессы.

Политическая ситуация в странах Центральной Азии имела значительные отличия. В Казахстане и Киргизии был сохранен политический плюрализм при доминировании президента. В Туркменистане и Узбекистане деятельность парламента ограничили с первых месяцев независимого существования. В 1992 году Верховный Совет Узбекистана принял поправки к Закону о статусе депутата. Согласно документу народный избранник мог быть лишен мандата за антиконституционные действия.

Киргизия внедряла «демократические» принципы: разделение властей, развитие неправительственного сектора. В Таджикистане шла гражданская война. В Конституции Туркменистана был закреплён президентский тип правления. Президент не только являлся главой государства, но и возглавлял исполнительную власть. При этом в Узбекистане и Туркменистане президенты проводили курс, направленный на устранение с политической арены оппозиционных партий [27, с. 62]. Влияние парламента и судебной ветви власти было ограничено.

В Казахстане Президент усиливал свои позиции постепенно. В апреле 1995 года на референдуме были продлены полномочия Президента Казахстана, [9, с. 129] и принята новая Конституция. В результате с повестки дня был снят вопрос о создании парламентской республики [15].

Новая геополитическая ситуация и уход в прошлое советских принципов управления усилили интерес к исторически сложившимся подходам. Например, клановый принцип власти, сохранившийся в советский период, вновь оказался востребован и получил развитие. В итоге традиционно устойчивая структура саморегулирования местных обществ в лице региональных, племенных, родовых, клановых и иных традиционно-общинных связей наложила отпечаток на условия, в которых формировалась внутренняя и внешняя политика стран региона [6, с. 19].

В то же время центрально-азиатские государства стремились соответствовать требованиям, которые выдвигали западные страны. Парламентские и президентские выборы, многопартийность и разделение властей должны были продемонстрировать приверженность западным принципам политического развития. Однако очень скоро выяснилось, что страны Центральной Азии не готовы формировать политические системы по западным об-

разцам [36]. Это было связано с тем, что стандарты, принятые на Западе – проведение выборов, развитие партийной системы, – не соответствовали традиционным азиатским обществам [20]. Несмотря на подобные несоответствия, демократические процедуры и выборы были использованы правящими режимами в качестве одной из форм политической мобилизации [17, с. 331].

Языковая политика: первые результаты

В советских республиках мощным инструментом в борьбе за власть была языковая политика. Во всех странах региона был повышен статус языка титульной нации. В 1989–1990 годах, еще до распада СССР, были приняты законы «О языке» (в Республике Казахстан – в 1989 г., в Киргизской Республике – в 1989 г., в Республике Таджикистан – в 1989 г., в Туркменистане – в 1990 г., в Республике Узбекистан – в 1989 г.). В качестве государственного языка был определен язык титульных наций. Статус русского языка был понижен. Например, в Туркменистане и Таджикистане русский язык получил статус языка межэтнической коммуникации.

В ответ на языковую политику республик в СССР в апреле 1990 года был принят Закон «О языках народов СССР», который определил русский язык в качестве официального языка Советского Союза [3]. Однако принятие данного Закона стало запоздалым шагом.

После распада СССР Узбекистан и Туркменистан стали активно проводить языковую политику. В 1992 году в Туркменистане была принята Конституция, в которой туркменский язык получил статус государственного. Столкнувшись с рядом трудностей при реализации языковой политики, власти скорректировали свои подходы, введя трехязычное образование (на туркменском, английском и русском языках), хотя на практике Туркменистан проводил курс на расширение сферы применения туркменского языка и ограничение сферы использования русского языка. Соответственно, объем преподавания на русском языке, как и на других языках, был сокращен. От государственных служащих требовали владения туркменским языком.

Узбекистан также реализовывал курс на ускоренное внедрение узбекского языка в качестве государственного, проводил

реформирование среднего образование, одной из составляющих которого было расширение применения узбекского языка. Примечательно, что вопрос о русском языке не нашел отражения ни в Конституции 1992 года, ни в принятом ранее Законе о языке, где узбекский язык был объявлен в качестве государственного.

Несмотря на сложности с реализацией языковой политики, страны региона не отказались от попыток усилить позиции языка титульной нации. Это объяснялось востребованностью языковой политики: через нее страны Центральной Азии формировали национальную идентичность, видя в этом возможности реализации внешней политики и формирования внутри страны новой системы ценностей. На повестку дня были вынесены вопросы, касающиеся таких областей, как язык, образование и культура. Населению предлагали новые трактовки исторических событий – шла реконструкция «собственной» истории, которая создавалась под политические цели новой элиты. В каждом из государств Центральной Азии восстанавливали досоветскую «подлинную» идентичность через фольклоризацию, а также с помощью официально утвержденных новых национальных символов на флагах и гербах [18].

Негативное влияние на развитие новых независимых государств оказали разобщенность стран Центральной Азии и сохранение в них клановой структуры, этнических и религиозных различий. Негативную роль сыграло отсутствие национальной целостности, что выразилось в ряде внутренних конфликтов на национальной или религиозной почве, сепаратизме и даже межгосударственных войнах [27, с. 62]. Тем не менее страны Центральной Азии последовательно стремились внедрить новые ценности и идеи, стремясь сформировать нации из своего полиэтнического и поликонфессионального населения [14]. В итоге политика новых государств была направлена на «этническое возрождение», которое должно было вывести представителей титульной нации на ведущие позиции во всех сферах жизни [28].

Усиление роли института президентства

Перераспределение властных полномочий в пользу президента было характерно для стран Центральной Азии. Конституции, принятые в странах региона в первой половине 1990-х го-

дов, наделили президентов широкими полномочиями. При этом парламент занял по отношению к президенту подчиненное положение.

Расширение полномочий президента было направлено на концентрацию власти в одних руках и снижение политического соперничества между ветвями власти. Это касалось прежде всего борьбы между президентом и парламентом. «Победа над парламентом» позволила странам Центральной Азии принять новые конституции, которые дали президентам максимальные полномочия и ограничили полномочия других ветвей власти [30, с. 136]. Например, в Узбекистане влияние оппозиции было сведено к минимуму, а в Казахстане оппозиция и власти мирно «сосуществовали» до середины 1990-х годов. Однако в целом политика, проводимая президентами в странах Центральной Азии, вела к формированию авторитарных тенденций.

Система сдержек и противовесов, получившая развитие в западных государствах, не нашла практического воплощения в центрально-азиатских странах. Сказывалось отсутствие у находящихся у власти элит заинтересованности что-то менять в политической жизни, а также отсутствие устоявшихся механизмов. К тому же архаизация политической системы выдвинула на первый план родоплеменные и регионально-клановые группы. Их интересы реализовывались через механизмы договоренностей внутри кланов и групп. Подавляющее большинство партий формировалось по региональному принципу. Соответственно, политические партии и их деятельность были рассчитаны на стороннего наблюдателя и должны были показывать приверженность стран демократическому развитию. Однако реальный механизм внутривластных договоренностей и решения вопросов находился в неопубликованной сфере.

Усиление президентских позиций в странах Центральной Азии отражало исторически сложившиеся традиции. Глава государства воспринимался населением в качестве лидера нации с неограниченными полномочиями. Данная ситуация отражала особенности развития центрально-азиатских обществ.

Из всех стран Центральной Азии выделялась Киргизия. Отличительной особенностью развития этой страны стало установление парламентской формы правления. По Конституции 1993 года

страна являлась парламентской республикой. В то же время Президент был наделен широкими полномочиями, сосредоточив в своих руках всю полноту власти. Стремление действовать в соответствии с демократическими нормами входило в противоречие с существующими в стране традициями. Сложно было сочетать кланово-земляческие, родовые интересы и парламентские процедуры. Создаваемые в стране партии ориентировались прежде всего на «свой» электорат, проживающий в отдельных регионах страны. Два государственных переворота, которые произошли в стране после обретения независимости, подтвердили неготовность страны развиваться по западным «рецептам». При этом перевороты отражали борьбу между представителями отдельных регионов Киргизии, которые преследовали прежде всего экономические интересы. В итоге после очередной смены власти в 2010 году в Киргизии была создана плохо работающая парламентско-президентская форма правления, которая способствовала дальнейшему регрессу государства [2, с. 28].

Неготовность государств Центральной Азии развиваться по рекомендациям западных стран подтверждали меры, принимаемые президентами стран Центральной Азии для сохранения за собой поста главы государства. Во всех странах Центральной Азии президенты либо продлевали срок своих полномочий, либо меняли законодательство, которое позволяло им избираться неограниченное количество раз. Бессменное правление президентов Казахстана и Узбекистана (с 1990 г.), а также Таджикистана (с середины 1990-х гг.) сыграло положительную роль в переходный период. После распада СССР страны Центральной Азии столкнулись с внутренними и внешними вызовами. Однако впоследствии президенты Центральной Азии не проявляли интереса к сменяемости власти, а вопросы преемственности приобрели особое значение. В результате деградация правовых механизмов привела к укреплению архаичных форм мобилизации и политической активности [34, с. 21].

Тем не менее следует отметить, что некоторые страны Центральной Азии пытались продемонстрировать готовность к внедрению демократических норм. Так, в Казахстане инициатором изменений, направленных на усиление роли парламента, выступил Президент. В 2007 году в Конституцию Казахстана были внесены

поправки, которые повысили роль законодательной ветви власти [35, с. 69].

В целом страны Центральной Азии подходили к демократическим преобразованиям формально. Конституционные изменения имели косметический характер и зачастую были вынужденными шагами. Они не оказывали влияния на отношения исполнительной и законодательной ветвей власти. Президент по-прежнему являлся ключевой фигурой в политической системе, определяя расстановку сил внутри страны. Кроме того, Президент заручался поддержкой населения и политических элит, которые видели в главе государства гаранта стабильности. Наконец, политические режимы в странах Центральной Азии опирались на мощный аппарат безопасности, который позволял сохранять относительную стабильность [8, с. 7].

Во всех странах Центральной Азии борьба между кланами отличалась бескомпромиссностью и шла между элитами, которые в каждом из государств действовали в соответствии с его традициями и историей развития [31]. Так, бывший глава Узбекистана И. Каримов (президент страны в 1991–2016 гг.) после избрания принял меры по устранению региональных и национальных кланов [35], которые играли ключевую роль в политической жизни государства. Продвижение кандидатов на политический или экономический пост определялось его принадлежностью к конкретной группе или клану [32, с. 124].

Национальная идентичность в странах региона

В формировании национальной идентичности страны Центральной Азии шли двумя путями. Так, в сентябре 1993 года в Узбекистане приняли Закон, в котором говорилось, что переход на латиницу должен был завершиться к 2000 году. В 1995 году в Узбекистане была принята новая редакция Закона о языке, который подтвердил статус узбекского языка как государственного, а переход на латиницу был перенесен на 2005 год. Сложности с реализацией языковой политики привели к тому, что в 1998 году русский язык вновь можно было использовать в документах.

Аналогичную языковую политику проводили в Туркменистане. В апреле 1993 года Президент страны издал Указ, который предусматривал переход на латиницу. Реформа должна была завер-

шиться к 1996 году, однако сроки были перенесены на 2000 год. Ускоренная туркменизация привела к ограничению роли русского языка. Это было связано с тем, что после получения независимости Туркменистан придал де-факто более высокий статус своему титульному населению, этническим туркменам и принял методы и практики, продвигающие их специфические интересы [7, с. 41]. Переход на латинскую графику рассматривался в Туркменистане и Узбекистане в качестве шагов, направленных на снижение культурного и образовательного влияния «советского прошлого».

Другим путем пошли Таджикистан, Казахстан и Киргизия. Они в большей мере учитывали многонациональный состав населения и роль русского языка. Эти страны поэтапно реализовывали языковую политику. В августе 1995 года была принята Конституция Республики Казахстан, в которой казахский язык был определен в качестве государственного. В статье 7 отмечалось, что в государственных организациях и органах местного самоуправления наряду с казахским языком употребляется русский язык. В том же году была образована Ассамблея народа Казахстана, призванная решать, в том числе, вопросы языковой политики.

Одновременно Казахстан признавал государствообразующую роль казахского этноса. В Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан, принятой в 1996 году, подчеркивалось, что в основе идентификации Казахстана должна лежать казахская идея [22]. Данная Концепция определила цели государственной политики в области развития языков, одновременно создавая условия для развития казахского языка в качестве государственного [25]. Затем, в июле 1997 года, был принят Закон «О языках в Республике Казахстан», в котором русский язык получил особый статус.

Конституция Таджикистана 1994 года закрепляла в качестве государственного таджикский язык, а русский язык был определен в качестве языка межэтнического общения. Значимым документом стало постановление Правительства Республики Таджикистан от 21 октября 1997 г. № 459 «О программе Правительства Республики Таджикистан по развитию государственного языка и других национальных языков в Республике Таджикистан».

Несмотря на стремление учитывать многонациональный состав, в странах Центральной Азии русский язык утрачивал свои

позиции, заняв второстепенное положение по отношению к государственному языку. Реформы в сфере языка, реализуемые в странах региона, отражали стремление элит формировать национальную идентичность.

Новый вектор языковой политики

В начале XXI века страны региона в языковой политике сделали однозначный выбор, ориентируясь исключительно на интересы титульной нации. Отличия касались темпов реализации языковой политики. Например, в 2000 году, выступая на VII сессии Ассамблеи народов Казахстана, Н. Назарбаев отметил, что культурной общностью всего Казахстана должна стать казахская культура, а позже еще раз подчеркнул консолидирующую роль казахского этноса. Затем, в 2001 году, в Казахстане была принята Государственная программа функционирования и развития языков на 2001–2010 годы. Она была направлена на постепенное расширение сферы применения казахского языка при сужении в публичной сфере русского языка. Власти сделали ставку на казахский язык, на чем настаивали сторонники утверждения казахской идентичности.

В то же время власти не могли игнорировать интересы русскоязычного населения, пытаясь сглаживать остроту вопроса. В октябре 2006 года на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана глава государства выступил с идеей триединства языков. В Послании 2007 года «Новый Казахстан в новом мире» Н. Назарбаев предложил реализовать проект «Триединство языков», который рассматривался в качестве приоритетного направления внутренней политики. В 2012 году Н. Назарбаев вновь акцентировал внимание на вопросах триединства, отметив важность сохранения русского языка [23].

Аналогичный курс проводился в Киргизии. Значимой вехой стало принятие Закона Кыргызской Республики от 29 мая 2000 г. № 52 «Об официальном языке Кыргызской Республики», в котором русский язык получил статус официального. В 2001 году была принята Конституция, которая утвердила статус русского языка в качестве официального. В том же году вышел Указ Президента «О Программе развития государственного языка Кыргызской Республики на 2000–2010 годы», который определил шаги по развитию киргизского языка. Документ предусматривал развитие

киргизского языка, его активное использование во всех сферах жизни общества. Затем, в 2004 году, был принят новый Закон «Об официальном языке Кыргызской Республики», который зафиксировал статус киргизского языка в качестве государственного и русского языка как официального. Данный статус русского языка был подтвержден в Конституции, принятой в 2007 году.

В 2009 году был принят Закон «О государственном языке Республики Таджикистан», в соответствии с которым в документах должен был использоваться только таджикский язык. Подобный подход предопределял особую роль титульного этноса. Ему отводилась ключевая роль, а русский язык терял статус языка межнационального общения. Однако уже в 2011 году в Закон были внесены дополнения, и статус русского языка был восстановлен.

Перед странами Центральной Азии стояла сложная задача. С одной стороны, проводился курс на расширение сферы применения языка титульной нации. С другой стороны, в странах региона ограничивали использование русского языка. При этом язык титульной нации рассматривался в качестве фактора, который должен был сплотить центрально-азиатские общества, а русский язык воспринимался в качестве барьера для дальнейшего утверждения государственности.

Несмотря на поддержку государственного языка со стороны государства, в странах Центральной Азии процесс его освоения шел медленно. Другие этнические группы неохотно осваивали государственные языки центрально-азиатских стран. В речевой практике городского населения по-прежнему доминировал русский язык.

Таким образом, с момента распада СССР политика центрально-азиатских государств была направлена на ограничение пространства использования русского языка. Однако реализация подобных планов сдерживалась внутривнутриполитической ситуацией, а также сохранением зависимости от России, которая влияла на внутривнутриполитические процессы в Центральной Азии. Соответственно, потенциал идентичности по-прежнему выступал как ресурс общественного развития [12]. Тем не менее внедрение в странах СНГ национальных языков в качестве государственных языков потеснило позиции русского языка в сфере делопроизводства, образования, культуры и средств массовой информации. Русский язык, объективно обладая функциональной ролью

языка межнационального общения, был сведен до положения языка национальных меньшинств с ограниченными правами его применения [33, с. 58].

Помимо ограничения возможностей по использованию русского языка ряд стран стремились перейти на латиницу. Большие усилия в этом направлении прилагали Узбекистан и Туркменистан, однако так и не добились каких-либо успехов.

В 2017 году решение о переходе на латиницу принял Казахстан. Однако подобное решение требовало длительного времени и финансовых затрат. Кроме того, это не гарантировало повышение статуса титульного языка. Вытеснение русского языка может в перспективе создать проблемы для казахского языка, включая работу государственных и образовательных учреждений [26, с. 82].

Еще в 2006 году в Казахстане были проведены исследования о возможности осуществления латинизации. Они показали, что переход на латинскую графику может быть осуществлен в течение 15–20 лет [16, с. 137]. В целом латинизация стала политическим шагом, который был направлен на дистанцирование от России. Неслучайно, сторонники латинизации делают упор на том, что переход на латинскую графику уменьшит влияние русского языка и укрепит казахстанскую идентичность.

Таким образом, страны Центральной Азии стремились решить две задачи: сформировать государство, его структуры, отвечающие современным задачам и вызовам, и национальную идентичность. Трудности в реализации данных задач определялись слабостью экономик центрально-азиатских государств, а также стратегией трансформации, придуманной Западом [19, с. 368].

Ставка только на язык титульной нации оказалась несостоятельной. Это подтверждает и возросший в последние годы интерес к изучению русского языка. Кроме того, клановое соперничество остается существенной преградой на пути формирования в Центральной Азии современных национальных государств [21]. В итоге перед странами Центральной Азии по-прежнему остро стоит задача обеспечить формально равные возможности для всех языков, не допуская обострения ситуации в данной сфере, и одновременно совершенствовать механизмы для дальнейшего утверждения положения языка титульной нации.

Новый тренд

В последние годы страны Центральной Азии в политической сфере столкнулись с новыми вызовами. Во всех без исключения странах шел поиск модели передачи власти, который по своей сути не менял бы расстановку сил. Этим активно занимались во всех странах региона.

Так, в Казахстане Президент страны Н. Назарбаев предпринимал шаги, которые сохранили бы его позиции в системе власти и влияние на политическую ситуацию. Подобные изменения позволяли предположить, что «ожидается достаточно гладкий переход на период наблюдаемого транзита, который устроит все политические группы» [11].

В 2015 году в Казахстане прошли досрочные выборы президента, хотя они должны были состояться в 2016 году. На них вновь победил Н. Назарбаев, тем самым сохранив свой пост. Однако Казахстан лихорадило, и этому «уже не мог помешать даже умудренный большим политическим и хозяйственным опытом Нурсултан Абишевич» [10]. Соответственно, к этому времени вопрос о перспективах политического развития стал для Казахстана ключевым [13]. Считается, что катализатором казахстанского варианта власти стала неожиданная кончина в 2016 году первого Президента Узбекистана Ислама Каримова [29].

Ненадежность договоренностей и изобретаемых механизмов передачи власти продемонстрировала Киргизия. В 2017 году Алмазбек Атамбаев, в тот период Президент Киргизии, начал искать кандидата на должность главы государства. Предполагалось реализовать схему «сильный глава правительства – слабый президент». Однако после выборов президента (2017 г.), на которых победил представитель южных регионов страны Сооронбай Жээнбеков, ситуация вышла из-под контроля А. Атамбаева, который представлял север Киргизии. В итоге в Киргизии началась острая борьба между главой государства С. Жээнбековым и бывшим президентом страны А. Атамбаевым, который в перспективе мог составить серьезную конкуренцию на парламентских выборах, которые должны пройти осенью 2020 года.

В этот же период начался активный поиск механизмов «передачи» власти в Казахстане. Наиболее привлекательной оказалась идея повышения статуса Совета Безопасности в системе власти.

Так, законопроект «О Совете Безопасности в Республике Казахстан» предполагал, что данный орган возглавит лично Н. Назарбаев, став его пожизненным руководителем. В итоге в 2018 году был принят Закон «О Совете Безопасности Республики Казахстан». Из консультативно-совещательного органа, возглавляемого Президентом, он превратился в конституционный орган с широкими полномочиями и пожизненным председательством Лидера нации.

Первый президент Казахстана был заинтересован в том, чтобы не допустить обострения политической ситуации в стране. В результате 19 марта 2019 года Н. Назарбаев сложил с себя полномочия главы государства, а Президентом был назначен глава Сената Касым-Жомарт Токаев. Он должен был исполнять обязанности главы государства до апреля 2020 года. Однако уже 9 апреля 2019 года Президент Казахстана К. Токаев объявил о проведении 9 июня внеочередных выборов главы государства, «чтобы снять любую неопределенность» [24]. На выборах президента, которые прошли 9 июня 2019 года, победил К. Токаев. В то же время президентские выборы 2019 года не стали завершением транзита власти. Скорее, это был первый шаг на пути к формированию политической системы в период, когда Н. Назарбаев еще оказывает влияние на ситуацию в стране [4]. Первый президент в статусе Лидера нации и пожизненного председателя Совета Безопасности в известной степени балансирует президентскую власть [1]. Однако в целом после досрочных выборов в Казахстане сложились предпосылки для усиления политической конкуренции между практически равными по своим полномочиям центрами власти.

Изменение роли Совета Безопасности в Казахстане стало, по сути, конституционной реформой. Подобная практика не исключает внесения новых конституционных изменений. Это может нарушить сложившийся баланс сил и привести к конфликтам между ветвями власти в будущем.

Заключение

Парламентские и президентские выборы, которые прошли в странах Центральной Азии в последние годы, не изменили принципы формирования власти. За исключением Киргизии, в которой парламент обладает относительной самостоятельностью

стью и независимостью, в остальных странах Центральной Азии власть по-прежнему сохраняется в руках президента. Более того, при формальном курсе на внедрение демократических процедур руководители стран региона предпринимают меры, которые должны усилить их позиции. В 2020 году Туркменистан начал процесс создания двухпалатного парламента «Национальный совет Туркменистана». Конституционные изменения предполагают, что в случае, если президент не сможет исполнять свои полномочия, то их должен будет исполнять глава верхней палаты – Халк маслахаты (нижняя палата – Меджлис). В феврале 2020 года прошло обсуждение инициативы Президента [5].

Таким образом, существует высокая вероятность, что в ближайшие годы в странах Центральной Азии сохранятся тенденции, когда находящиеся у власти элиты будут стремиться сохранить свою власть либо через продление срока своего пребывания, либо через конституционные механизмы. Это должно обеспечить преемственность кланов и региональных групп. В этом случае возможна ситуация, когда при формальной сменяемости во власти будет находиться «коллективный» президент. Парламентские и президентские выборы по-прежнему будут использоваться исключительно в целях легитимизации власти и демонстрации Западу своей приверженности демократическим процедурам.

Литература

1. *Абишев Г.* Нынешний состав казахстанского парламента устарел – место должны занять одномандатники. – 2019. – 14 июля. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/gaziz-abishev/nyneshniy-sostav-kazakhstanskogo-parlamenta-ustarel-ikh-mesto-dolzhy-zanyat-odnomandatniki/> (дата обращения: 12.08.2019).
2. *Александров Д.А., Ипполитов И.В., Попов С.Д.* «Мягкая сила» как инструмент американской политики в Центральной Азии // *Центральная Азия: проблемы и перспективы* (взгляд из России и Китая). – М.: РИСИ, 2013. – С. 62–80.
3. *Арутюнова М.А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // *Вестник Московского университета*. – Серия: Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 1. – С. 155–178.
4. *Байсалов Э.* Центральная Азия – 2020: тенденции и вызовы. – 2020. – 8 янв. – URL: <https://cabar.asia/ru/tsentralnaya-aziya-2020-tendentsii-i-vyzovy/> (дата обращения: 23.01.2020).
5. Бердымухамедов встретился с депутатами для обсуждения создания двухпалатного парламента. – 2020. – 12 февр. – URL: <https://www.hronikatm.com/2020/02/with-nation/> (дата обращения: 17.02.2020).
6. *Богатуров А.Д., Дундич А.С., Коргун В.Г.* и др. *Международные отношения в Центральной Азии: события и документы*. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 549 с.
7. *Бор А.* *Туркменистан: власть, политика и петро-авторитаризм*. – Лондон: Королевский ин-т междунар. отношений, 2016.

8. *Васильев А.М.* Россия и Центральная Азия // Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 5–35.
9. *Джангужин Р.Н.* Казахстан постсоветский / Ин-т мировой экономики и международных отношений НАН Украины. – Киев, 2002. – 481 с.
10. *Джорбенадзе И.* Чего испугался Назарбаев. – 2019. – 4 марта. – URL: <http://www.rosbalt.ru/world/2019/03/04/1767411.html> (дата обращения: 07.08.2019).
11. *Иванов-Вайскопф А.* Президентские выборы в Казахстане: пока тихо, но... // Курсив. – 2019. – 4 апр. – С. 1–2.
12. Идентичность: личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семеновко; ИМЭМО РАН. – Энциклопед. изд. – М.: Весь мир, 2017. – 992 с.
13. Интеграционные проекты в Евразии: проблемы социально-экономического развития / отв. ред. Б.К. Султанов, К. Кайзер. – Алматы: Исслед. ин-т междунар. и регион. сотрудничества Казахстанско-Немецкого ун-та, 2016. – 248 с.
14. *Кадыржанов Р.К.* Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / под общ. ред. З.К. Шаукеновой; Мин-во образования и науки Казахстана. – Алматы: Ин-т философии, политологии и регионоведения, 2014. – 168 с.
15. *Карсаков М.* Особенности трансформации политической системы Казахстана в конце 80-х – середине 90-х годов // Центральная Азия. – 1998. – № 14. – С. 34–56.
16. *Келльнер-Хайнкеле Б., Ландау Я.* Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. – М.: Центр книги Рудомино, 2015. – 317 с. *Куртов А.* Демократия выборов в Казахстане: авторитарная трансформация. – М.: АСТИ-ИЗДАТ, 2001. – 368 с.
17. *Ларюэль М.* Внешняя политика и идентичность в Центральной Азии // Pro et Contra. – 2013. – № 1. – С. 16–20.
18. *Линке П., Наумкин В.* Политический процесс в Центральной Азии: результаты, проблемы, перспективы. – М.: ИВ РАН, 2011. – 406 с.
19. *Лузанова Е.* Международный семинар «Политическое развитие Центральной Азии и Центральной Европы: сходство, различия, пути сотрудничества» // Центральная Азия. – 1997. – № 10. – С. 7–25.
20. *Малышева Д.Б.* Парадоксы национальной идеи и проблемы становления государственности в постсоветском пространстве // МЭМО. – 1998. – № 11. – С. 151–155.
21. *Омельченко Е.Е.* Процессы нациестроительства и формирования идентичности на постсоветском пространстве (Казахстан, Узбекистан, Белоруссия) // Казахстан-Спектр. – 2010. – № 1. – С. 30–43.
22. *Петренко О.* Постепенно казахский язык в Казахстане будет главным, но терять русский язык нам нельзя – Н. Назарбаев. – URL: <http://www.zakon.kz/4528326-postепенно-kazakhskij-jazyk-v.html> (дата обращения: 10.11.2017).
23. Проведение внеочередных выборов Президента Республики Казахстан: полный текст обращения Касым-Жомарта Токаева. – 2019. – 9 апр. – URL: <https://www.kazpravda.kz/news/prezident2/provedenie-vneocherednih-viborov-prezidenta-rk-polnii-tekst-obrashcheniya-kasim-zhomarta-tokaeva> (дата обращения: 12.08.2019).
24. Распоряжение Президента Республики Казахстан от 04.11.1996 № 3186 «О Концепции языковой политики Республики Казахстан». – URL: http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemas/dok_pegfto.htm (дата обращения: 05.12.2017).
25. Регулирование этнополитической конфликтности и поддержка гражданского согласия в условиях культурного разнообразия: модели, подходы, практики: аналитический доклад / отв. ред. И.С. Семеновко. – М.: ИМЭМО РАН, 2017. – 229 с.
26. *Сейлеханов Е.Т.* Политическая система Республики Казахстан: опыт развития и перспективы. – Алматы: КИСИ при Президенте Республики Казахстан, 2009. – 296 с.
27. *Старчак М.В.* Образование на русском языке в государствах Центральной Азии – членах СНГ: проблемы и пути решения // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – № 3. – С. 52–65.
28. *Сулеев Д.* Вызовы для Казахстана в 2020-м. – 2020. – 13 янв. – URL: <https://platon.asia/obshchestvo/vyzovy-dlya-kazakhstana-v-2020-m> (дата обращения: 14.02.2020).
29. *Фурман Д.Е.* Эволюция политических систем стран СНГ // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком / под ред. Н.П. Шмелева, В.А. Гусейнова, А.Д. Язьковой. – М.: Граница, 2006. – 216 с.

30. *Хадыров Р.Ю.* Особенности политической системы Таджикистана // Проблемы постсоветского пространства. – Post-soviet Issues. – 2016. – № 2. – С. 104–111.
31. *Хадыров Р.Ю.* Роль кланов во внутренней политике Таджикистана. Актуальные проблемы развития постсоветского пространства: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 2 апреля 2015 г.). – М.: МГОУ, 2015. – С. 124–129.
32. *Хоперская Л.* Нетитульная судьба: российские соотечественники в Центральной Азии. – М.: Моск. бюро по правам человека : Akademia, 2013. – 311 с.
33. Центральная Азия сегодня: вызовы и угрозы / под общ. ред. К.Л. Сыроежкина. – Алматы: КИСИ, 2011. – 456 с.
34. Центральная Азия: 1991–2009 гг.: монография / под ред. Б.К. Султанова. – Алматы: КИСИ, 2010. – С. 69–199.
35. *Zhil'tsov S.S.* Political Processes in Central Asia: Peculiarities, Problems, Prospects // Central Asia and the Caucasus. – Т.17. – 2016. – No. 1. – P. 21–29.

Прозорова Галина Константиновна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: prozpocht@yandex.ru

Galina K. Prozorova,

PhD in Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: prozpocht@yandex.ru

**«ПЕРИФЕРИЙНАЯ СТРАТЕГИЯ» ИЗРАИЛЯ:
СОВРЕМЕННОЕ ВИДЕНИЕ****“PERIPHERAL STRATEGY” OF ISRAEL:
MODERN VISION**

Аннотация: «Периферийная стратегия» как одно из направлений внешней политики Израиля, направленное изначально на преодоление региональной изоляции, претерпела заметную эволюцию в начале XXI века. Базируясь на переосмыслении вызовов и угроз национальной безопасности страны, «новая периферийная стратегия» расширяет понятие «периферия». Наряду с традиционными направлениями – выстраиванием союзнических отношений с неарабскими государствами, использованием этноконфессиональных меньшинств в «недружественных» странах – Израиль в настоящее время активно работает на центрально-азиатском и восточно-средиземноморском направлениях. Обновляются поставленные перед этой стратегией задачи, а также инструменты их достижения.

Ключевые слова: «периферийная стратегия», новые вызовы и угрозы безопасности, «защитный пояс», экономические инструменты, этноконфессиональные меньшинства, мусульманские страны, Центральная Азия, Восточное Средиземноморье.

Abstract: “Peripheral strategy” as one of the directions of Israel’s foreign policy, aimed initially at overcoming the regional isolation, has undergone a noticeable evolution at the beginning of XXI century. Based on a rethinking of the challenges and threats to the national security of the country, the “new peripheral strategy” expands the concept of “periphery”. Along with the traditional directions – building allied relations with non-Arab States, the use of ethnic and religious minorities in “unfriendly” countries – Israel is currently developing its activity in the Central Asian and Eastern Mediterranean. The tasks assigned to this strategy, as well as the tools to achieve them, are updated.

Key words: “peripheral strategy”, new security challenges and threats, “protective belt”, economic instruments, ethno-confessional minorities, Muslim countries, Central Asia, Eastern Mediterranean.

Одно из направлений внешней политики Израиля, заявленное еще первым премьер-министром Израиля Д. Бен-Гурионом,

получило название «периферийной стратегии»¹. Целями этого рассчитанного на длительную перспективу курса были: преодоление региональной политической и дипломатической изоляции Израиля, в которой он оказался после войны 1948 года, его международная легитимация через налаживание сотрудничества с региональными неарабскими, прежде всего мусульманскими, государствами на «окраине» Ближнего Востока, а также расширение самих арабских государств изнутри через поддержку этнических и конфессиональных меньшинств. Динамика реализации прагматичной «периферийной стратегии» во многом зависела от состояния и изменений в мировом и региональном балансе сил.

С 1950-х до конца 1970-х годов, в разгар «холодной войны», реализация «периферийной стратегии» характеризовалась прежде всего установлением стратегического партнерства с шахским Ираном и кемалистской Турцией, а также развитием отношений с Эфиопией, где немалую часть населения составляли мусульмане. «Периферийный альянс» с Турцией и Ираном реализовывался при прямой поддержке США и концентрировался в области безопасности. При этом Турция не афишировала свое сотрудничество с Израилем, поскольку в условиях арабо-израильского конфликта турецкое руководство стремилось «сохранить лицо» в арабо-мусульманском мире. В эти годы Израиль активно налаживал также отношения с молодыми государствами Африки. С 1956 по 1970 год дипломатические отношения были установлены с более чем 30 странами континента.

Параллельно Израиль работал над установлением связей с такими этническими меньшинствами, как друзы и марониты в Ливане, курды на севере Ирака, христиане Судана. Так, в 1960-е годы Израиль в сотрудничестве с Ираном активно оказывал поддержку иракским курдам в качестве эффективного рычага давления на Ирак, рассматриваемый в те годы непосредственной угрозой как для Израиля, так и для Ирана. Занятость иракских войск подавлением выступлений курдов на севере страны действительно помешала участию Ирака в арабо-израильской войне 1973 года. В 1980 году бывший тогда премьер-

¹ В официальных документах Израиля нет такого термина. Он используется в аналитических материалах, в том числе в следующих вариантах: «периферийная политика», «политика периферийных альянсов».

министром Израиля М. Бегин впервые официально признал, что в 1965–1975 годах Израиль оказывал поддержку иракским курдам, обеспечивая их оружием и предоставляя советников по финансовым и военным вопросам. Следует отметить, что попутно Израиль решал также задачи еврейской эмиграции – в июле–октябре 1970 года несколько тысяч евреев были эвакуированы в Израиль через иракский Курдистан. В ходе гражданской войны 1955–1972 годов в Судане Израиль поставлял оружие «Освободительному движению Южного Судана» через Эфиопию и Уганду, тренировал и обучал его бойцов, оказывал политическую и финансовую помощь.

Реализация «периферийной политики» была далеко не триумфальной. Спадом были отмечены 1970-е годы, когда негативное влияние арабо-израильских войн 1967 и 1973 годов отразилось на международной репутации Израиля. После арабо-израильской войны 1973 года и введения арабскими странами нефтяного эмбарго большинство африканских государств разорвало дипломатические отношения с Израилем в соответствии с решением Организации африканского единства. Это не значит, что все контакты были оборваны. На это указывает тот факт, что в 1976 году Кения, традиционный союзник Израиля в Африке, послужила перевалочной базой израильского десанта на его пути в Уганду, куда палестинские террористы угнали самолет с заложниками. Негативно сказались на отношениях с африканскими странами и сотрудничество Израиля с режимом апартеида в ЮАР. Примечательно, что в 2017 году премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху выразил сожаление о сотрудничестве Израиля с «режимом апартеида» в те годы. В условиях резкого удорожания нефти и усиления зависимости Турции от ее поставок из арабских стран наметилось свертывание связей этой страны с Израилем. В 1974 году произошла смена режима в Эфиопии, что сразу же отразилось на ее отношениях с Израилем. А после подписания в 1975 году ирано-иракского договора была свернута поддержка иракских курдов – Израилю пришлось эвакуировать из Иракского Курдистана всех военных и гражданских советников.

Однако самый серьезный удар по «периферийной стратегии» нанесла исламская революция в Иране в 1979 году, что

превращало ранее дружественную «периферию» в потенциального противника. Уже в 1981 году А. Шарон, бывший тогда министром обороны Израиля, указал на угрозу безопасности Израиля со стороны Ирана, что не могло не внести изменений в реализацию «периферийной стратегии», сохраняя концепцию в целом.

1990-е годы стали периодом в целом благоприятного для Израиля международного климата в связи с подвижками в урегулировании арабо-израильского конфликта и началом мирного процесса. Он был использован для восстановления израильских позиций на международной арене, постепенно снизив тем самым значимость «периферийной стратегии». Так, к концу 1990-х годов Израиль восстановил и имел полные дипломатические отношения с 40 африканскими странами к югу от Сахары. Постепенное потепление в израильско-турецких отношениях, начиная с 1980-х годов, приобрело в 1990-е годы качественно новый уровень официального взаимодействия – стратегического партнерства. Между двумя странами были подписаны многочисленные соглашения о сотрудничестве в разведывательной, военной и гражданской областях, в борьбе с терроризмом. Израиль заговорил об отношениях с Турцией как возможной модели отношений Израиля с мусульманскими государствами. Важную роль в этом сыграло официальное изменение позиции Израиля по курдской проблеме в Турции. В мае 1997 года премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху фактически осудил курдский сепаратизм, заявив, что «Турция страдает от террористических атак РПК [Рабочая партия Курдистана. – *Примеч. ред.*], и мы не видим разницы между терроризмом РПК и тем, с чем сталкивается сам Израиль», подчеркнув при этом, что мир между Сирией и Израилем не может быть заключен, пока Дамаск не прекратит свою поддержку РПК [5]. Была оказана и практическая поддержка – израильская разведка содействовала в установлении местонахождения и захвате лидера РПК А. Оджалана. В целом отношение к курдскому вопросу в рамках «периферийной стратегии» неоднократно корректировалось с учетом позиции арабских государств, Ирана, Турции, США, при этом Израиль балансировал между различными центрами силы, реализуя свои задачи. Так, иракские курды были поддер-

жаны во время операции США и международной коалиции против Ирака в 1991 году. Курдские районы Ирака использовались «Моссад» и ЦРУ для работы против Ирана.

Оценивая «периферийную стратегию» Израиля конца XX века, и российские, и израильские эксперты полагают, что в целом она была успешной и ее преимущества явно перевешивали издержки [см.: **4; 14**].

К началу XXI века нарастающие изменения международной и региональной обстановки требовали нового осмысления внешней политики Израиля, вызовов и угроз национальной безопасности страны и концептуального пересмотра самого понятия «периферия».

На фоне пробуксовки процесса мирного урегулирования ближневосточного конфликта Иран, а затем и Турция после прихода к власти в стране в 2002 году Партии справедливости и развития стали актуализировать палестинскую проблему и резко критиковать Израиль. К началу же второго десятилетия XXI века региональный ландшафт стал меняться лавинообразно: «арабская весна», кризисы и войны в ряде арабских стран, усиление регионального веса Ирана и обострение противостояния Израиля и Ирана в Сирии, активизация ХАМАС и «Хезболлы», взлет радикального исламизма и его террористической активности на Ближнем Востоке и в Африке. К этому добавляется такой существенный сдвиг на ближневосточной стратегической сцене, как желание США свернуть или уменьшить свое прямое присутствие в регионе, и возвращение на Ближний Восток России. Бывший руководитель «Моссад» Э. Халеви полагает, что с учетом того, что Россия останется в Сирии надолго, «для самосохранения Израиль не должен поворачиваться спиной к Москве». Принимая во внимание неполное совпадение интересов Российской Федерации и Ирана, выход США из ядерного соглашения с Ираном (Совместный всеобъемлющий план действий по иранской ядерной программе (СВПД)), перенос американского посольства в Иерусалим, от Израиля потребуется «деликатное микроуправление и принятие рисков» [**12**].

Уже в 2009 году Израиль заявил о многовекторной внешней политике, в которой всё более активно продвигались такие на-

правления, как латиноамериканское¹, азиатское², восточно-европейское и балтийское³. Б. Нетаньяху в сентябре 2017 года поставил в один ряд все региональные направления внешней политики Израиля, расценив латиноамериканское направление как «в принципе повторение того, что мы делаем в Азии, Африке, Австралии, Восточной Европе, в странах Восточного Средиземноморья, по сути, всех частей света» [3].

Эта политика служит решению важнейших для Израиля на тот момент внешнеполитических стратегических целей:

- одолеть «исламистские тоталитарные силы», к которым израильские эксперты относят три конфликтующие друг с другом ветви: «Иран с его “прокси” от Ливана до Йемена», «салафитский джихадизм» во главе с ИГ⁴ и «Братьев-мусульман» и их союзников – Катар и эрдогановскую Турцию» [13, с. 13];

- нейтрализовать Иран, его региональных союзников, не допустить распространения влияния Ирана в регионе и мире;

- сдержать Турцию, побудить ее наладить политические отношения с Израилем и утвердить ориентацию на США и НАТО;

- вывести Ближневосточный мирный процесс из центра внимания международного сообщества и сместить фокус международной повестки с арабо-израильского конфликта на другие проблемы;

¹ В мае 2014 года Правительство Израиля утвердило план развития экономических и коммерческих связей с государствами Латинской Америки. В сентябре 2017 года премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху побывал с визитом в Аргентине, Колумбии, Мексике и Парагвае. В 2017 году Израиль подписал совместную декларацию о взаимодействии в области инноваций, кибербезопасности и использования водных ресурсов с Организацией американских государств. Крайне важно для Израиля, что по примеру США Гватемала перенесла свое посольство в Иерусалим, а о намерении сделать это, как сообщалось, заявили Гондурас и Президент Бразилии.

² На азиатском направлении значительно продвинулось торгово-экономическое сотрудничество Израиля с Индией, рассматриваемое, в том числе, и как противовес Пакистану, с которым Израилю пока не удается наладить отношения. Важными сферами сотрудничества являются оборона (Израиль занял 2-е место в списке экспортеров вооружения для Индии после России), энергетика и кибербезопасность. Развиваются отношения с Китаем. Пока не наблюдаются существенных подвижек в отношениях Израиля с одним из самых крупных мусульманских государств – Пакистаном, но усилия израильтян на этом направлении не прекращаются и поддерживаются американцами.

³ Оба эти направления важны для Израиля для создания политического рычага для противостояния политике ЕС в вопросах, связанных с арабо-израильским конфликтом. Прилагаются усилия для укрепления отношений с таким объединением центрально-европейских государств, как форум «Вышеград», в состав которого входят Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, и со странами Балтии, объединенными в блок, называемый «В-3».

⁴ Организация, запрещенная в Российской Федерации.

– способствовать развитию «экономического тыла» Израиля¹.

Задаваясь вопросом, оставляет ли многовекторная политика место для «периферийной стратегии», Э. Халеви полагает, что прежнее понимание «периферии» устарело, поскольку «два из семи воевавших с Израилем арабских государств подписали с ним мирные договоры, Ирак, Сирия и Ливан стали “несостоявшимися государствами”, в то время как остальные (Йемен, Судан и Саудовская Аравия) сегодня не представляют военной значимости с точки зрения угрозы Израилю» [12]. Однако в изменившихся условиях предлагается более широкая трактовка «доктрины периферийных союзов», нацеленная на расширение стратегического партнерства с государствами, являющимися центрами силы в своих регионах и субрегионах и занимающими в целом индифферентную позицию по палестинской проблеме. Близко к такому подходу и мнение, высказанное в блогосфере, что Израиль никогда не отворачивался от «стратегии периферии», и речь идет о том, чтобы «добавить новых игроков в это уравнение» [15]. Аналитическое выделение «новой периферийной политики» Израиля, отражающей опасения, что страну вновь окружает кольцо враждебности, полагают обоснованным и российские эксперты [4].

«Новая периферийная политика» расширяет понятие «периферия» сообразно региональным угрозам, обновляет поставленные перед ней задачи, а также инструменты их достижения.

В обновленном виде эта стратегия направлена, как представляется, на то, чтобы:

– «окружить» дружественными или нейтральными государствами Иран, рассматриваемый «экзистенциальной» угрозой безопасности Израиля, а также в разной степени «проблемные» государства, такие как Ирак, Сирия, Ливан, Турция, создать широкий «защитный пояс»;

– добиваться признания Израиля мусульманскими государствами и развенчать восприятие ими Израиля как «антимусульманского образования»;

– увеличить уровень поддержки Израиля в международных организациях, прежде всего по палестинскому вопросу, сорвать

¹ Сотрудничающие с Израилем страны являются для него объектами капиталовложений в стратегические отрасли экономики и инфраструктуру, поставщиками энергоносителей, потенциальными покупателями израильского оружия, источниками сырья для израильской промышленности.

попытки его делегитимации на международной арене, продвигать признание Иерусалима столицей Израиля¹;

– продолжать поддерживать этноконфессиональный сепаратизм во враждебных Израилю государствах;

– создавать новые геополитические контуры с иной, неарабской и немусульманской, идентичностью с участием Израиля.

На базе существенного роста экономического и военного потенциала Израиля расширился спектр инструментов проведения «новой периферийной политики». Удельный вес экономической составляющей «новой периферийной политики» является гораздо более существенным, нежели это было в ее классической версии. Израиль использует такие достигнутые преимущества, как высокотехнологичный военно-оборонный комплекс², овладение новейшими технологиями ведения сельского хозяйства и водопользования, достижения в медицине, фармакологии, что представляет интерес для многих сотрудничающих с ним стран.

Израиль целенаправленно поддерживает репутацию небольшого, но сильного государства, обладающего мощным оборонным потенциалом и создавшего надежную систему собственной безопасности, что делает его примером развития для немалого числа стран.

Беспроектной картой израильской внешней политики выступает опыт противодействия терроризму. Израильские методы в этой области востребованы всё более широким кругом стран.

В качестве инструмента влияния используется наличие в Израиле еврейских этнических общин, сохраняющих связи со странами исхода³, и наличие еврейских общин в ряде стран Азии и Африки.

По мнению палестинского аналитика Р. Баруда, всё большему проникновению Израиля в мусульманские страны Африки способствует прежде всего статус ближайшего союзника США, по его

¹ В Израиле с большим вниманием анализируют итоги и динамику голосований в ООН как по резолюциям его осуждающим, так и по резолюциям, предлагаемым им самим.

² В Израиле сформировался военно-промышленный комплекс, который не только располагает современной научно-исследовательской и высокотехнологичной производственной базой, но и является основой израильской экономики. Израиль является одним из мировых лидеров в ракетостроении, развитии спутниковых технологий, производстве боевых дронов самого широкого спектра применения; он одним из первых приступил к широкой компьютеризации армии на всех уровнях. Характерной особенностью военной промышленности является ее экспортная направленность.

³ Эксперты отмечают, в частности, что община курдских евреев в Израиле всегда играла важную роль в политике страны на курдском направлении.

выражению, «Чад и Мали прокладывают дорогу не в Тель-Авив, а в Вашингтон» [11].

В контексте расширения «новой периферии», что отмечает в своей книге израильский аналитик Й. Альфер [15], корректируются традиционные направления «периферийной стратегии», включаются такие новые, как центрально-азиатское¹ и восточно-средиземноморское. Одновременно она продолжает включать африканское направление и использование этноконфессиональных меньшинств в «недружественных» странах, прежде всего курдов на иракском, иранском и, сообразно обстановке, сирийском и турецком направлениях.

На этноконфессиональном направлении с созданием Курдского автономного района (КАР) на севере Ирака после войны 2003 года Израиль приступил к оказанию экономической и политической поддержки автономии. Израильская пресса сообщала, что по соглашению с курдским руководством в Северном Ираке работали частные израильские компании, занимающиеся подготовкой курдских подразделений по борьбе с терроризмом. Осуществлялись поставки военного снаряжения, сельскохозяйственной техники и телекоммуникационного оборудования. Израильские компании вкладывают значительные средства в сферу энергетики, строительства, связи и безопасности. Израиль стал единственной страной мира, открыто поддержавшей референдум о независимости Иракского Курдистана с явной антииранской составляющей. И хотя референдум, состоявшийся 25 сентября 2017 года, не увенчался успехом и не принес Израилю заметной выгоды, курдская проблематика не снимается, а подвергается тонкой корректировке. Сирийские, иракские и иранские курды продолжают рассматриваться как потенциальные союзники, при этом осознается риск, что открытая их поддержка даст повод обвинять Израиль в дестабилизации региона. Так, о возможности обратить внимание на сирийских курдов осенью 2017 года писали эксперты Центра стратегических исследований. А после заявления Д. Трампа в декабре 2018 года о выводе войск из Сирии Израиль официально поддержал сирийских курдов, опасаясь усиления позиций Турции и Ирана. Публиковались сообщения и о том, что рассматривалась возможность поддержки сирийских друзей для противодействия Ирану и «Хезболле» [9].

¹ Политика Израиля в Центральной Азии подробно рассматривается в статьях К. Баучека и Ю.И. Костенко.

Заметно активизировалась политика Израиля на африканском направлении¹. Совместно с США Израиль включился в «большую африканскую игру», противодействуя Ирану и Китаю и на политическом, и на экономическом поле. Налаживание отношений с африканскими странами помогает Израилю противостоять интересам Ирана, особенно в восточной части Африканского континента. Заинтересован Израиль и в противостоянии исламистскому терроризму, набравшему силу на этом континенте, учитывая логистику поставок оружия в сектор Газа и на Синай². По-прежнему голоса африканских стран важны для Израиля в международных организациях, прежде всего в ООН.

Особое внимание Израиля обращено на Восточную Африку, где налажены тесные контакты с Угандой, Кенией, Руандой, Эфиопией, и Эритреей. Летом 2016 года глава правительства Израиля посетил четыре христианские страны Восточной Африки – Уганду, Кению, Руанду и Эфиопию. В Эритрее на двух островах архипелага Дахлак (Фатма и Дахлак-Кебир), расположенного в Красном море, создана крупнейшая база ВМС Израиля за пределами его территории как плацдарм для нанесения ударов по объектам ядерной программы Ирана. На Дахлаке была развернута также израильская радиолокационная станция для слежения за территорией Судана и акваторией Красного моря [7].

Площадкой противостояния Израиля и Ирана стали Судан и Южный Судан. С момента провозглашения независимости Южного Судана в 2011 году Израиль стал главным партнером молодого государства, в том числе в подготовке и оснащении южносуданской армии. Южный Судан представляет для Израиля значительный интерес благодаря своему соседству с Суданом, где в последние годы усилилось влияние Ирана. Еще одним мотивом Израиля являлось стремление перекрыть пути доставки оружия для палестинских боевиков движения ХАМАС и группировки «Исламский джихад».

Израиль умножил свои усилия для закрепления и на западной части континента, что способно открыть перед ним колоссальный экспортный рынок. Так, крупнейшим торговым партнером

¹ Сообщалось даже о попытках Израиля получить статус наблюдателя в Африканском союзе.

² По публикуемым данным, через район Африканского Рога идет основной поток оружия и боеприпасов на Синайский полуостров, а затем – в сектор Газа.

Израиля на континенте является Нигерия, которая производит многомиллионные закупки израильского оружия и разведывательного оборудования и в которой действуют более 50 израильских компаний. В июне 2017 года в ходе визита Б. Нетаньяху в Либерию он выступил на саммите Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС)¹, став единственным нерегиональным участником.

Наиболее актуальным направлением сотрудничества с государствами Африки являются вопросы безопасности. По имеющимся оценкам, Израиль осуществляет поставки вооружений в Нигерию, Кению, Уганду, Эфиопию, Анголу, Кот д'Ивуар и Эритрею. В 2010 году Израиль и Кения заключили Меморандум об оборонном сотрудничестве.

Расчет Израиля на дипломатическую поддержку со стороны африканских стран оправдывается далеко не всегда. Так, Ангола, подписавшая с Израилем в 2012 году соглашение об укреплении двусторонних отношений, в декабре 2016 года, будучи непостоянным членом Совета Безопасности ООН, проголосовала за резолюцию 2334, осуждающую поселенческую политику Израиля на Западном берегу р. Иордан. Тем не менее возможно усиление поддержки Израиля отдельными африканскими странами в свете ближневосточного курса, проводимого администрацией Д. Трампа. Примером тому служит позиция Замбии, которая направила своего официального представителя на церемонию открытия посольства США в Иерусалиме. В июне 2018 года она же стала одним из четырех африканских государств, представители которых проголосовали в ООН против предложения арабских государств заблокировать предложенную США резолюцию, осуждающую ХАМАС за массовые беспорядки в секторе Газа [9].

Особую важность представляет для Израиля установление отношений с мусульманскими государствами Африки. Знаковыми в этом отношении стали официальный визит Президента Чада И. Деби в Израиль в ноябре 2018 года и ответный визит Б. Нетаньяху в январе 2019 года. Было объявлено о возобновлении дипломатических отношений между Израилем и являющимся членом Организации исламского сотрудничества Чадом, где более по-

¹ В него входят 15 государств с населением свыше 350 млн человек: Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Кот д'Ивуар, Кабо-Верде, Либерия, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра Леоне, Того.

ловины населения исповедуют ислам. Сообщалось о готовности Мали, другой мусульманской страны, к нормализации отношений с Израилем, что вызвало тревожную реакцию в арабском мире. Палестинский аналитик Р. Баруд констатирует: «К сожалению для палестинцев, новая стратегия Израиля приносит свои плоды» [11].

Значительно расширилось азиатское направление с акцентом на государства региона, граничащие с Ираном. Начиная с 1990-х годов Израиль активизировался в молодых независимых государствах Центральной Азии и на Кавказе. Наибольший интерес для Израиля, как отмечают эксперты [1; 4], представляют Азербайджан, Казахстан и Узбекистан, исламская политическая составляющая которых является вполне умеренной. Для Израиля было важно установить хорошие отношения с этими мусульманскими государствами, входящими в международные мусульманские организации. Существенным было не допустить втягивания этих государств в орбиту идеологического влияния Ирана. Не менее существенным был и военно-разведывательный аспект противостояния Ирану. Так, с территории Азербайджана Израиль может контролировать значительную часть Ирана через несколько станций радиоперехвата. Согласно ряду публикаций в прессе: израильские спецслужбы тесно сотрудничают с разведывательной службой этой страны по иранскому досье; две страны подписали секретное соглашение о том, что израильским истребителям будет разрешено осуществлять посадку на азербайджанской территории в случае начала открытого военного конфликта с Ираном [10]. В подтверждение того, что Израилю удалось успешно затормозить проникновение Ирана в Центральную Азию, приводится тот факт, что еще в мае 1996 года Президент Узбекистана И. Каримов заявил, что из-за критики Ирана в адрес Израиля, которая ведет к политизации Организации экономического сотрудничества¹, Узбекистан намерен выйти из нее. Это заявление было поддержано руководителями Казахстана, Киргизии и Таджикистана [1].

Новым направлением, которое может быть отнесено к «новой периферийной политике» Израиля, выступает восточно-средиземноморское. Речь идет о создании многоцелевой и оцени-

¹ Создана в 1985 году Ираном, Пакистаном и Турцией. В 1992 году к ней добровольно присоединились семь новых государств – Казахстан, Азербайджан, Афганистан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения и Узбекистан.

ваемой как перспективная «стратегической дуги партнерства от Египта на юге до Греции на северо-западе» [8]. Как отмечал президент Иерусалимского института стратегических исследований Э. Инбар, восточное Средиземноморье всегда было важно для Израиля, поскольку через этот район проходит более 90% его внешнеторгового оборота, а открытие и начало эксплуатации газовых месторождений в экономической зоне Израиля в Средиземном море усилили важность этого региона [2].

Начиная с 2014 года проходили неоднократные встречи на высшем уровне в разном составе с участием Израиля, Греции, Кипра, Египта и Иордании. В середине января 2019 года в Каире состоялось совещание представителей Израиля, Египта, Кипра, Греции, Италии, Иордании и Палестинской национальной администрации¹, на которое не были приглашены Турция и Ливан. На нем было объявлено о формировании Газового форума стран Восточного Средиземноморья², который будет заниматься формированием и развитием регионального газового рынка, включая строительство самого длинного и самого глубокого в мире подводного трубопровода для экспорта природного газа из Восточного Средиземноморья в Европу (EastMed pipeline)³. Израиль рассчитывает, что реализация этого проекта, в том числе, расширит возможности влияния на европейцев.

Партнерство в сфере добычи, переработки и экспорта в Европу газа с шельфовых газовых месторождений Израиля, Кипра и Египта рассматривается израильтянами как цементирующий фактор, стратегический стержень выстраиваемого Восточно-средиземноморского альянса (ВСА). Экономический аспект такого альянса, несомненно, важен для Израиля в контексте экспорта израильского газа на европейский рынок; Израиль планирует также использовать этот инструмент для проведения политики, направленной на укрепление связей с государствами Восточного Средиземноморья для достижения значимых для него геополитических целей, в частности давления на Турцию.

¹ По мнению наблюдателей, участие палестинцев в работе совещания не просматривалось, но их присутствие было связано скорее всего с тем, что Греция продолжала настаивать на том, чтобы сотрудничество с Израилем не развивалось за счет интересов палестинцев.

² 16 января 2020 года в Каире на очередной конференции стран-основателей было заявлено о подписании соглашения о создании Газового форума Восточного Средиземноморья.

³ Межгосударственное соглашение Греции, Израиля и Кипра о его строительстве подписано 2 января 2020 года.

Израиль исходит из тезиса, что региональная политика Турции и Ирана противоречит интересам Греции, Кипра, Израиля и умеренных арабских суннитских режимов, и рассчитывает, что ВСА окажет воздействие на региональные амбиции эрдогановской Турции, политические отношения Израиля с которой не улучшаются, несмотря на продолжающиеся торгово-экономические связи¹. При этом, принимая во внимание место Турции в глобальной экономике и ее членство в НАТО, не исключается, что турецкая политика в регионе может быть изменена.

Проект ВСА представляет интерес для Израиля и в контексте предлагаемых им решений проблем сектора Газа. Так, обсуждалась идея строительства на Кипре морского терминала, который будет играть роль морских ворот «демилитаризованной» зоны.

Обращают на себя внимание высказывания израильских аналитиков о том, что Израилю следует регионально переориентироваться, позиционируя себя в качестве интегрального элемента средиземноморского, а не ближневосточного региона. Как отмечал аналитик Центра стратегических исследований Бегина-Садата, «Израиль должен продвигать свою средиземноморскую идентичность как важный фактор обеспечения своего законного места» в этом регионе в отличие от Ближнего Востока, преимущественно арабского и мусульманского [13, с. 45]. По его мнению, средиземноморская общность может «заполнить вакуум, когда арабизм (насеризм) умер, а исламизм (иранская идея уммы) умирает» [13, с. 10].

Обсуждались в Израиле перспективы выхода ВСА за рамки треугольника Израиль – Кипр – Греция в увязке со Средиземноморским союзом² и со Средиземноморским диалогом НАТО³, участником которых является Израиль.

Рассматривалась также перспектива расширения ВСА на основе концепции «пересекающихся векторов» – разноформатных двух-

¹ Так, 16 мая 2018 года МИД Турции по распоряжению Президента Р. Эрдогана выслал из страны посла Израиля и отозвал своего представителя из Тель-Авива и США в знак протеста против открытия посольства Соединенных Штатов в Иерусалиме, а также убийства палестинцев в Газе.

² Средиземноморский союз (Union for the Mediterranean – UfM) создан в 2008 году и представляет собой платформу межправительственного сотрудничества 28 стран – членов ЕС и 15 государств южного и восточного побережья Средиземного моря. Он является расширением Барселонского процесса 1995 года.

³ Средиземноморский диалог НАТО запущен в 1994 году с участием Алжира, Египта, Израиля, Иордании, Мавритании, Марокко и Туниса.

и многосторонних связей. Первыми кандидатами на присоединение назывались такие балканские страны, как Румыния и Болгария, а в более далекой перспективе – Сербия, Черногория, Македония и Хорватия, которые в последние годы укрепляют отношения с Израилем. Существенным стало бы и подключение Египта, который может стать мостом вовлечения в ВСА умеренных арабских суннитских государств Персидского залива, что ослабило бы турецкую региональную энергетическую и иную дипломатию [см.: **13**].

Восточно-средиземноморский вектор в политике Израиля и перспективы привлечь в него умеренные прозападные арабские режимы находят поддержку в США как рычаг «одергивания» Турции. Кроме того, США рассматривают проект ВСА наряду с проектом создания «арабского НАТО», направленного преимущественно против Ирана, как потенциальную опору «сделки века» в палестинском вопросе, прежде всего в том, что касается сектора Газа.

Заключение

Изначальная «периферийная стратегия» Израиля, которая чутко реагировала на изменения в мировом и региональном балансе сил, несмотря на периоды спада и неудач, позволила к концу XX века преодолеть изоляцию и укрепить позиции страны в регионе.

«Новая периферийная стратегия», формирующаяся в 2000-х годах, вписана в современную израильскую концепцию многовекторной внешней политики. Она исходит из новой оценки угроз и вызовов безопасности Израиля, среди которых на первое место выдвинулась «экзистенциальная угроза» со стороны Ирана и его региональных союзников. На смену «окружению» арабского мира, переживающего раскол, приходит попытка «окружения» Ирана и в какой-то мере Турции. Сохраняя отдельные изначальные ориентиры, стратегия расширяет ареал воздействия и в полной мере использует возросший военный и экономический потенциал страны.

Существенной опорой в реализации данной стратегии остаются тесные союзнические отношения с США, при том что Израиль всё в большей мере ориентируется на собственные задачи. К настоящему времени он существенно расширил круг сотрудничающих с ним стран в прилегающих к Ближнему Востоку регионах.

Тем не менее нерешенность ближневосточного конфликта остается осложняющим фактором в реализации «новой периферийной стратегии». Не решены Израилем в полной мере и поставленные задачи противостояния растущему региональному весу Ирана и Турции.

Литература

1. Баучек К. Политика Израиля в Центральной Азии (на примере Узбекистана) // CA&C Press AB. – 2004. – 4 сент. – URL: https://ca-c.org/journal/2004/journal_rus/cac-04/09.bourus.shtml (дата обращения: 17.02.2019).
2. Инбар Э. Иран, Турция и Россия угрожают Израилю в восточном Средиземноморье // The Jerusalem Post. – 2018. – 17 дек. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20181219/244271871.html> (дата обращения: 09.02.2019).
3. Исторический визит Нетаньяху в Латинскую Америку. Аргентина передает Израилю архив Холокоста // ДОМ. Наш дом – Израиль. – 2017. – 12 сент. – URL: <http://dom.co.il/news/view/5476> (дата обращения: 11.02.2019).
4. Костенко Ю.И. Новая периферийная стратегия» Израиля // Вестник МГИМО. – 2017. – № 1 (52). – URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/007_kostenkouyi_0.pdf-2017 (дата обращения: 14.02.2019).
5. Минасян С. Израильско-курдские отношения / Фонд НОРАВАНК. – 2006. – 28 сент. – URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2874 (дата обращения: 29.01.2019).
6. Осипян А.О. Где пересекаются интересы Турции и Израиля в сирийском конфликте / Институт Ближнего Востока. – 2019. – 6 февр. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=53173> (дата обращения: 08.02.2019).
7. Укрепление позиций Израиля в Восточной Африке // Военное обозрение. – 2015. – 20 янв. – URL: <https://topwar.ru/66983-ukreplenie-pozitsiy-izrailya-v-vostochnoy-afrike.html-20-01-2015> (дата обращения: 04.02.2019).
8. Ханин В. (Зеев) Израиль, Греция и их возможные партнеры / Институт Ближнего Востока. – 2018. – 14 авг. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=46916> (дата обращения: 12.02.2019).
9. Чернин В. (Велвл) Об отношениях между Израилем и Замбией / Институт Ближнего Востока. – 2018. – 8 дек. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=51497> (дата обращения: 06.02.2019).
10. Щегловин Ю.Б. К визиту министра обороны Израиля А. Либермана в Азербайджан / Институт Ближнего Востока. – 2018. – 12 сент. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=47735> (дата обращения: 10.02.2019).
11. Baroud R. Why African Countries are Normalising Israel // The Jordan Times. – 2019. – Jan. 29. – URL: <http://jordantimes.com/opinion/ramzy-baroud/why-african-countries-are-normalising-israel>, (accessed: 31.01.2019).
12. Halevy E. Israel70 / Israel's grand strategy and the return of Russia as a Great Power // Fathom. – 2018. – May. – URL: <http://fathomjournal.org/israel70-israels-grand-strategy-and-the-return-of-russia-as-a-great-power/> (accessed: 16.01.2019).
13. Lerman E. The Mediterranean as a Strategic Environment: Learning a New Geopolitical Language / The Begin-Sadat Center for Strategic Studies. Mideast Security and Policy Studies. – February 2016. – No. 117.
14. Periphery: Israel's Search for Middle East Allies / Middle East Policy Council. – 2015. – URL: <http://www.mepc.org/periphery-israels-search-middle-east-allies> (accessed: 14.01.2019).
15. Syed W.A. Israel's periphery strategy // The Times of Israel. Blogs. – 2014. – 20 aug. – URL: <https://blogs.timesofisrael.com/israels-periphery-strategy/> (accessed: 19.01.2019).

Живора Лариса Ивановна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: LZhivora@mail.ru

Larisa I. Zhivora,

Ph.D in Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.
E-mail: LZhivora@mail.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
В ЗОНЕ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА****THE EVOLUTION OF THE GEOPOLITICAL SITUATION
IN THE TAIWAN STRAIT**

Аннотация: статья посвящена анализу текущего состояния и перспективам развития ситуации в зоне Тайваньского пролива, где Китайская Республика, или Тайвань, является частично признанным государством в Тихом океане. Сложность политической проблемы Тайваня заключается в том, что КНР считает себя единственным правопреемником Китайской Республики, провозглашенной в 1911 году, но таким же единственным правопреемником считает себя и Тайвань. Проблема сводится главным образом к тому, что США и Китай имеют противоположный взгляд на политическое будущее острова. Возросло значение Тайваньской проблемы в условиях нарастающего противоборства между США и Японией с одной стороны и Китаем – с другой. Вашингтон и Токио заинтересованы в сохранении Тайваня в орбите своего влияния, поскольку его воссоединение с материковым Китаем может значительно усилить мощь КНР и нарушить сложившееся в регионе стратегическое равновесие.

Ключевые слова: КНР, Тайвань, Китайская Республика, США, Гоминьдан, Демократическая прогрессивная партия.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the current state and prospects for the development of the situation in the zone of the Taiwan Strait, where the Republic of China or Taiwan is a partially recognized state in the Pacific Ocean. The complexity of the political problem of Taiwan lies in the fact that the PRC considers itself the sole successor of the Republic of China proclaimed in 1911, but Taiwan considers itself to be the only legal successor. The problem boils down mainly to the fact that the United States and China have an opposite view of the island's political future. With the growing confrontation between the United States and Japan, on the one hand, and China, on the other, the importance of the Taiwan problem has increased. Washington and Tokyo are interested in maintaining Taiwan in the orbit of its influence, since its reunification with mainland China can significantly strengthen the power of China and upset the strategic balance that has developed in the region.

Key words: China, Taiwan, Republic of China, USA, Kuomintang, Democratic Progressive Party.

Ситуация в Тайваньском проливе, или так называемый тайваньский вопрос, имеющий почти 70-летнюю историю, является одной из крупнейших международных проблем, от урегулирования которой в значительной степени зависит стабильность и безопасность в регионе Восточной Азии. Проблема сводится главным образом к тому, что США и Китай имеют противоположный взгляд на политическое будущее острова, где Тайвань, или Китайская Республика, является частично признанным государством в Тихом океане. Официальные отношения между центральным правительством КНР и островной провинцией прервались в 1949 году после того, как потерпевшие поражение в гражданской войне с Коммунистической партией Китая силы Гоминьдана во главе с Чан Кайши перебрались на Тайвань. Существование до сегодняшнего дня государственного образования на острове Тайвань, не находящегося под юрисдикцией КНР – Китайской Республики, – стало возможным благодаря военно-политическому покровительству, оказываемому Тайбэю со стороны Вашингтона.

Возросло значение Тайваньской проблемы в условиях нарастающего в последние годы противоборства в Азиатско-Тихоокеанском регионе между США и Японией с одной стороны и Китаем – с другой. Вашингтон и Токио заинтересованы в сохранении Тайваня с его внушительным экономическим и военным потенциалом в орбите своего влияния как можно дольше, поскольку его воссоединение с материковым Китаем может значительно усилить мощь КНР и серьезно нарушить сложившееся в регионе стратегическое равновесие.

Сложность политической проблемы Тайваня (бывшей Формозы) заключается в том, что КНР считает себя единственным правопреемником Китайской Республики, провозглашенной в 1911 году, но таким же единственным правопреемником считает себя и Тайвань¹. С позиции КНР «провинция Тайвань» необходима для территориальной целостности Китая, а «разрешение тайваньского вопроса и объединение Родины – это великая и священная миссия всего китайского народа» [13]. Тайвань стоит на той позиции, что именно та территория, которую контролирует он, является свободной территорией Китайской Республи-

¹ Тайвань, принадлежавший Китаю на протяжении многих веков, был захвачен Японией в результате японо-китайской войны 1894–1895 годов, и после поражения Японии во Второй мировой войне в 1945 году возвращен Китаю.

ки, в то время как оставшаяся часть «материкового» Китая в эту свободную территорию не входит.

В Китае после победы Коммунистической партии Китая (КПК) в гражданской войне и с провозглашением 1 октября 1949 года Китайской Народной Республики, унаследовавшей в качестве законного государства-правопреемника все китайские территории, новое китайское правительство начало готовить операцию по освобождению Тайваня.

Однако 27 июня 1950 года Президент США Г. Трумэн заявил, что «оккупация Формозы коммунистическими силами была бы прямой угрозой безопасности в Восточной Азии и силам США, осуществляющим там свои законные и необходимые функции» [16, с. 29]. Вслед за этим корабли 7-го флота США вошли в Тайваньский пролив. В декабре 1954 года США подписали с тайваньскими властями так называемый Договор совместной обороны, поставив китайскую провинцию Тайвань под «протекцию» США, после чего правительство Чан Кайши начало получать военную и финансовую помощь. Так возник тайваньский вопрос, существенно осложнявший обстановку в Восточной Азии в последующие десятилетия и не раз вызывавший острые кризисы в регионе. Тайваньская проблема стала одним из серьезных раздражителей в отношениях США и КНР, задержав на длительный срок их нормализацию.

Лишь в 1971 году США сняли препоны на вступление КНР в ООН¹, где ранее была представлена Китайская Республика, а с 1 января 1979 года установили дипломатические отношения с Пекином, разорвав дипломатические отношения с Китайской Республикой на Тайване² и аннулировав американо-тайваньский Договор о взаимной обороне от 2 декабря 1954 года. Правительство США признало позицию Китая, состоящую в том, что существует лишь один Китай, а Тайвань является частью Китая. Однако спустя всего лишь три месяца, 10 апреля 1979 года, американский конгресс принял «Закон об отношениях с Тайванем» [2, с. 2], который стал юридическим основанием

¹ В октябре 1971 года на 26-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята резолюция № 2758 о восстановлении всех законных прав КНР в ООН и об изгнании «представителей» тайваньских властей из Организации Объединенных Наций.

² До 1970-х годов Китайская Республика со столицей в Тайбэе признавалась большинством государств и международных организаций как законная власть всего Китая. До 1971 года ее представитель занимал место Китая в ООН.

для реализации обязательств США по вопросам безопасности Тайваня. Согласно этому Закону правительство США продолжило продавать оружие Тайваню, что вызывало решительный протест со стороны КНР.

С началом XXI века противостояние между двумя мощнейшими державами современности – США и Китаем – обострилось в связи с тем, что Вашингтон объявил о своем намерении продолжить продавать оружие Тайваню. В результате этого многими исследователями несколько раз поднимались вопросы о возможности перерастания конфликта в военное сопротивление и о цене, которая будет за это заплачена.

Превращение Китая в глобальную державу, уступающую по совокупной национальной мощи только США, укрепление его военной мощи, его самостоятельная позиция в международных делах и заметно усиливающийся глобальный характер внешнеполитического курса страны вызывают всё большую озабоченность США, рассматривающих Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) как сферу своих национальных интересов. Усиливающийся экономический потенциал КНР стал причиной нарастающей напряженности в АТР и обострения американо-китайских отношений. В итоге в США окончательно оформился курс на сдерживание Китая в военной и технологической сферах, а также на демонтаж сложившейся взаимозависимости экономик США и КНР. Следует при этом отметить, что роль и значение КНР в жизни современной американской экономики достаточно велики. Объем двусторонней торговли в 2016 году составил 600 млрд долл., а обоюдные инвестиции на конец 2016 года – более 100 млрд долл. [8, с. 53]. По итогам восьми месяцев 2019 года на фоне торговой войны Пекина и Вашингтона общий объем двусторонней торговли составил 355,6 млрд долл., что на 13,9% ниже показателя аналогичного периода 2018 года [15].

Американский президент Дональд Трамп еще до начала политической карьеры считал Китай источником многих экономических проблем в США, и его позицию поддерживают члены американской администрации. Итогом этой конфронтации стала объявленная Вашингтоном торговая война с Китаем. В качестве мер противодействия китайскому влиянию Вашингтон ввел защитительные пошлины на импорт из КНР.

Начиная с лета 2018 года американские военные корабли неоднократно проходили через Тайваньский пролив. Была достигнута договоренность с тайбэйской администрацией о заходах американских боевых кораблей в южный порт острова Гаосюн, чего не было с 1970-х годов [5]. На фоне активизации американо-тайваньского сотрудничества в Тайбэе вновь зазвучали призывы о проведении на острове референдума в целях провозглашения независимости. Китай решительно выступил против любых военных и официальных контактов Тайваня с США, а также проявил твердую решимость применить все необходимые силы и средства для защиты территориальной целостности страны.

В условиях нарастания напряженности в американо-китайских отношениях в середине января 2019 года Пентагон опубликовал доклад, отражающий опасения американских военных относительно растущего военного потенциала Китая [4]. В докладе ведомства указывается, что КНР обладает всеми необходимыми возможностями для насильственного возвращения острова Тайвань. По мнению американских аналитиков, резкое усиление возможностей Народно-освободительной армии Китая существенно ограничит американское военное присутствие в Восточной Азии и сделает практически невозможными действия по сдерживанию китайского влияния в регионе.

В Пекине подобные заявления американских военных встретили резко негативную реакцию. КНР неоднократно предупредила США о недопустимости поддержки ими Тайваня и своей готовности применить силу в случае объявления демократической тайбэйской администрацией независимости.

Отмечая ведущую роль США в решении тайваньского вопроса, следует также сказать о влиянии Японии на тайваньскую ситуацию. Япония – ближайший союзник США, мощная экономическая и военная сила – имеет собственные интересы, связанные с островом. Определенную роль здесь играет и колониальное прошлое Тайваня, который 50 лет – с 1895 по 1945 год – находился под японским контролем в соответствии с Симоносекским договором 1895 года. В 1972 году Япония, сразу вслед за США, признала власти КНР в качестве единственного законного представителя Китая и прервала дипломатические отношения с Тайванем. Однако на неофициальном уровне их экономические

и культурные связи успешно развивались¹. Во многих сферах объем этих связей значительно превышает связи Тайваня с другими странами, включая США. В отличие от США, взявших Тайбэй под свою прямую защиту, Япония проявляет в тайваньских делах заметную осторожность. Токио предостерегает тайваньские власти от каких-либо действий, провоцирующих Пекин, и, в частности, против провозглашения независимости острова. Япония призывает к мирному решению тайваньской проблемы путем диалога и неприменения Китаем силы в отношении Тайваня.

Что касается взаимоотношений двух заинтересованных сторон тайваньского вопроса, Пекина и Тайбэя, то они складывались все эти годы непросто, переходя от вспышек острой напряженности и прямых вооруженных столкновений (тайваньские кризисы 1954, 1955 и 1958 гг.) к попыткам начать диалог между «сторонами пролива» в поисках взаимоприемлемого компромисса.

С момента эвакуации сторонников Чан Кайши на Тайвань в 1949 году правящая партия Гоминьдан на Тайване и КПК в Китае исходили из принципа «одного Китая», вкладывая в него, однако, совершенно различное содержание. Для Компартии это была Китайская Народная Республика с Тайванем в качестве одной из ее провинций; для Гоминьдана – возникшая в Китае в 1911 году и с самого начала им управляемая Китайская Республика. Смягчение отношений между двумя берегами пролива началось после смерти Чан Кайши в 1975 году – тогда состоялись первые неформальные встречи. С 1990-х годов позиции сторон претерпели существенные изменения. Лидеры КНР взяли курс на мирное решение тайваньской проблемы и разработали концепцию «одна страна – два строя», предусматривающую объединение Тайваня с материком на условиях сохранения на острове общественно-экономической и административной систем. Правящий на Тайване Гоминьдан к этому времени отказался от утопических планов военного реванша и в 1991 году отменил введенный еще в 1948 году «период всеобщей мобилизации для подавления коммунистического мятежа». Новый подход сторон друг к другу

¹ Подобно другим государствам, поддерживающим неофициальные отношения с Тайбэем, Япония учредила с Тайванем соответствующие квазиофициальные миссии – японскую Ассоциацию взаимобмен (Interchange Association) и Тайбэйское экономическое и культурное представительство (Taipei Economic and Cultural Office). Тайваньское представительство открыло свои отделения – на базе бывших консульств «Китайской Республики» – в Осаке, Фукуоке, Иокогаме, Саппоро.

позволил им существенно снизить напряженность в Тайваньском проливе и заметно продвинуться вперед в развитии взаимных связей. В 1990 году на Тайване был создан квазиправительственный Фонд обменов через пролив. На следующий год аналогичный орган – Ассоциация связей через пролив – возник в Пекине. Начались регулярные встречи между их представителями. Принцип «одного Китая», послуживший идеологической основой радикального улучшения отношений через пролив, был признан сторонами в форме так называемого консенсуса 1992 года, сложившегося в результате поиска компромисса, который позволил бы двум сторонам сосуществовать и взаимодействовать на китайской земле. Сторонами были найдены обтекаемые политические формулировки (такие как Китайский Тайбэй¹), были установлены экономические отношения, позволяющие осуществлять визиты граждан и вести экономическую деятельность.

Однако с приходом к власти на Тайване в 2000 году Демократической прогрессивной партии (ДПП), стоящей на позиции самостоятельности острова и впервые пришедшей к власти, на вооружение была взята политика «тайванизации» острова, предприняты попытки по претворению в жизнь линии на независимость Тайваня, включая проведение референдумов. В итоге весь период пребывания у власти ДПП во главе с Чэнь Шуйбянем (2000–2008 гг.) характеризовался острой напряженностью между Тайбэем и Пекином.

В ответ на политику тайваньской администрации в Пекине 14 марта 2005 года был принят Закон о противодействии расколу государства, в котором было указано, что в случае необходимости «государство применит немирные методы и другие необходимые меры для защиты суверенитета и территориальной целостности Китая» [11]. Параллельно с этим с середины «нулевых» годов китайские руководители продолжали демонстрировать Тайваню свою готовность к широкому сотрудничеству, начали приглашать в Пекин лидеров Гоминьдана и других пар-

¹ Международное сообщество широко использует термин «Китайский Тайбэй» в силу ряда соглашений, вытекающих из сложностей политического статуса Китайской Республики и ее международных отношений. КНР возражает против использования термина «Китайская Республика», так как это может трактоваться как признание легитимности правительства, которое КНР считает несуществующим, и существование двух Китаев. КНР возражает также против использования названия «Тайвань», так как это свидетельствует о том, что Тайвань выступает как субъект отдельно от КНР.

тий, признающих «принцип одного Китая». Пекин осуществлял мирную стратегию в отношении Тайваня, делая упор на предоставление Тайваню в случае воссоединения с материком самой широкой автономии на базе формулы «одна страна – два строя». Линия КНР на мирные методы решения тайваньской проблемы была закреплена в материалах XVII съезда КПК (октябрь 2007 г.) и 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 11-го созыва (март 2008 г.). Эта же позиция была подтверждена на XIX съезде КПК в октябре 2017 года. В то же время Пекин не снимает вопрос о применении силы, подчеркивая, однако, что эта его позиция направлена против «раскольников» и внешних сил, а не «соотечественников на Тайване».

С приходом к власти на Тайване в 2008 году партии Гоминьдан во главе с Ма Инцзю, выступающей за нормализацию отношений с материковым Китаем, уровень напряженности в Тайваньском проливе снизился. Произошло стремительное улучшение отношений острова с материком во многих сферах: туризм (15 млн туристов из КНР посетили Тайвань в 2008–2014 гг.), экономика, культурные обмены, программы сотрудничества. В 2000-х годах хозяйственное взаимодействие берегов стало всё чаще характеризоваться как экономическая интеграция. Огромное количество тайваньских компаний было интегрировано в экономику КНР. В 2006 году Китай опередил США и Японию, став самым крупным торговым партнером Тайваня. Объем торговли между материковой частью Китая и Тайванем в 2018 году достиг рекордного значения в 226,2 млрд долл. [10]. Китайские инвестиции стали важным элементом экономики «острова», и любые серьезные изменения отрицательного характера будут чреваты для экономики Тайваня негативными последствиями. КНР рассматривает развитие экономических отношений с Тайванем в качестве основного инструмента стратегии постепенного достижения главной внешнеполитической цели – «восстановления единства нации».

Тайбэй поддерживает неофициальные связи со всеми основными странами мира через многочисленные неправительственные офисы и организации, открытые на Тайване и в соответствующих странах мира. Важную роль в развитии связей Тайбэя с разными странами играет тайваньский Фонд международного

сотрудничества и развития, по линии которого во многих странах действуют тайваньские технические, сельскохозяйственные и иные миссии. Параллельно с этим тайваньские власти стремятся наладить официальные связи со странами, имеющими дипломатические отношения с КНР, добиваясь «двойного признания» и создания «двух Китаев», «одного Китая, одного Тайваня». Китайское правительство решительно выступает против такой политики, принимая жесткие меры по пресечению усилий Тайбэя, направленных на подтверждение «легитимности» существования Китайской Республики на Тайване. Китай пресекает также любые попытки Тайваня подключиться к ООН, ВОЗ и другим международным организациям, членами которых могут быть субъекты, обладающие статусом суверенного государства (исключением являются некоторые экономические организации – Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, Всемирная торговая организация, Азиатский банк развития, а также олимпийское движение, где КНР согласилась с участием Тайбэя под вывесками «Китайский Тайбэй»).

Нынешний лидер КНР Си Цзиньпин в 2013 году активизировал попытки Китая урегулировать «тайваньский вопрос» и продемонстрировал свою решимость начать открытые политические переговоры о воссоединении с Тайванем. Он призвал Тайбэй не оставлять политические проблемы будущим поколениям, предложив решать проблему на основе концепции «одна страна – две системы». В ответ на это в 2014 году тайваньская оппозиция поставила под вопрос политику Президента Ма Инцзю, направленную на сближение с Китаем. Си Цзиньпин в свою очередь продолжал проводить политику тесного сотрудничества с Гоминьданом, его сторонниками и ориентированными на Гоминьдан представителями бизнеса. В 2015 году Китай опубликовал новый Закон о национальной безопасности КНР, в котором защита территориальной целостности страны называлась обязательством всех китайцев, включая соотечественников, проживающих на территории Гонконга, Макао и Тайваня. Закон еще раз подтвердил, что Китай будет использовать все имеющиеся ресурсы для защиты территориальной целостности страны [3]. В 2015 году Китай провел военные учения близ Тайваня с отработкой маневров, включающих моделирование операций по вы-

садке на острове [1]. В ответ на это Тайвань начал ограничивать потоки инвестиций из Китая, заявив, что стремится избежать ситуации, подобной гонконгской.

На фоне непростых межбереговых отношений в ноябре 2015 года состоялась первая с 1949 года встреча лидеров КНР и Тайваня на нейтральной территории, «на полях» государственного визита Си Цзиньпина в Сингапур. Главным итогом встречи стал сам факт ее проведения. Поскольку она имела неофициальный характер, никаких документов и соглашений подписывать не планировалось. Не было также совместного коммюнике. Итоги встречи показали, что обе стороны продолжают стоять на своем: для КНР главной целью остается объединение двух сторон Тайваньского пролива, в то время как для Гоминьдана главная задача – развитие мирных отношений с материком и извлечение из этого экономических выгод для острова.

Однако с приходом к власти на Тайване в 2016 году ДПП во главе с Цай Инвэнь произошла смена политического вектора Тайбэя, был провозглашен курс на сближение с США и приобретение большей самостоятельности, что, естественно, вызвало обеспокоенность в КНР. В декабре 2016 года, как известно, имел место поздравительный звонок Цай Инвэнь новоизбранному Президенту США Д. Трампу. Администрация Трампа и Конгресс США начали проводить более активную протайваньскую политику. В частности, Президент Д. Трамп подписал Закон о посещении Тайваня, который получил единогласную поддержку как в Палате представителей, так и в Сенате. В июне 2018 года на Тайване было открыто новое здание Американского института (American Institute in Taiwan, AIT) – некоммерческой организации, на которую возложено поддержание неофициальных двусторонних связей между США и Тайванем в соответствии с «Законом об отношениях с Тайванем». Спустя несколько месяцев США одобрили продажу вооружений Тайваню на сумму 330 млн долл. в целях усиления обороноспособности острова, что также спровоцировало недовольство Пекина. Примечательно, что данное соглашение стало вторым с момента прихода к власти Д. Трампа; первое было подписано в июне 2017 года на сумму 1,4 млрд долл.

Пекин в ответ на политику администрации Цай Инвэнь, ориентированную на США и, по ее собственным словам, направленную

на сдерживание Китая, начал активно предпринимать ответные шаги, планируемые при этом таким образом, чтобы не нанести ущерба китайскому бизнесу. Так, например, было решено: ограничить поток китайских туристов на Тайвань, активизировать усилия КНР с целью сузить присутствие Тайваня на международной арене, препятствовать его участию в международных организациях и структурах. Дипломатическая изоляция острова усилилась, сворачиваются значимые совместные экономические проекты. На данный момент страна поддерживает дипломатические отношения с 17 государствами, а в 2016 году таковых было 22 [1].

Следует отметить, что политическая деятельность популярной Демократической прогрессивной партии с ее идеями «независимости» Тайваня препятствует процессу налаживания межбереговых отношений. Авторитет и влияние ДПП основаны на ее традиционно большем, чем у Гоминьдана, внимании к социальным проблемам населения. Кроме того, она является выразителем весьма значимой в местном обществе тенденции «тайваньской идентичности», состоящей в том, что обитатели Тайваня являются отдельной, отличной от материка общностью с собственной историей и культурой, и число тех, кто идентифицирует себя как «тайванец», с каждым годом уверенно растет [9, с. 19]. Однако большинство населения Тайваня поддерживают сложившееся статус-кво в отношении двух берегов Тайваньского пролива и не особо стремятся к формальной независимости. Опросы общественного мнения в июне 2018 года показали, что 49% тайваньцев разделяют положительное отношение к КНР, тогда как отрицательных взглядов придерживаются 44%. Впервые в опросе зафиксирован большой процент людей, которые заявили о своей симпатии к матерiku. Это положение подтвердили результаты местных выборов на Тайване в ноябре 2018 года, в которых правящая Демократическая прогрессивная партия потерпела поражение, потеряв 7 из 13 городов и уездов, в том числе два специальных муниципалитета – Тайчжун и Гаосюн. Гоминьдан получил поддержку в 15 административных единицах, в том числе в трех муниципалитетах [1]. Победа в большинстве округов оппозиционной партии Гоминьдан говорит о стремлении жителей Тайваня избегать напряженности в отношениях с соседом. Такой итог голосования является вполне благоприятным

для КНР, так как ее стратегическим интересам отвечает победа представителя Гоминьдана на президентских выборах 2020 года.

Председатель КНР Си Цзиньпин, выступая 2 января 2019 года с речью по случаю 40-летия Обращения Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей к тайваньским соотечественникам, предложил тайваньским партиям и общественности провести демократические консультации по развитию мирных отношений между двумя берегами Тайваньского пролива. «На основе принципа одного Китая нет никаких препятствий для взаимодействия с нами ни для одной политической партии, ни для одной организации Тайваня», – подчеркнул Си Цзиньпин [12]. Он выразил готовность «создать широкие возможности для мирного объединения», но при этом заметил, что Пекин никогда не предоставит возможности «для различных форм сепаратистской деятельности за “независимость Тайваня”». Он также заявил, что Китай не обещает отказаться от силы и сохраняет за собой возможность применения всех необходимых мер против иностранного вмешательства и сепаратистских движений на Тайване [7].

В целом обстановка в зоне Тайваньского пролива остается достаточно стабильной. Мирное развитие отношений через пролив, стержнем которого является межбереговая экономическая интеграция, имеет устойчивый характер. Стабильным является и статус-кво Тайваня, что в настоящее время устраивает всех: и Пекин, и Тайбэй, и Вашингтон. Возможная победа на президентских выборах 2020 года представителя партии Гоминьдан может во многом изменить сложившуюся расстановку сил в этом стратегически важном регионе.

По мере дальнейшего роста политической, экономической и военной мощи КНР повышаются возможности восстановления суверенитета над Тайванем, что является одним из главных национальных приоритетов Китая и для чего имеется необходимая правовая база в лице соответствующих международных договоров.

Принципиальное значение для урегулирования тайваньской проблемы имеет позиция США, которые не заинтересованы в возвращении Тайваня в лоно Китая, что существенно повысило бы потенциал КНР и нанесло бы ощутимый удар по стра-

тегическим интересам Соединенных Штатов в Восточной Азии. В то же время США хотели бы избежать конфронтации с Китаем, особенно сейчас, когда мощь КНР существенно возросла. Именно поэтому США не заинтересованы в движении Тайваня к «независимости», хотя не отказываются от продажи ему военной техники.

Что касается Российской Федерации, то она всегда занимала последовательную и принципиальную позицию в тайваньском вопросе и даже в самые сложные периоды советско-китайских отношений поддерживала законные права КНР. Указанная позиция получила международно-правовое закрепление в подписанном 16 июля 2001 года Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, ст. 5 которого гласит: «Российская Сторона признает, что в мире существует только один Китай, Правительство Китайской Народной Республики является единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань является неотъемлемой частью Китая. Российская Сторона выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме» [6]. С середины 1990-х годов Россия, как и многие другие государства мира, осуществляет неофициальные связи с Тайванем в соответствии с принципом ненанесения ущерба отношениям с КНР. Для этой цели были учреждены специальные неправительственные организации – Московско-Тайбэйская и Тайбэйско-Московская координационные комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству¹. Рассматривая тайваньский вопрос как внутреннее дело Китая, Россия в то же время постоянно подчеркивает свою заинтересованность в мирном решении этого вопроса на основе диалога между Пекином и Тайбэем.

Литература

1. *Бочков Д.* Выборы на Тайване в ноябре 2018 г.: победа Пекина или просчет администрации Цай Инвэнь. – URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/danil-bochkov/vybory-na-taivane-v-noyabre-2018-g-pobeda-pekina-ili-proschyet-adminis/> (дата обращения 25.03.2019).

¹ Произошел обмен представительствами Тайбэйско-Московской координационной комиссии (с июля 1993 г. в Москве) и Московско-Тайбэйской координационной комиссии (с декабря 1996 г. в Тайбэе). Их главная функция – содействие развитию взаимовыгодных торговых, экономических, научно-технических и иных связей между Россией и Тайванем.

2. *Волошина А.В.* Тайваньский вопрос в современных китайско-американских отношениях // Проблемы Дальнего Востока. – 2016. – № 6. – С. 80–93.
3. *Гамерман Е.* Закон о национальной безопасности КНР 2015 г. в контексте региональной безопасности: возможности или угрозы? – URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/evgeny-gamerman/2051/> (дата обращения: 10.04.2019).
4. *Губин А.* Кто готов высечь Тайваньский пролив? – URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/andrey-gubin-kto-gotov-vysech-tayvanskiy-proliv/> (дата обращения: 20.03.2019).
5. *Губин А.* В «большой игре» Пекина и Вашингтона не должно быть места «тайваньской карте». – URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/andrey-gubin-v-bolshoy-igre-pekina-i-vashingtona-ne-dolzno-byt-mesta-/> (дата обращения: 25.04.2019).
6. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. – URL: http://www.mid.ru/ru/maps/cn/-asset_publisher/WhkKWb5DVBqKA/content/id/576870/ (дата обращения: 25.04.2019).
7. КНР не откажется от применения силы при вмешательстве в тайваньский вопрос. – URL: <https://ria.ru/20190102/1548982885.html><https://ria.ru/20190102/1548982885.html> (дата обращения: 25.03.2019).
8. Круглый стол в ИДВ РАН «XIX съезд Коммунистической партии Китая и российско-китайские отношения» // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 1. – С. 1–67.
9. *Ларин А.* Сотрудничество берегов Тайваньского пролива: достижения, проблемы, перспективы // Проблемы Дальнего Востока. – 2012. – № 4. – С. 1–26.
10. Объем торговли между берегами Тайваньского пролива достиг рекордного значения в 2018 году. – URL: http://russian.news.cn/2019-01/17/c_137752259.htm/ (дата обращения: 25.03.2019).
11. Парламент КНР одобрил закон о противодействии расколу государства. – URL: <http://ria.ru/20050314/39517042.html>.
12. Си Цзиньпин предложил Тайваню провести консультации по развитию отношений. – URL: <https://ria.ru/20190102/1548982885.html><https://ria.ru/20190102/1548982885.html> (дата обращения: 05.03.2019).
13. Тайваньский вопрос и объединение Китая / Канцелярия по Тайваньским делам, Канцелярия по делам печати при Государственном совете КНР, август 1993 года. – URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zgtw/t265038.htm> (дата обращения: 30.03.2019).
14. *Терехов В.Ф.* Тайваньский вопрос. – URL: <https://riss.ru/analytics/6380/> (дата обращения: 10.04.2019).
15. Товарооборот между Китаем и США в январе–августе сократился почти на 14%. – URL: <https://ria.ru/20190908/1558439663.html/> (дата обращения: 20.09.2019).
16. *Трифонов В.* Тайваньский вопрос на современном этапе // Проблемы Дальнего Востока. – 2009. – № 4. – С. 28–36.

Бажанов Евгений Петрович,

доктор исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: bazhanov.ep@gmail.com

Evgeny P. Bazhanov,

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: bazhanov.ep@gmail.com

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: iskran@yahoo.com

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: iskran@yahoo.com

Литвинов Валерий Олегович,

аспирант,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.

E-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

Valery O. Litvinov,

graduate student,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow.

E-mail: valeriy.litvinov2015@yandex.ru

**«РЕВОЛЮЦИЯ ЗОНТИКОВ» В ГОНКОНГЕ:
НОВАЯ СТРАНИЦА «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»**

**“THE UMBRELLA REVOLUTION” IN HONG KONG:
A NEW PAGE OF “COLOR REVOLUTIONS”**

Аннотация: в настоящей статье анализируются события в Гонконге в период 2014–2019 годов, а также их последствия. Рассматриваются прогнозы дальнейшего развития ситуации и ее влияние на регион в целом. Особое внимание уделено механизму развития «цветных революций», действиям лидеров оппозиционных движений и взаимосвязи между протестами 2014 и 2019 годов. В период «революции зонтиков» 2014 года сторонни-

кам оппозиции не удалось собрать достаточное количество протестующих, которое было необходимо для захвата власти. Во время протестных движений 2019 года их количество превысило ожидаемые объемы, что лишило лидеров возможности контролировать толпу и привело к спаду протестных движений после отказа правительства Гонконга от принятия Закона об экстрадиции. Итоги выборов в окружные советы Гонконга 24 ноября 2019 года демонстрируют масштаб влияния «цветной революции» на население специального административного района.

Ключевые слова: «цветная революция», Гонконг, «революция зонтиков», гибридная война, протесты.

Abstract: this article analyzes the events in Hong Kong in the period 2014–2019, as well as their consequences. Forecasts of further development of the situation and its impact on the region as a whole are considered. Particular attention is paid to the mechanisms of development of “color revolutions”, actions of leaders of opposition movements and relationship between protests of 2014 and 2019. During the “Umbrella Revolution” of 2014 supporters of the opposition could not gather the amount of protestants needed to seize power. During the protests of 2019 their amount exceeded expectations, which made controlling the crowd impossible and led to reduction of protest movements after Hong Kong government’s rejection of Extradition Bill. The results of Hong Kong district elections demonstrate impact on citizens of special administrative district made by “color revolution”.

Key words: “color revolution”, Hong Kong, “umbrella revolution”, hybrid warfare, protests.

«Цветные революции» на сегодняшний день являются одним из наиболее успешных инструментов ведения гибридной войны. При их осуществлении применяют широкий комплекс методов по информационно-психологическому воздействию на население страны-объекта, созданию, продвижению и финансированию авторитетов в политической оппозиции, дискредитации действующей власти.

Н.С. Данюк, заместитель директора Института стратегических исследований и прогнозов РУДН, дает такое определение «цветной революции»: «Цветная революция – особая форма борьбы (политического вмешательства), направленная на создание конфликтного потенциала с целью смены государственной власти и принципиально меняющая основание ее легитимности, а также приводящая к геополитической и геоэкономической переориентации государства» [1].

Из определения становится понятной главная цель организуемых волнений – изменение политического и экономического курса страны-объекта данного воздействия на более благоприятный для тех, кто стоит «за кулисами». Задачами «цветной революции» являются свержение действующего режима и замена элиты на более лояльную, ранее находившуюся в оппозиции. Для решения данных задач требуются длительная подготовка и тщательный подбор инструментов. После анализа целевой аудито-

рии, расстановки политических сил в стране-объекте, ошибок и непопулярных решений ее руководства, не соответствующих запросам населения, начинается новый этап: создание движущей силы революции. Выбрав наиболее подходящего кандидата из оппозиции, идеи которого соответствуют задуманному сценарию, творцы «цветной революции» продвигают его на политической арене. Для этого могут быть использованы иностранные средства массовой информации, фонды и другие финансовые организации, субсидирующие рост популярности, учебные заведения и культурные центры страны, поддерживающие революционные настроения среди молодежи, оплачивающие площадки для продвижения и проведения семинаров среди учащихся.

Отметим, что иногда проще создать оппозиционера, чем искать наиболее подходящего кандидата. Выбор может остановиться на малоизвестном активном студенте, например, Джошуа Вонге в Гонконге, «первом зонтике революции», который производил впечатление «человека из народа», учился в Объединенном христианском колледже, что, как и его религиозная принадлежность, соответствовало поставленным целям.

Помимо выбора и продвижения нужной фигуры, вокруг которой будет «строиться» «цветная революция», проводится мониторинг способов блокировки процесса принятия решений в кризисный момент начала волнений. Объектами данного анализа являются отдельные представители руководства страны. Ставится задача найти рычаг давления на членов политической элиты, способы их дискредитации. Парализация процесса принятия решений важна, поскольку именно быстрые и правильные решения могут остановить протесты, пока они не переросли в бунт.

После завершения этапов, указанных выше, начинается активная фаза «революции». Нагнетание противоречий и стилизация различных групп населения приводит к волнениям и протестам, которые принимают вид акций гражданского неповиновения. Протестующие требуют от действующей власти решения экономических, этнических или социальных вопросов, начинают проводить публичные акции, цели которых – привлечь как можно большее внимание общественности и втянуть в движение новых сторонников. Для реализации этих задач используются также различные способы поощрения вступающих в ряды мятеж-

ников, к примеру выдача денежных «премий», продуктов питания и т.д. Впоследствии волнения принимают вид так называемых «sit in street» – протестов, целью которых является парализация функционирования государственной машины. Когда к движению присоединяется наибольшее число сторонников, начинается последняя фаза – силовой захват власти. Большинство бунтующих переходят от мирных протестов к активным действиям (что может произойти и раньше, если полиция будет предпринимать активные меры по сдерживанию митингующих и приступит к массовым арестам), в ход идут подручные предметы, используемые как оружие. Финалом протестов становится свержение власти и приход новой политической элиты путем перевыборов.

Если акции участников протестов не смогли собрать под знамена достаточного числа единомышленников, движение со временем теряет силу, люди устают от нестабильности и расходятся по домам. За этим иногда следуют аресты лидеров, которые окончательно сводят на нет перспективы смены режима. Альтернативный исход протестных движений – ввод войск или иное силовое решение конфликта. Как правило, это вызывает осуждение за рубежом, обвинение действующей власти в тирании и международные санкции. Потому многие государства, зависимые от иностранной поддержки, не имеют возможности использовать этот путь. Иллюстрацией могут послужить процессы «цветных революций» в странах постсоветского пространства [10, с. 32].

Как было сказано выше, «цветные революции» являются одним из наиболее успешных и часто используемых методов гибридной войны, примерами чему служит множество свергнутых режимов по всему миру.

«Революцией зонтиков» называют цепочку событий, произошедших с 28 сентября по 15 декабря 2014 года в Гонконге. Ряд акций, принявших вид протестов «sit in street», представляет собой неудачную попытку «цветной революции».

Причиной протестов в Гонконге послужило решение постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) относительно внесения изменений в процесс выбора главы исполнительной власти. Ранее выборы проводились коллегией из 1200 выборщиков, избравших одного из кандидатов. В 2007 году правительство КНР приняло решение о предоставле-

нии жителям Гонконга всеобщего избирательного права на выборах главы специального административного района спустя 10 лет, в 2017-м [11]. Однако за три года до назначенного голосования постоянным комитетом ВСНП было принято решение об установлении электоральной системы несколько иного типа. Согласно ей коллегия из 1200 выборщиков из множества кандидатов выбирала максимум трех. Каждый из них должен был набрать не менее половины голосов членов коллегии, чтобы получить одобрение и пройти в следующий тур. Далее кандидаты принимали участие во всеобщем голосовании, которое утверждало победителя. Выбранный кандидат должен был получить одобрение властей Китая и только после этого вступал в свою должность.

Данное противоречие послужило катализатором для начала протестных движений. Гонконг (со времени его возвращения в состав КНР) существовал по принципу «Одна страна – две системы», установленному после ухода британской администрации. Данный принцип гарантирует существование капиталистической системы и внутренней автономии на территории административного района на ближайшие 50 лет (до 2047 г.). Тем не менее вхождение Гонконга в состав КНР, называемое в прессе «Hong Kong handover», повлекло за собой массовые протесты.

Всё указанное выше делает данную территорию идеальным местом для создания «цветной революции». Помимо предыстории конфликта стоит указать и другие преимущества использования именно метода «цветной революции» в Гонконге: повсеместное использование английского языка, отсутствие цензуры и подключение города к проекту «Золотой щит» («Великий китайский файрвол»), свобода для работы иностранных организаций. Отдельно необходимо выделить невыгодность силового разрешения конфликта для правительства КНР. Район расположен в нестабильном в военно-политическом плане регионе Южно-Китайского моря (ЮКМ), через которое должен будет проходить основной торговый маршрут Морского шелкового пути XXI века и через которое в Китай из Персидского залива поступает большая часть импортируемой нефти. Кроме того, в Гонконге расположена третья по капитализации (29,9 трлн гонконгских долл. на 2018 г. [8, с. 1–4]) биржа в Азии. Силовое прекращение «цветной революции» не только нанесло бы удар по имиджу КНР

и повлекло за собой международное осуждение, но и ударило бы по бюджету страны и стабильности в ЮКМ.

Протестные движения в Гонконге начинались с небольших студенческих митингов, проходивших в течение всего сентября. Началом «революции» принято считать 26 сентября 2014 года. В этот день истекал трехдневный срок, в течение которого протестантам было разрешено находиться в парке Тамар, расположенном внутри правительственного комплекса. Митингующим было принято решение переместиться на небольшую улицу рядом с правительственными постройками. Но ночью, получив приказ от Джошуа Вонга и Натана Лоу, лидеров студенческих организаций, протестанты во главе с «первым зонтиком революции» (Д. Вонг) вторглись на территорию правительственного комплекса. Вонг был сразу арестован, полиции удалось вытеснить бунтарей с охраняемой территории путем арестов и распыления перцового аэрозоля. Данная акция примечательна тем, что протестующие вышли за пределы правового поля, чтобы привлечь как можно больше внимания к их конфликту с полицией. Кроме того, она демонстрирует наличие руководства среди протестующих, что, в свою очередь, говорит об их подготовленности и наличии предварительного плана.

Данная ситуация и послужила катализатором для начала серии сидячих протестов, планировавшихся организацией «Occupy Central with Love and Peace» (OCLP), лидером которой был Бенни Тай, профессор права юридического факультета Университета Гонконга, подготовивший статью о гражданском неповиновении, где описал основные механизмы протестов. Протестующие, получив еще большую поддержку населения после того, как 28 сентября полиция применила слезоточивый газ против студентов, начали блокировать улицы при помощи палаточных городков и баррикад, парализуя движение транспорта и мешая работе государственных структур. В ответ был организован пропекинский лагерь, который демонстрировал полную солидарность с полицией. На протяжении всего времени протестных акций МВД Китая то освобождало, то теряло отдельные участки города.

Следующей задачей бунтовщиков было привлечение максимального числа сторонников для финального этапа. Они провели

переговоры с Кэрри Лам и другими официальными лицами с целью добиться ответа от правительства КНР. Им было необходимо найти способ трансляции своих идей в материковую часть Китая, чтобы получить больше огласки и поддержки, а возможно, даже распространить идею бунта среди жителей страны, защищенных «Золотым щитом». Однако все провокации, громкие акции и попытки попасть на саммит АТЭС¹ в Пекине не увенчались успехом. Со временем желтый продемократический лагерь начал редеть. К концу ноября протестующие потеряли большую часть своих позиций; 3 декабря лидеры OCLP – Бенни Тай, Чу Юи-Минг и Чан Кин-ман – явились в полицию, чтобы понести ответственность за гражданское неповиновение, и призвали всех сторонников организации расходиться. Хотя студенческие организации во главе с центральными, наиболее радикальными, фигурами, такими как Джошуа Вонг, всё еще продолжали проводить немногочисленные акции протеста, уже 15 декабря полиция устранила последние баррикады, что ознаменовало собой конец «революции зонтиков».

После провала «революции» основные лидеры протестных движений – Вонг, Ло и Чоу – понесли наказание. В 2016 году они были приговорены к общественным работам, а в 2017 году апелляционный суд вновь признал их вину, ужесточив кару. Лидерам протеста были назначены тюремные сроки от шести до восьми месяцев. Стоит отметить, что в 2016 году Вонг основал и возглавил оппозиционную партию Demosisto, а также совершил поездку в Соединенные Штаты, где выступал перед комиссией Конгресса США на тему нарушения прав человека в КНР.

Самым важным достижением «революции зонтиков» стало решение Законодательного совета Гонконга, отклонившее реформу, предлагаемую властями КНР. Это показывает, что, хотя «революции» не удалось достичь основной цели (а именно смены власти на территории специального административного района), лидеры Гонконга были вынуждены отказаться от позиции, которой придерживались ранее. Только этот шаг позволил предотвратить будущие волнения. Граждане почувствовали, что они

¹ Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) – международная организация, созданная для сотрудничества в области региональной торговли, обеспечения экономического развития, либерализации условий капиталовложений в странах Азиатско-Тихоокеанского региона.

могут влиять на решения, принимаемые властью. Таким образом, «революция зонтиков» подготовила почву для возможных будущих протестов.

В ходе протестов 2014 года были отработаны основные тактики, изучены механизмы действия полиции и процесс принятия решений в экстренной ситуации. Рост общего недоверия к власти и числа сторонников оппозиции предоставил множество возможностей для организации волнений и поиска новых причин конфликта между гражданами и властями Гонконга. Новая попытка «цветной революции» требовала лишь катализатора, повода, который не заставил себя ждать.

Принятие непопулярных решений стало затруднительным для правительства Гонконга после «революции зонтиков» 2014 года, поскольку уровень доверия к действующей власти значительно упал. Примером тому могут послужить гражданские протесты, прошедшие в ночь с 8 на 9 февраля 2016 года в районе Монг Кок. Поводом для них стало решение властей Гонконга о пресечении нелегальной ночной уличной торговли, которая практиковалась в городе долгие годы. Несколько сотен человек вышли на улицы. Произошли столкновения, и были жертвы. Позднее это событие официально признали бунтом. Другим примером являются протесты 17 августа 2017 года, причиной которых послужил приговор, вынесенный лидерам «революции зонтиков» апелляционным судом.

Указанные выше конфликты не могли послужить началом новой «цветной революции». Настоящий повод появился при попытке принятия Законодательным советом Гонконга закона об экстрадиции. Его рассмотрение началось в феврале 2019 года, что вызвало недовольство. Главной причиной неприятия закона гражданами являлась возможность экстрадиции правонарушителей на материковую часть КНР. Ранее каждый житель Гонконга был защищен, поскольку выдача преступников осуществлялась только на Тайвань, поддерживающий оппозиционно настроенное население. Если закон об экстрадиции был бы одобрен, то любого гражданина, проживающего в городе, могли отправить на материковую часть Китая за попытку мятежа, гражданского неповиновения, высказывание, которое осуждает действия центрального правительства и т.д. Принятие данного законопроекта положило бы конец

некоторым вольностям гонконгцев. Этот повод стал более подходящим для начала осуществления «цветной революции», чем внесение изменения в процесс выборов главы города, поскольку последнее ставило под угрозу свободу каждого из его жителей.

9 июня 2019 года была предпринята первая масштабная протестная акция. 12 июня полиция впервые применила слезоточивый газ, и уже 15 числа последовали первые изменения в позиции властей Гонконга: рассмотрение законопроекта было отложено на неопределенный срок. Однако результаты не устроили протестующих. На следующий день (16 июня 2019 г.) на улицах города состоялась крупнейшая акция протеста. По подсчетам полиции, в ней приняли участие примерно 338 тыс. человек, тогда как Civil Human Rights Front (CHRF), организация, поддерживающая восстания, оценила количество участников в почти 2 млн человек [7]. 18 июня глава Гонконга Кэрри Лам принесла свои извинения за то, что правительство не смогло объяснить гражданам важность законопроекта. Стоит отметить, что такое число протестантов очень опасно для города с населением в 7 миллионов человек – оно вполне могло привести к смене власти. Для сравнения: во время событий на площади Тяньаньмэнь 13 мая 1989 года общее количество студентов, объявивших голодовку, составляло примерно 300 тыс. человек [6].

Последствием многочисленности протестующих была попытка захвата власти, которая произошла ночью 1 июля, когда бунтующие ворвались в здание парламента, разгромили зал заседаний и закрасили слова «Китайская Народная Республика» на гербе Гонконгского специального административного района. Правительство ответило массовыми арестами 4 июля, выступлением 9 июля Кэрри Лам, в котором она заявила, что «законопроект мертв», и нападениями на протестантов людей в белых майках без опознавательных знаков, вооруженных подручными средствами.

Участники протестов выдвигали пять основных требований:

- отозвать закон об экстрадиции;
- отказаться от квалификации протестов 12 июня как бунта;
- отпустить задержанных в ходе протестных акций;
- создать комиссию по расследованию случаев превышения полномочий работниками полиции;

➤ распустить парламент и назначить выборы с допуском всех кандидатов.

Исходя из названных целей, можно провести параллели с «цветными революциями» в других странах. Роспуск парламента и допуск всех кандидатов привели бы к фактической смене власти в Гонконге, а отказ от признания протестов мятежом начал бы их легитимацию.

Далее началась эскалация конфликта. В августе 2019 года протестующие стали чаще использовать тактику мобильных выступлений, блокируя отдельные транспортные узлы и другие жизненно важные точки города. При этом они находились в постоянном движении и успевали удалиться до прихода полиции. Помимо щитов от резиновых пуль и масок от слезоточивого газа протестанты применяли бутылки с зажигательной смесью.

4 сентября власти Гонконга заявили, что законопроект будет отозван. Спустя месяц, 4 октября, было введено чрезвычайное положение, позволившее принять закон о запрете масок, благодаря которым протестующих невозможно опознать на камерах и призвать к ответственности. 23 октября законопроект был официально отозван. Однако, несмотря на последовавшее частичное признание протестов 12 июня легитимными, протестные движения в Гонконге продолжались еще долгое время. Активная фаза «цветной революции» закончилась только к концу 2019 года, а остаточные выступления утихли по причине опасности заражения коронавирусом, распространяющимся в Китае.

Сравнивая «революцию зонтиков» и протесты 2019 года, можно сразу выделить несколько различий. Первое из них сразу обращает на себя внимание – количество участников протестных движений. Волнения в 2014 году подготовили почву для нового бунта, который обрел небывалый размах. Масштаб протестных движений в 2019 году породил еще одну особенность, которая не соответствовала планам организаторов «цветной революции» – ее децентрализованность. Отсутствие жесткого ядра и четкого командования помешало осуществить смену власти в момент, когда на улицах собралось рекордно большое количество людей. Ночной захват здания Законодательного совета 1 июля 2019 года, организованный CHRF, был ситуативным, вследствие чего не зашел дальше вандализма. Сама организация состоит из множе-

ства групп и не имеет единства. Отсутствие централизованного управления уменьшило также количество попыток пойти на диалог с властью, что активно предпринималось в 2014 году. Последним важным различием можно считать действия властей Гонконга. Если ранее они не шли на компромисс и не меняли собственной позиции вплоть до отклонения реформы электоральной системы на голосовании в Законодательном совете, то в 2019 году Кэрри Лам и ее администрация приняли решение об отказе от принятия закона об экстрадиции. Отдельно стоит отметить рост эскалации и выход протестантов за пределы правового поля. Эти особенности наблюдалась во время «революции зонтиков», но тогда они не успели развиться в полной мере.

Несмотря на различия, схожие черты двух описанных кампаний, такие как попытка добиться повторных выборов и отставки главы исполнительной власти под флагом демократии, начало волнений со студенческих групп, проведение громких акций для привлечения большего количества сторонников и т.д., позволяют с уверенностью заявить об их взаимосвязанности и убедиться в том, что протесты 2019 года являются продолжением программы, начатой в 2014 году.

Последствиями данных акций можно считать не только отмену процесса принятия закона об экстрадиции, введение чрезвычайного положения в городе, огромные убытки в экономике и т.д., но также сами волнения, которые продолжались до начала 2020 года. В преддверии выборов в окружные советы Гонконга, которые были назначены на 24 ноября 2019 года, стало ясно, что мятежники смогли также переманить на свою сторону большую часть населения города. Хотя в некоторых районах проведение данных выборов могло быть слишком опасным, примерно 70% населения Гонконга выступили против их переноса (такую возможность дает введение чрезвычайного положения) [9]. Представители пропекинских партий опасались за свою безопасность, поскольку оказались в меньшинстве. Результаты выборов в окружные советы Гонконга продемонстрировали влияние «цветной революции» на население специального административного района. Сторонники оппозиции одержали победу на выборах в 17 из 18 окружных советов. Это дает демократическому лагерю возможность повлиять на выборы главы адми-

нистрации Гонконга, поскольку представители окружных советов входят в избирательный комитет.

Участники «цветной революции» не смогли добиться перевыборов и отставки Кэрри Лам. Это стало очевидным уже в середине осени 2019 года, поскольку протестующие, хотя и использовали более опасное вооружение, такое как бутылки с горючей смесью, всё же занимали оборонительные позиции, как это случилось в Гонконгском политехническом университете. Но, возможно, цель протестных движений не заключалась в мгновенной смене власти. В сентябре 2020 года состоятся выборы в Законодательный совет. Несмотря на окончание протестов, как это было после «революции зонтиков», большая часть населения города поддерживает продемократический лагерь. А значит, Гонконг будет вынужден сменить свой политический курс. Власти могут отложить выборы 2020 года по причине введения чрезвычайного положения в городе, но это не изменит ситуации. А поскольку силовое решение конфликта неприемлемо для правительства КНР, можно сказать, что «цветные революции» в Гонконге имеют все шансы на достижение своей цели. Вопрос только во времени.

Литература

1. *Данюк Н.С.* Никита Данюк об этапах и методах реализации «цветных революций» // Сайт Ин-та стратегических исследований и прогнозов РУДН. – URL: <http://isip.su/ru/articles/197> (дата обращения: 16.11.2019).
2. *Данюк Н.С.* «Цветные революции». От теории к практике. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – С. 25–252.
3. *Манойло А.В., Карпович О.Г., Вершинина Т.В., Булавин А.В.* Политика многополярности: новые вызовы и угрозы: монография. – М.: Дипломатическая академия МИД России, 2019. – С. 81–138.
4. *Карпович О.Г.* Один сценарий для двух майданов // Стратегия России. – 2015. – Март. – URL: http://sr.fondedin.ru/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1425234424&archive=1424975653&start_from=&ucat=14 (дата обращения: 15.11.2019).
5. *Карпович О.Г.* Цветная «революция зонтиков» в Гонконге: начало «Китайской весны» // Национальная безопасность. – 2014. – № 6. – С. 990–996.
6. События на площади Тяньаньмэнь в Пекине 1989 года // РИА Новости. – 2019. – 4 июня. – URL: <https://ria.ru/20190604/1555212125.html> (дата обращения: 20.11.2019).
7. As it happened: A historic day in Hong Kong concludes peacefully as organisers claim almost 2 million people came out in protest against the fugitive bill // South China Morning Post. – 2019. – 16 June. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/3014695/sea-black-hong-kong-will-march-against-suspended> (accessed: 19.11.2019).
8. HKES Fact Book 2018. – URL: https://www.hkex.com.hk/-/media/HKEX-Market/Market-Data/Statistics/Consolidated-Reports/HKEX-Fact-Book/HKEX-Fact-Book-2018/FB_2018.pdf?la=en (accessed: 19.11.2019).

9. Ng Kang-chung Hong Kong protests: violence and hatred 'swallowing up' city and pushing it to brink of worst recession since 1997 handover, finance chief Paul Chan warns // South China Morning Post. – 2019. – 17 November. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/hong-kong-economy/article/3038112/hong-kong-protests-violence-and-hatred-swallowing> (accessed: 20.11.2019).
10. *Tastenov A.* The color revolution phenomenon: from classical theory to unpredictable practices // Central Asia and Caucasus. – 2007. – No. 1 (43). – P. 32–44.
11. The Hong Kong Special Administrative Region Government. Methods for Selecting the Chief Executive in 2017 and for Forming the Legislative Council in 2016. – 2013, December.

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Закаурцева Татьяна Алексеевна,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Москва.
E-mail: zta_da@yahoo.com

Tatiana A. Zakaurtseva,

Doctor of Historical Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
Moscow .
E-mail: zta_da@yahoo.com

ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ КОНСУЛЬСКОЙ СЛУЖБЫ США EXPERIENCE IN REFORMING THE US CONSULAR SERVICE

Аннотация: в статье проведен ретроспективный анализ изменений в структуре и функционировании консульской службы США, связанных с реализацией внешнеэкономической стратегии в отношении европейских великих держав в период после окончания Гражданской войны до начала Первой мировой войны. Сквозь призму фактора массовой иммиграции из Европы, повлиявшей на характер европейской политики США, исследованы потребности организационных изменений внешнеполитического аппарата.

Ключевые слова: заграничная служба США, Государственный департамент, консульские учреждения, европейская политика США, европейская иммиграция в США.

Abstract: the article provides a retrospective analysis of changes in the structure and functioning of the us consular service related to the implementation of foreign economic strategy in relation to the European great powers in the period after the end of the civil war before the beginning of the First world war. Through the prism of the factor of mass immigration from Europe, which influenced the nature of US European policy, the needs of organizational changes in the foreign policy apparatus are investigated.

Key words: U.S. foreign service, State Department, consular offices, U.S. European policy, European immigration to the United States.

Внешнеполитический курс государства всегда складывается в результате переплетения сложных социально-политических

взаимодействий. В США его вектор и интенсивность зависят от исхода внутривластной борьбы, от того, какая именно из групп социальной верхушки, представленная одной из двух влиятельных политических партий, приведет к власти президента и поддержкой каких именно участвующих в избирательном процессе массовых слоев населения при этом удастся заручиться.

По мере роста уровня экономического развития Соединенных Штатов и усиления их вовлеченности в мировую торговлю в последней четверти XIX – начале XX века потребовалось существенно пересмотреть организационные основы реализации межгосударственных взаимоотношений. Новое содержание зарубежной деятельности государства предполагало новые формы ее организации и создание разветвленной системы внешних связей.

Европейская политика определялась интересами внешней торговли, задачами привлечения европейских инвестиций и трудовых ресурсов, в которых нуждалась быстро растущая экономика страны. Волны иммигрантов прибывали в США из европейских стран. Ощувив заинтересованность правящих кругов государств Европы в оттоке избыточного населения ради снижения социальной напряженности, американское руководство использовало сложившуюся ситуацию в собственных интересах. Этот фактор был учтен США при проведении преобразований внешнеполитического аппарата.

В ходе широкомасштабной реформы государственной службы после Гражданской войны потребовалась реорганизация, позволившая значительно усовершенствовать инструментарий американской дипломатии. Это было важно для решения новых внешнеполитических задач. Проанализировав содержание неуклонно проводившихся на протяжении почти полувекового периода организационных мероприятий, можно понять, какие цели ставило перед дипломатией американское руководство в долгосрочной перспективе, выявить наличие интереса государства к тому или иному направлению внешней активности, определить систему приоритетов.

Проведенные административные реформы оказались достаточно важны, потому что в итоге конкретные результаты дипломатической практики, развитие отношений США с европейскими державами зависели от того, какими средствами, методами

и в каких объемах могли быть реализованы стратегические задачи, поставленные руководством страны.

Доктринальное оформление внешнеполитической стратегии США на правительственном уровне предполагало помимо деятельности президента, несущего ответственность за внешнюю политику, а также самого правительства как политического института участие высшего чиновничества, которое являлось неотъемлемым элементом государственной власти. В отечественной историографии прочно утвердилось представление о том, что в США бюрократия сформировалась лишь к концу XIX века, значительно позже, чем в других странах, а ее развитие протекало бурно и отличалось быстрыми темпами. Становление современной федеральной американской бюрократической машины совпало с усилением общемировой тенденции к централизации управления на рубеже XIX–XX веков.

Очевидно, что внешнеэкономическая активность и вовлеченность США в международную жизнь усиливались по мере нарастания экономического потенциала страны. Это потребовало существенного организационного усовершенствования и значительного расширения функций прежде малочисленного внешнеполитического аппарата, которому в новых условиях оказалось не под силу справиться с возросшим объемом и усложнением содержания международной деятельности государства, направленной на расширение сферы влияния США в мире дипломатическими, экономическими и военными методами. По мере того, как в Соединенных Штатах Америки всё больше стали осознавать внешнеполитические возможности экономического фактора, который руководство страны начало использовать для обретения новых инструментов внешнеполитического давления в межгосударственных отношениях, перед соответствующими органами федеральной исполнительной власти были поставлены новые задачи.

В истории государственного управления США период последней четверти XIX – начала XX века нередко называют «эрой специализации», или «прогрессивной эрой». В это время происходило выстраивание дополнительных административных структур и разделение функций в ранее сформированных структурах. Были ликвидированы те государственные ведомства, которые

перестали удовлетворять потребностям политической стратегии государства. Охватив все сферы жизни американского общества, наиболее ярко бюрократизация проявилась в развитии исполнительной ветви власти. В государственном аппарате всё более отчетливыми становились тенденции к известной самостоятельности отдельных звеньев, реализации собственных внутренних интересов быстро растущей бюрократической машины.

Несовершенство бюрократического исполнительного аппарата ограничивало возможности руководства США во внешнеполитической сфере, в том числе при проведении европейской политики, особенно при регулировании экспортно-импортных операций, потоков европейской иммиграции и т.п. Выявилась на-сущная необходимость привлечения новых компетентных кадров в государственный департамент и заграничную службу в целях повышения эффективности работы тех федеральных органов, которые были призваны защищать интересы страны за рубежом.

Об этом стали говорить уже вскоре после окончания Гражданской войны. В тот период особую активность проявило молодое поколение в Республиканской партии, так называемые магвампы, которые под руководством министра внутренних дел Карла Шурца выдвинули требование безотлагательной реформы государственной службы в целях повышения ее эффективности. Движение приобрело широкую общественную поддержку после оформления в результате «компромисса 1877 года», межпартийного консенсуса и стирания существенных различий между внешнеполитическими программами двух основных партий США. И республиканцы, и демократы оказались заинтересованными в повышении профессионализма среднего звена чиновничьего аппарата и сохранении преемственности в его работе. Это было важно и для крупных функционеров партийных «машин», занимавших вакансии в высшем чиновничьем аппарате после победы «своего» кандидата в президенты.

На уровне бюрократической элиты происходили процессы внедрения представителей крупного бизнеса в государственный аппарат. Промышленные деловые круги подняли уровень своего представительства в верхнем эшелоне исполнительной власти и в дипломатической службе с 81% в 1861–1877 годах до 91,7% в 1898–1913 годах [2].

Среди исполнительных ведомств ведущая роль в реализации внешнеполитических установок руководства была традиционно отведена Государственному департаменту. Возглавляющий его государственный секретарь одновременно выполняет функции главного советника президента по вопросам внешней политики. Согласно Конституции США право регулировать внешнюю политику и определять характер взаимоотношений с другими государствами принадлежит Конгрессу, который делит свои полномочия с главой исполнительной власти. Это положение обусловило в деятельности американской исполнительной и законодательной ветвей власти тесную взаимосвязь, проявившуюся в области международных отношений.

В эру политики «открытых дверей», когда иммиграция европейцев в США практически никак не ограничивалась, Государственный департамент и его руководители были инициаторами обсуждения специальных соглашений со странами Европы, предусматривавших признание права бесконтрольной эмиграции переселенцев из Старого Света. Это соответствовало интересам малонаселенной североамериканской республики и подтверждало ее репутацию защитницы всех либеральных свобод, среди которых немаловажным было право личности на выбор места жительства. Именно во внешнеполитическом ведомстве США впервые была предпринята попытка создать специализированный орган для решения иммиграционных проблем. Государственный секретарь У. Сьюард в 1864 году учредил должность суперинтенданта по иммиграции с небольшим техническим штатом в его распоряжении. В то время, как не раз и впоследствии, Конгресс запрашивал у руководства главного внешнеполитического ведомства рекомендации по иммиграционным вопросам переселенцев из Европы, основанные на обобщении конкретной практики. При рассмотрении сложных с точки зрения применения права случаев Государственный департамент составлял консультативные заключения, отмечая все прецеденты урегулирования аналогичных споров. Все без исключения комиссии Конгресса, создававшиеся в рассматриваемый период для изучения иммиграционного фактора, пользовались заключениями Госдепартамента.

После заключения в 1870 году договора с Великобританией по вопросу взаимного признания права экспатриации для гражд-

дан обеих стран в Соединенных Штатах Америки было подтверждено право американских граждан на выход из гражданства [8]. Несмотря на то что договор имел в виду не урожденных американцев, а натурализованных подданных европейских монархий, это решение имело долговременные последствия для работы Государственного департамента. Правовая практика США не предусматривала двойного гражданства, признанного международным правом¹.

Для предотвращения возможных разночтений, ведущих к нарушению американских законов, Госдепартаменту было вменено в обязанность выявлять все случаи, подтверждавшие нарушение гражданами США, особенно натурализованными иммигрантами из Европы, установленных правил. Предписывалось устанавливать и подтверждать фактами принятие или сохранение новыми американцами гражданства или подданства другой страны. Эти данные в распоряжение Госдепартамента должна была представлять его заграничная служба. Кроме того, Госдепартамент разрабатывал конкретную процедуру оформления отказа от гражданства США. Ей придавалось повышенное значение. При малейшем несоблюдении формальностей получение или перемена гражданства объявлялись незаконными. Бюрократические полномочия инстанций в Госдепартаменте вплоть до создания в США специализированных иммиграционных служб оставались значительными. В связи с тем, что в функции заграничной и других служб внешнеполитического ведомства США было включено выполнение специальных задач по реализации иммиграционной политики, они потребовали значительного расширения штата.

Вместе с тем осознание необходимости перестройки работы внешнеполитического аппарата, повышения его эффективности, приведения его в соответствие со взятым США экспансионистским курсом в мировых делах превратилось в актуальную политическую задачу, вставшую перед республиканским руководством лишь на рубеже XIX–XX веков, когда после испано-американской войны стала особенно очевидна несоразмерность устремлений американского бизнеса и реального наличия средств полити-

¹ Это право формально признали в США в серии так называемых Бэнкрофтовых соглашений. На практике Конгресс постоянно стремился уменьшить число лиц с двойным гражданством.

ческого, экономического и, особенно, военного характера для их достижения.

Количество иммигрантов с 1905 года достигало ежегодно около 1 млн человек, что создавало дополнительные сложности, связанные с присутствием в стране значительных групп иностранцев из отдельных европейских стран. Начало преобразованиям, призванным исправить обозначившуюся функциональную диспропорцию, было положено в ходе реорганизации заграничной службы. Она осуществляла важнейшие внешние функции государства.

Рост экономических и финансовых интересов американского бизнеса на европейском рынке и связанное с этим расширение внешнеторговых связей США повышали требования к эффективности работы консульской и дипломатической служб за рубежом, прежде всего в европейских странах. Курс американского руководства на стимулирование государством экономической экспансии, сформулированный государственным секретарем Дж. Хеем уже в доктрине «открытых дверей», предполагал активное содействие со стороны американских заграничных внешнеполитических представительств [3].

Между тем заграничная служба США имела множество недостатков, препятствовавших успешной реализации правительственных установок. Она была относительно самостоятельным институтом, поскольку ее состав утверждался Конгрессом. Под давлением заинтересованных кругов на заседаниях комитетов Сената и Палаты Представителей неоднократно выдвигались предложения о реорганизации заграничной службы в целях ее совершенствования.

Среди недостатков чаще всего называли отсутствие специальной подготовки и опыта у большинства назначенных в нее лиц, что приводило к неизбежным ошибкам и неудачам. Действовала система, введенная в госслужбе США в 1829 году при Президенте Э. Джексоном, когда дипломатические и консульские посты раздавались «по заслугам» в качестве награды сторонникам партии, пришедшей к власти. Эта система позволяла каждому новому президенту продвигать спонсоров предвыборной кампании, а также лиц, лично ему преданных, на важные государственные посты, в том числе и в заграничной службе. Это не способство-

вало эффективности бюрократического аппарата, но было допустимо в условиях его слабого развития, отсутствия жестких требований к делопроизводству и необходимости вести какую-либо аналитическую работу. Выполнялись лишь прямые распоряжения вышестоящего руководства.

Подобная система существовала вплоть до середины 80-х годов XIX века. Тогда была проведена реформа гражданской службы на основании Пендлтон-акта 1883 года и введены квалификационные экзамены для занимавших федеральные должности [4]. Необходимость реформ в заграничной службе ощущалась и прежде, но лишь с началом активной политики и резким ростом иммиграции она стала насущной задачей. Так называемые политические назначенцы не могли обеспечить результативного проведения внешнеполитических мероприятий, не обладали достаточной квалификацией, опытом и желанием для выполнения широкого круга задач.

Государственный секретарь Дж. Хей, имевший богатый опыт общения с европейскими дипломатами и широкие связи в правительственных и аристократических кругах ряда держав Старого Света, отмечал в своих записках, что вопреки расхожему мнению о полной поглощенности американских политиков решением внутренних проблем США к концу XIX века в Администрации республиканца У. Мак-Кинли широко бытовало убеждение в том, что «отношения с зарубежными странами значительно влияют на прогресс и развитие страны» [6].

Занявший президентское кресло после гибели У. Мак-Кинли, его вице-президент Т. Рузвельт начинал некогда свою политическую карьеру, приняв участие в общефедеральном движении за реформу гражданской службы под руководством К. Шурца. Став главой государства, он дал старт коренным реформам внешнеполитического аппарата. Дж. Хей, с которым Т. Рузвельт поддерживал дружеские отношения, оставался на посту государственного секретаря вплоть до своей смерти в 1905 году. В этот период внимание реформаторов было сосредоточено на реорганизации американской армии и создании специализированных органов управления «внешними владениями», впервые появившимися у Соединенных Штатов Америки после войны с Испанией.

Успешный опыт, полученный в ходе преобразований в армии военным министром Э. Руттом, был использован в 1906 году, когда Т. Рузвельт назначил его своим госсекретарем. Откладывать реформы заграничной службы было невозможно. В Европе возобновилась череда торговых войн, в ходе которых участники либо искали поддержки США, либо начинали противодействовать приему американской продукции. К тому же в 1905–1907 годах число иммигрантов, главным образом из европейских стран, достигло максимальных показателей, порождая искушение использовать этот факт в выстраивании курса европейской политики. Создание специализированной иммиграционной службы и передача ее в 1903 году в ведение Министерства торговли и труда не сняло с внешнеполитического ведомства части функций, связанных с учетом, сбором и анализом информации.

Реорганизация началась с заграничной службы. Она обеспечивала руководство Государственного департамента необходимой оперативной информацией о возможностях и намерениях стран, являвшихся объектами политики Соединенных Штатов Америки. Зарубежные правительства имели возможность оказывать определенное влияние на позицию отдельных стран в выгодном для США направлении. Силowych инструментов влияния на участников «европейского концерта» у североамериканского государства на рубеже XIX–XX веков было явно недостаточно, что ярко проявилось в ходе испано-американской войны.

Несмотря на то что американцы следовали европейской традиции разделения функций между разными ветвями заграничной службы, они иначе оценивали их значение. Для США важнее была деятельность консульского корпуса. Она стала привлекать внимание широких предпринимательских слоев уже с того раннего периода американской истории, когда «заморские интересы страны были осознаны как преимущественно экономические» [8]. В 80-е годы XIX века при госсекретаре У. Эвартсе через Конгресс было проведено решение об увеличении финансирования консульской службы и выделении ассигнований на публикацию доступных широкой публике, прежде всего деловым кругам, ежегодных консульских отчетов, первый из которых вышел в октябре 1880 года. Тогда же США подписали ряд консульских конвенций с другими государствами. В американском законодательстве

было зафиксировано специфическое, отличное от дипломатов положение консульских работников, которые изымались из-под юрисдикции принимающей страны.

На консульскую службу не распространялось недоверие, которое в деловом мире нередко вызывала дипломатия. Консулов олицетворяли с успешным развитием внешней торговли, прибыльными сделками, финансовым благополучием американцев за границей. По утверждению многочисленных авторов, изучавших историю американского дипломатического ведомства, к 1905 году Президент Т. Рузвельт и его государственный секретарь использовали поддержку объединенного движения за консульские реформы со стороны бизнесменов, связанных с внешней торговлей, миссионерских обществ и членов Лиги реформ гражданской службы. В том же году Т. Рузвельт назначил комиссию по пересмотру иммиграционного и натурализационного законодательства, несовершенство которых отчетливо обозначилось с ростом объемов «новой» иммиграции из Восточной и Южной Европы. Американские консульства за рубежом были более многочисленными, чем соответствующие дипломатические представительства. Они выполняли специализированные функции по защите интересов, собственности и предпринимательской деятельности американских граждан за границей, а также способствовали выезду в Америку европейских переселенцев.

С первых лет своего существования американская консульская служба была связана с решением иммиграционной проблемы. Американские фирмы осуществляли вербовку иммигрантов в Европе в тесном контакте с американскими консульскими сотрудниками. Интересы вербовщиков, являвшихся американскими гражданами, попадали в сферу компетенции американских консулов. Точно так же прибывавшие на территорию Соединенных Штатов Америки иммигранты до прохождения ими процедуры натурализации являлись гражданами иностранных государств и нередко пользовались услугами консулов европейских стран в Северной Америке.

Резкое увеличение объема внешней торговли привело к возрастанию консульских обязанностей. Существовавший штат консульской службы по количественному составу и подготовке

не мог в должной степени содействовать деловым кругам в организации торговли за рубежом. Следует подчеркнуть дореформенную малочисленность этой службы, что соответствовало укоренившейся в американском государственном управлении традиции. Штатный состав практически всех, даже особенно важных, государственных ведомств был количественно ничтожен по европейским меркам и исчислялся десятками человек. Исключение составляли почтовое ведомство, на долю которого приходилось более половины всех государственных чиновников, а также Министерство финансов (казначейство) и пенсионная служба, объединенная в специальный департамент и являвшаяся к 1900 году самой крупной в мире [5].

Что же касается заграничной службы, то в состав ее штата к началу 1880-х годов входило не более двух дюжин посланников и резидентов, пять поверенных в делах и всего 300 консулов. Большинство из них не являлись кадровыми дипломатами, а были представлены бизнесменами и политиками. По свидетельству поверенного в делах США в Бразилии Дж. Монро, во всей Южной Америке к тому времени не было ни одного чиновника американской консульской службы [7]. Основная масса консульских чиновников была сосредоточена в Латинской Америке. Лишь с 1890 года начало увеличиваться их число на Дальнем Востоке и в Европе. Уже только эти факты вполне могут свидетельствовать о степени приоритетности отдельных направлений внешнеполитической активности США для развития их внешней торговли.

Следствием такого положения дел явились многочисленные жалобы, адресованные конгрессменам и сенаторам. Таким образом, движение за реформы приобрело «влиятельных ходатая». Особое недовольство вызывала недостаточная компетентность консулов, которые по-прежнему назначались, как правило, по политическим соображениям или с учетом личных заслуг. Нередко ими оказывались бизнесмены, уделявшие большую часть времени собственным делам, или же внештатные консулы из числа местных жителей, обычно вовсе не заинтересованных в развитии американской торговли или заботе об интересах граждан США.

Именно поэтому с изменением роли страны в международных делах в начале XX века в консульской службе встали задачи

повышения квалификации персонала. В своих ежегодных посланиях Конгрессу Президент Т. Рузвельт уже с 1902 года неоднократно призывал разработать рекомендации по реорганизации консульской службы. Среди членов Конгресса призывы Президента находили отклик. Приверженность идеям реорганизации консульской службы проявлял, например, известный сенатор, единомышленник Президента и активный сторонник ограничения «новой» европейской иммиграции в США Г.К. Лодж. Третий помощник госсекретаря Г.Д. Пиэс, ведавший в Госдепартаменте вопросами консульской службы, был его родственником. После неоднократных поездок в целях консульской инспекции по европейским представительствам Г.Д. Пиэс пришел к выводу, что «организация работы в американских консульствах и консульских агентствах уступает европейской». Высказанные им предложения по реорганизации консульской службы оказались полезными для составления проекта реформы.

В то же время среди членов Конгресса не было полного единения в вопросе реформы, так как многие из тех, кого в результате предполагалось заменить профессионалами, имели покровителей в лице самих конгрессменов. Не будучи способным побудить Конгресс к действиям, Президент пошел по пути использования своей собственной власти и издал «исполнительные указы», которые конституционное право США приравнивало к законам. Однако он счел необходимым дополнительно проконсультироваться с юристами и дипломатами. Собрав совещание представителей профессиональной дипломатии и пригласив сенатора Ф. Нокса, видного юриста У. Тафта, имевшего опыт организации управления «внешними территориями» после испано-американской войны, Т. Рузвельт предложил им обсудить свои рекомендации. Выслушав все мнения, он не согласился с предложением дипломатов о комплексной реорганизации ведомства и сконцентрировал внимание только на реформе консульской службы.

Основными положениями принятого в итоге Закона были: повышение жалования консульским представителям на основе четкой классификации по рангам и ограничение их возможностей для частного предпринимательства при общем расширении функций. В этот период предполагалось также передать

вопросы иммиграционной политики в ведение специального органа – Бюро иммиграции и натурализации. В Госдепартаменте планировалось оставить, как прежде, в обязанностях консульских сотрудников прием иммигрантов в крупных европейских городах, где располагались американские представительства. С 1885 года консулы составляли ежегодные доклады по иммиграции. В 1891 году они получили полномочия «первоначального отбора» европейских иммигрантов посредством инспекции и «сертификации» потока переселенцев из отдельных стран. Желавшие попасть в США европейцы должны были встретиться с американскими консульскими сотрудниками, после чего могли получить отказ на въезд в страну.

С появлением иммиграционных служб на территории США задачи общения с потенциальными переселенцами на их родине не были сняты. Все те, кто отправлялся в США в частном порядке или по приглашению родственников, вынуждены были прибегать к услугам американских консулов, которые производили проверку сведений о потенциальных иммигрантах и определяли соответствие их основным требованиям, изложенным в иммиграционных законах США. Американские консульства в Европе лишь стали действовать в более тесной связи с новым ведомством и получать от него инструкции в связи с изменением иммиграционного законодательства.

С точки зрения иммиграционной политики консульский Закон также имел определенное значение. Оно было связано с тем, что от консульской службы был отделен институт коммерческих агентств. Они передавались в ведение созданного в 1903 году Министерства торговли и труда. Среди этих коммерческих агентств были и те, что занимались вербовкой рабочих-иммигрантов по заказам крупных фирм Запада и Юга США.

Заключение вне территории США трудовых контрактов и ввоз по ним рабочих был к этому времени уже запрещен, но деятельность вербовщиков по поиску в Европе высококвалифицированных работников не только не была прекращена, но даже поощрялась государством. Новый Закон предусматривал усиление координации действий консульской и иммиграционной служб.

Однако на практике отделение от консульской службы коммерческих агентств привело к нарушению единых правил въезда.

Владельцы таких агентств после 1906 года получали специальные лицензии на вербовку и перевозку рабочих по заказам отдельных компаний. Это не предусматривало участия консульских чиновников. Получить необходимую лицензию агентство могло либо через секретариат Президента Соединенных Штатов Америки, либо, что было гораздо более распространено, через высокопоставленных государственных служащих.

Уточнение и расширение функций консулов по Закону 1906 года потребовало, чтобы прием в консульский корпус был ограничен квалификационными экзаменами, открывшими путь новым подготовленным кадрам. Вне высших рангов вакансии заполнялись путем повышения в должности в соответствии со способностями и опытом. Эти меры привели к общему сокращению штата консулов, преимущественно низшего ранга, при увеличении числа генеральных консулов, то есть специалистов, как правило, высокой квалификации либо влиятельных бизнесменов. Это, в свою очередь, привело к неожиданным для инициаторов реформы последствиям: число отдельных консульских агентств ввиду малочисленности штата сократилось, и основная работа сконцентрировалась в крупных консульствах. В последующие годы консульский корпус не подвергался специальному реформированию вплоть до начала Первой мировой войны.

Основные изменения в его работе происходили в русле административных реформ внутри дипломатического ведомства, как, например, в 1909 году, когда после реорганизации Госдепартамент был введен специальный пост директора консульской службы вместо курирования ее третьим помощником госсекретаря США. При этом еще более тесным стало сотрудничество с иммиграционными властями. Персональные контакты и обмен информацией между директором консульской службы и генеральным представителем по вопросам иммиграции были поставлены на регулярную основу.

После принятия иммиграционного Закона 1917 года в США была установлена визовая система. Отдел выдачи виз находился в Бюро по гражданству, а позднее стал частью отдела паспортного контроля. Выдача виз и разрешений на въезд в страну сразу была передана на усмотрение консулов. Они были обязаны основываться на результатах первичной проверки иностранца. После

фактического запрета на азиатскую иммиграцию, введенного Законом 1917 года, и с учетом свободного бесконтрольного доступа в США жителей Западного полушария было очевидно, что американским консулам при выдаче виз приходилось иметь дело преимущественно с гражданами европейских стран.

Налаживалось взаимодействие между консульской службой и Министерством торговли и труда, прежде всего заграничными представительствами последнего. Здесь также происходил обмен собранными данными, регистрировался круг лиц, «нежелательных» для приема на территории США, а также определялись регионы страны, где положение на рынках труда позволяло принимать иностранных переселенцев.

В Европе значительная часть нагрузки американских консулов складывалась из работы с иностранцами, намеревавшимися с различными целями посетить США. Выполнение функций по защите американского бизнеса и деловых интересов американских граждан не занимало много времени. Такое положение стало возможно ввиду того, что степень активности североамериканского бизнеса на европейских континентальных рынках была несопоставимо более низкой, чем в Латинской Америке или Канаде. Решение экономических проблем и защита прав американских предпринимателей занимали в работе европейских консульств США меньший объем еще и потому, что эмиграция из Америки и выезд за границу более или менее значительных групп американских граждан до 1908 года, когда это потребовало отдельного учета, считались незначительными и воспринимались скорее как исключение, чем правило.

В свою очередь, отсутствие каких-либо ограничительных процедур для въезда иммигрантов с территории соседей по сухопутным границам США – Мексики и входившей в состав Британского Содружества Канады – снижало объем процедурной нагрузки. Это позволяло американским консулам в этих регионах вплотную заниматься решением поставленных перед ними экономических задач, сбором необходимой коммерческой информации и обеспечением благоприятных условий для американской внешней торговли на этих территориях. Освобождение консульств от части нагрузки, связанной с решением иммиграционных проблем в Европе, и передача ответственности за их решение Министер-

ству торговли и труда должны были стимулировать консульскую активность в экономической сфере. С этой целью американский Конгресс охотно вотирует консульскую службу США.

Литература

1. *Закаурцева Т.А.* Европейская политика США в 1877–1917 гг. (внешнеполитическое влияние фактора иммиграции): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2000.
2. *Durch P.* Elites in American History. – Vol. 2. The Civil War to the New Deal. – N.Y., 1981. – P. 320–321.
3. *Hawthorne J.A.* Side Issue of Expansion // Forum. – 1899, June. – Vol. 2. – P. 441–444.
4. *Jones Ch.L.* The Evolution of Personnel System of the US Foreign Affairs. The Consular Service of the United States. Its History and Activities. – Philadelphia: Publ. of the University of Pennsylvania, 1906. – No. 18.
5. *McForland Y.W.* Mugwamps, Morals and Politics, 1884–1920. –Amherst: University of Massachusetts Pr., 1975.
6. *Sparks E.E.* The Expansion of the American People Social and Territorial. – Chicago: Scott, Foreman and Co., 1900.
7. *Straus O.* Under Four Administrations // From Cleveland to Taft. – Boston and N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1922.
8. US Department of State. Diplomatic and Consular Service of the United States Corrected to January 1910. – Washington: G.P.O., 1910.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Гришаева Лидия Евгеньевна,

доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
Москва.

E-mail: felixg@netbynet.ru

Lidiya E. Grishaeva,

Doctor of History, Professor,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow.

E-mail: felixg@netbynet.ru

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

RUSSIA'S FOREIGN POLICY STRATEGY: CONCEPTUAL FRAMEWORK

Аннотация: опубликованная в 2019 году монография профессора Дипломатической академии МИД России М.А. Неймарка «Эволюция внешнеполитической стратегии России» посвящена изучению трансформации внешнеполитической стратегии Российской Федерации с 1991 года. Данный научный труд представляет собой фундаментальное исследование концептуальных основ внешнеполитической стратегии России. Автор монографии выявляет основные этапы эволюции современной российской внешней политики, дает характеристику основополагающим внешнеполитическим документам.

Ключевые слова: Российская Федерация, внешняя политика, концептуальные основы, Концепция внешней политики, Стратегия национальной безопасности.

Abstract: published in 2019, the monograph "Evolution of Russia's foreign policy strategy" by M. A. neymark, Professor of the Diplomatic Academy of the Russian foreign Ministry, is devoted to the study of the transformation of the Russian Federation's foreign policy strategy since 1991. This research work is a fundamental study of the conceptual foundations of Russia's foreign policy strategy. The author of the monograph identifies the main stages of the evolution of modern Russian foreign policy and gives a description of the fundamental foreign policy documents.

Key words: Russian Federation, foreign policy, conceptual framework, foreign policy Concept, national security Strategy.

Недавно вышедшая в свет монография профессора М.А. Неймарка «Эволюция внешнеполитической стратегии России» [2] представляет собой реализацию нового исследовательского подхода к изучению становления и эволюции внешнеполитической стратегии развития современной России. Автор исследует в систематизированном виде изменения, которые претерпели концептуальные основы современной российской внешней политики с момента ее становления до наших дней. Исследование профессора М.А. Неймарка основано на изучении обширного источникового материала: в монографии проведен обстоятельный сравнительный анализ всех редакций Концепции внешней политики России, Стратегии национальной безопасности, Военной доктрины, Доктрины информационной безопасности и других основополагающих документов, оказавших существенное влияние на выработку и совершенствование внешнеполитической стратегии современного Российского государства. Автор прослеживает эволюцию геополитического статуса России и приводит документально подтвержденные доказательства, отражающие усиление ее позиций и роли в глобальной политике. Таким образом, актуальность поставленной в работе научной проблемы вполне достаточна и показательна, поскольку автор проводит анализ глубинных последствий распада СССР в свете системных политических изменений в мире, остро ощущаемых и в настоящее время. Автор особо отмечает, что подобный исторический катаклизм не имел аналогов в истории, поскольку он произошел не вследствие мировых войн, а в мирных условиях, и вызвал внезапное, исторически одномоментное, резкое изменение геополитической ситуации во всем мире. В работе выявляются основные факторы и причины, приведшие к уникальной по своей сути системной геополитической трансформации. Автор подчеркивает, что не имеющий прецедента столь стремительный «обратный формационный скачок» [2, с. 5] от «реального социализма» к «реальному капитализму» предопределил ту поспешность, с которой была обозначена установка на «одностороннюю стратегическую конвергенцию» [2, с. 5] России с Западом. В связи с этим принципиальное возражение автора вызывает существующая в литературе точка зрения, сводящая совокупность множественных факторов и причин исчезновения Советского Союза и его «об-

ратного» формационного скачка от социализма к капитализму лишь к ошибкам и промахам дипломатии. Ошибочно, по мнению автора, считать, что к краху коммунизма привела именно дипломатия, поскольку «центром принятия стратегических внешнеполитических решений дипломатия не была» [2, с. 5], они определялись не Министерством иностранных дел СССР, а ЦК КПСС, то есть руководящими партийными органами. И здесь надо было бы добавить, что именно с помощью Коммунистической партии, пришедшей к власти, и была создана административно-командная социалистическая система, составлявшая основу советского государства, а советская дипломатия лишь выполняла функции по проведению в жизнь не только государственных, геополитических, но зачастую именно классовых партийных интересов.

Очевидно, что автор является приверженцем стройного формационного подхода, который подразумевает исследование состояния и развития общества, закономерностей смены исторических типов государств с точки зрения качественных изменений в экономическом базисе общества, его производственных отношениях и классовой структуре. Формационный подход обосновывает, что в основе развития общества лежит социально-экономическая формация, которая учитывает уровень развития производительных сил, характер собственности и целый ряд других аспектов экономических и социальных отношений. Исходя из этого, автор полагает, что решающее и долговременное воздействие на формирование российской внешней политики оказали «неодолимые в краткий срок объективные факторы» [2, с. 5]. Справедливо утверждение автора о том, что «свобода инициативы в международных делах и геополитической самоидентификации нового государства, то есть Российской Федерации, жестко ограничивалась ее сократившимися внутренними и внешними возможностями [2, с. 5–6]. Автор соглашается с мнением ряда исследователей о том, что нельзя было ожидать быстрого подъема авторитета на мировой арене страны, находившейся в состоянии глубокого экономического кризиса и политической нестабильности [2, с. 6]. М.А. Неймарк подчеркивает, что самым трудным для Российского государства в тех условиях было переосмыслить прежние подходы и в кратчайшие сроки выработать саму методологию формирования концептуальных ос-

нов внешней политики России, на основе которой следовало вести поиски взаимосвязанных ответов на вопросы, имевших для нее стратегическое значение, главными из которых были:

- определение характера новой (постъялтинской) системы международных отношений;
- выявление адекватных места и роли России в социально-политическом отношении как субъекта этой системы;
- выяснение основных черт и характеристик геополитического положения России в этой системе;
- установление того, на какой арсенал средств могла реально опереться внешняя политика России в обозримом будущем; и т.д. [2, с. 8].

Автор признает, что осознать адекватно, в полной мере гигантский геополитический сдвиг в столь ограниченное время, которое отводилось для проработки первых концептуальных основ внешней политики России, было, конечно, невозможно. Надо было, по сути, заново осмыслить весь комплекс факторов, определяющих параметры, основные тенденции и содержательное наполнение установок в отношении разных стран и регионов, наметить и зафиксировать меры, направленные на противодействие реальным и потенциальным угрозам и решение острейших проблем и конфликтных ситуаций, как ожидаемых, так и непредвиденных [2, с. 8]. Между тем автор критикует заявленный тогдашним новым руководством МИД России исходный концептуальный подход к его последующим действиям, основанный на полярных идеологических противопоставлениях, суть которых сводилась к тому, что западные демократии естественным образом сразу же станут союзниками России, провозгласившей отказ от тоталитарного коммунистического прошлого [2, с. 8]. Ошибочным, по мнению автора, было утверждение тогдашнего руководства МИД России о том, что, несмотря на резкое ослабление позиций России в мире, национально-государственные интересы России и Запада в силу общих демократических убеждений «не только не сталкиваются, но и взаимодополняют друг друга в подавляющем большинстве международных вопросов» [2, с. 8]. Более того, искусственно уравнивая далеко не равноценные в тот период геополитические потенциалы России и США, утверждалось, что существуют исторически обусловленные возможности

совместно влиять на ход мировых дел в качестве катализатора глобального партнерства [2, с. 8–9]. Дальнейшее развитие событий показало, что это были иллюзии, не подкрепленные сильной экономикой и геополитической стабильностью Российского государства.

Надо согласиться с тем, что представления о том, что сам по себе провозглашенный отказ от советского политического строя, административно-командной системы экономики и стремление к демократическому развитию сразу заставят Запад уступить России выгодные рынки сбыта продукции, передать ей передовые технологии и предоставить ей возможность получать равноценную прибыль от мировой торговли на паритетных началах, были лишь иллюзорным желанием российских властей, выдаваемым ими за действительность. Получается, что у российского руководства не было ни малейшего представления о том, что рынок по своей сути циничен и в его основе заложено стремление беспощадно избавляться от слабых и неконкурентоспособных партнеров. Не было также понимания того, что сильные высокоразвитые, доминирующие экономически и финансово государства естественным для себя образом присваивают себе право безвозмездно распоряжаться ресурсами стран с ослабленной экономикой в целях получения прибыли. Более того, они стремятся ограничить государственный суверенитет слабых государств, декларируя «безвозмездное» содействие проведению там демократических реформ, по существу для собственной выгоды, а на самом деле просто навязывают слабым государствам модель развития исключительно по своему собственному сценарию и силу своего понимания сути демократических процессов, а на практике – вассальную или даже колониальную модель государственного управления и устройства. По мнению автора, выбранный курс реформ и методов их осуществления не помог стране выйти из глубокого экономического кризиса прежде всего потому, что с самого начала была сделана ошибочная ставка на решающую роль иностранной помощи, а не на стимулирование внутреннего развития экономики [2, с. 10]. Дело в том, что, во-первых, западные эксперты не были знакомы с российскими реалиями, поскольку прецедентов, подобных российскому, в мире просто не существовало, как по масштабам, так и по самой сути,

а во-вторых, практически львиная доля прибыли от их зачастую весьма субъективных экспертных оценок уходила самим экспертам, поскольку это соответствовало мировой практике оказания экспертных услуг, тем более что Россия остро нуждалась в передовых западных технологиях, самостоятельный опыт внедрения которых у нее отсутствовал. Кстати, критический подход к сложившейся ситуации с иностранной помощью России выражали даже некоторые западные политики, например Э. Бжезинский, которые никогда раньше не были замечены в проявлении к России каких-либо симпатий.

Автор констатирует, что распад конфронтационной двухполюсной мировой системы в результате исчезновения СССР как сверхдержавы обозначил новый статус и формат положения России в мире, в результате чего внешнеполитические позиции страны резко ослабли. Поэтому, как справедливо замечает автор, предстояло фактически заново обеспечить стране достойное место в системе мировых геополитических координат [2, с. 11]. И здесь надо пояснить, чем был обусловлен статус великой державы СССР. Очевидно, что в первую очередь это был ядерный статус, а не только огромная территория, неисчерпаемые ресурсы и люди, готовые трудиться даже бесплатно, исключительно на одном энтузиазме.

Важен вывод М.А. Неймарка о том, что с установлением после распада СССР однополярного мира, когда доминирование США стало глобально наступательным, цена геополитических издержек подобной российской установки в условиях резко ослабившегося государственного потенциала России оказалась чрезвычайно высокой [2, с. 11]. Как отмечает исследователь, в результате кардинально изменившейся конфигурации геополитического пространства, отражавшей явный дисбаланс сил в пользу США, создавалась опасность для российской суверенной самостоятельности как высоко значимого субъекта международных отношений [2, с. 11]. Всё это отразилось на выработке Концепции 1993 года (Концепция–1993), требовавшей в максимальной степени учитывать множество особенностей, связанных, в том числе, с обеспечением национальной безопасности, что, по мнению автора, не в полной мере учитывалось российским руководством [2, с. 16–17]. Многие заблуждения и ошибки

тех, кто стоял у истоков выработки Концепции–1993, были объективно неизбежны [2, с. 16] и обусловлены объективными обстоятельствами, но вместе с тем они зачастую были вызваны субъективными факторами. Тем не менее надежды на помощь Запада и его содействие в приеме России на привилегированных условиях в ведущие международные организации (МВФ, ОЭСР, ЕС, G-7 и даже НАТО) были весьма наивными, а оптимистические представления об изменении геостратегической ситуации в ее пользу были крайне поверхностными [2, с. 17]. В результате оптимистические прогнозы российских руководителей были построены не на реальном знании Запада и адекватной оценке сути рыночных отношений, а исходя в основном из «иллюзий и политической конъюнктуры» [2, с. 17] и основываясь, по сути дела, на «дилетантском представлении» о процессе глобализации.

М.А. Неймарк полагает, что концептуальную тональность первой доктринальной модели внешней политики России предопределил «американоцентричный стержень» [2, с. 21]. В отношениях с США главной была установка «на стратегическое партнерство, а в перспективе – на союзничество», при этом оговаривалось, что это не означает полной бесконфликтности и отсутствия разногласий. В сфере безопасности главной чертой нового партнерства стал переход к сотрудничеству на уровне военного планирования и военного строительства.

На наш взгляд, это было объяснимо, поскольку Россия, несмотря на временное экономическое ослабление, оставалась страной с мощным ядерным потенциалом, сохранялся также ядерный стратегический паритет сторон, и, таким образом, конфронтация на ядерном уровне была недопустима, ее никто не планировал. Другое дело, что США, опираясь на свое геополитическое доминирование, экономическое и научно-техническое превосходство, вполне могли рассчитывать на экономическое удушение России, что отчетливо проявилось в дальнейшем и приняло форму ужесточения экономических санкций и финансовых ограничений. Между тем, автор прав в том, что представление о конце конфронтации между двумя сторонами было явно ошибочным [2, с. 25]. Таким образом, целевая установка на достижение большей открытости в военной сфере подвергается автором сомнению. Он полагает, что это ставило оборонный комплекс России

под односторонний контроль США [2, с. 25–26]. И действительно, в российско-американском партнерстве не было выработано совместного действенного механизма принятия решений, равно как и механизма реализации решений на равноправной основе [2, с. 26]. Конечно, в такой ситуации баланс сил размывался, и российская сторона ставилась в зависимость от реализации американских, а не национальных интересов. Именно это и позволило США утвердиться в качестве победителя в противоборстве двух систем. В этой части утверждение автора верно. В то же время, на наш взгляд, военное превосходство, равно как и ядерный паритет сторон, объективно должно подкрепляться мощным экономическим потенциалом, в чем и состояло преимущество США, тогда как экономический потенциал России был ослаблен. Вместе с тем надо согласиться, что проводить свою политику полностью в русле американской было крайне рискованно и ошибочно, поскольку США поддерживать российский ракетно-ядерный комплекс не собирались, а ослабленная Россия была им отчасти даже выгодна в плане устранения потенциального конкурента в мировых рыночных отношениях.

Таким образом, справедлив авторский вывод о том, что вписаться концептуально, на системном уровне перспективных программных установок, в реальности постконфронтационного мира оказалось очень трудно [2, с. 28]. Автор объясняет это тем, что отказ от базовых идеологем советского прошлого в международных отношениях сменился резкой переориентацией на прямо противоположные концептуальные векторы, рассчитанные на вхождение России в клуб наиболее влиятельных стран Запада, ранжированных по шкале геополитического влияния [2, с. 29]. Однако, и он в этом прав, оценочные позиции относительно готовности коллективного Запада во главе с США к равноправному диалогу с Россией, опиравшиеся на переизбыток завышенных ожиданий, были во многом умозрительными [2, с. 29]. Одновременно, по мнению автора, сказывались ошибочные представления российского руководства о грядущем формировании ценностей однородности международной среды и надежды на устранение былых геополитических антагонизмов [2, с. 29].

Главной причиной такого рода представлений руководства Российского государства М.А. Неймарк считает сохранение

инерционных представлений о геополитическом весе, силе и влиянии Российской Федерации как государства – преемника СССР, несмотря на растущую асимметрию наличных потенциалов и реальных ресурсов России и США [2, с. 29]. И именно это представление внешней политики страны отразилось в первой Концепции–1993 в отличие от последующих четырех ее редакций [2, с. 29]. И в этой части необходимо было пояснить, какой именно потенциал имеет в виду автор. Если речь идет об экономическом потенциале, то это, действительно, так. А если подразумевается ядерный стратегический потенциал, то здесь надо помнить, что бывшие советские республики (Казахстан, Украина и Белоруссия), на территории которых находилась часть ядерного вооружения СССР, после распада Советского Союза (к 1994 г. – Казахстан, а к 1996 г. – Украина и Белоруссия) передали его России согласно подписанному в 1992 году Лиссабонскому протоколу. Таким образом, ядерный потенциал государства был сохранен, и с его помощью можно было поддерживать безопасность России, тем более что в прямое военное столкновение на ядерном уровне ввиду достигнутого ранее военно-стратегического паритета сторон с Российской Федерацией никто вступать не собирался, да и глобальная война никому не была нужна. Бесконтрольными ядерные арсеналы было оставлять опасно, и США это прекрасно осознавали. Вместе с тем подчинить себе российскую военную мощь, устраняя с международной арены потенциального противника и одновременно участника рынков вооружений, было для США выгодно. Иными словами, целью США было не вступать с Россией в войну, а просто удушить ее экономически, что, собственно, они и делали. Конечно, ситуация в военной сфере складывалась тяжелая. Так, вероятность ожидаемого распада СССР, а также тенденции к суверенитету в некоторых союзных республиках в 1991 году сопровождались призывами к созданию в них собственных вооруженных сил на основе формирования Советской армии, что послужило началом исторического процесса раздела бывших Вооруженных Сил СССР между союзными республиками, начавшийся в середине 1991 года и продолжившийся после распада СССР между участниками Содружества Независимых Государств (СНГ). Таким образом, процесс перехода к стратегической стабильности Российской Федерации в ре-

альности проходил гораздо сложнее, а сама Концепция–1993 эту сложность не учитывала в полной мере.

Автор определяет метод осуществления первых попыток доктринального обеспечения внешней политики России как метод «проб и ошибок» [2, с. 31] и на основе проведенного анализа дает двоякую оценку Концепции–1993 [2, с. 50]. Этот первый программный документ внешней политики России дает возможность, с одной стороны, адекватно оценить путь, пройденный с тех пор нашей страной, то принципиально новое, что отличает нынешний этап ее развития от состояния в начале 1990-х годов, а с другой – уяснить в хронологическом сопоставлении характер и направленность концептуального обновления российской дипломатии, ее адаптационный потенциал, готовность максимально использовать имеющиеся ресурсы в стратегических интересах страны [2, с. 50]. Автор подчеркивает, что со времени принятия внешнеполитической Концепции–1993 российская дипломатия прошла большой путь, отмеченный значительными вехами ее концептуально-аналитической и геополитической зрелости [2, с. 50]. Таким образом, важно, что М.А. Неймарк обращается к истокам формирования концептуальной базы международной деятельности России и прослеживает процесс ее дальнейшего совершенствования.

Автор уверен, что в анализируемый период с его переходным характером международных отношений ослабленная Россия не имела реальных возможностей настаивать в международном сообществе на своем видении проблем ни в одном принципиальном вопросе глобальной политики [2, с. 61]. Одним из факторов этого ученый считает ограничение возможности использования права вето в Совете Безопасности ООН (СБ ООН) при общем снижении роли ООН. Однако нельзя полностью согласиться с этим авторским утверждением. Применение права вето в СБ ООН нельзя юридически ограничить в принципе, поскольку СССР, а теперь Россия является государством – учредителем ООН, постоянным членом СБ ООН с правом вето, которое четко прописано в Уставе ООН, принятом в 1945 году. Другое дело, что Российская Федерация, действительно, стала реже применять право вето, именно учитывая все риски от втягивания в разрешение международных конфликтов и проводя политику достижения

компромиссов в целях недопущения перерастания международных региональных конфликтов в конфликт глобальный. Отметим, что США со своей стороны также стали меньше применять право вето, однако по совершенно иным причинам: они всегда недооценивали роль СБ ООН и зачастую, если с ними были не согласны другие члены СБ ООН, просто действовали в обход решений СБ ООН, то есть игнорировали правовые международные процедуры или блокировали российские предложения в целях проведения через СБ ООН решений в своих собственных интересах. Однако в том и состоит суть нормативных положений, закрепленных в Уставе ООН, что принять обязательное решение в СБ ООН в одностороннем порядке в принципе невозможно. Иными словами, полицентричность состава СБ ООН позволяет сохранять «баланс сил» и ветировать решения, несущие угрозы всеобщей безопасности. И в таких случаях Россия использовала право вето, несмотря на свое временное экономическое ослабление. И ООН благодаря праву вето предотвращает глобальную войну уже 75 лет в интересах всех, а не отдельных государств.

А вот с предотвращением и разрешением региональных международных конфликтов ООН, действительно, справляется плохо. Происходит это из-за противоречивого и двоякого характера некоторых принципов международного права, правоприменительные нормы которых до сих пор ясно и четко не прописаны. Этим, собственно, и пользуются США, применяя «двойные стандарты» в мировой политике. И именно поэтому сфера урегулирования международных конфликтов (миротворчество) ООН является самой уязвимой в настоящее время. Между тем только по этому роду деятельности нельзя судить о ненужности ООН в целом ввиду незыблемости основ международного права и осознания того, что положения Устава ООН предоставляют возможность урегулировать конфликты на основе легитимности. «Ничего лучше ООН пока никто еще не придумал», – отмечает С.В. Лавров. Иными словами, видимое ослабление ООН – сложный процесс, и причины его, на наш взгляд, требуют более глубокого обоснования. К тому же данное соображение не противоречит авторскому выводу о необходимости сохранения в полицентричном мире стержневой координирующей роли ООН [2, с. 319]. Хотелось бы получить разъяснения по поводу того, каким образом

можно сохранить и усовершенствовать эту всемирную организацию, призванную выполнять важные функции по сохранению всеобщего мира и поддержанию международной безопасности в условиях глобализации. Вместе с тем ясно следующее: слабые субъективные позиции сторон в СБ ООН, нежелание идти на компромиссы, несоблюдение норм международного права, содержащихся в Уставе ООН, – вот то, что ослабляет ООН, а во все не слабость Организации Объединенных Наций сама по себе. ООН будет сильной в полной мере только тогда, когда ее государства-члены будут иметь объективно сильные позиции и смогут отстаивать их в интересах всех стран в целях сохранения мира. Именно в этом состоит предназначение ООН – единственной в мире организации, всеобъемлющей по своему составу и обладающей универсальными компетенциями для решения глобальных проблем.

Автор прав, когда утверждает, что вхождение новой России в глобальные экономические процессы существенно осложнял объективный фактор – смена технологического уклада, которая в условиях усиливающейся конкуренции в мире делала еще более уязвимой экономику и, соответственно, внутреннюю и внешнюю политику России [2, с. 61]. В этой связи наиболее показательным является авторский раздел о внешней политике России в условиях внешних санкций [2, с. 135–170], где прослеживается процесс концептуальной к ним адаптации. Оценивая внешнеполитическую Концепцию 2016 года (Концепцию–2016), автор констатирует появление нового концептуального качества российской внешней политики. В рассматриваемом документе, действительно, синтезированы все те изменения в мировой политике и международных отношениях, которые прямо или опосредованно затрагивают национальные интересы России. Автор справедливо считает, что обновление Концепции явилось адекватной аналитической реакцией на обострение кризиса в отношениях Запада и России после 2014 г., многие проявления которого имеют все признаки долгосрочно-системного характера. Автор осмысливает особенности эволюции внешнеполитической стратегии России в ее разных циклах и периодах и отмечает ее просчеты и достижения. Он убежден, что Концепция–2016 основательно заполнила те пробелы, кото-

рые образовались на протяжении предшествующих десятилетий в концептуально-аналитическом осмыслении целей, задач и приоритетов внешней политики России в условиях сложнейшей трансформации мирового порядка. Она позволила выявить специфические особенности и противоречивые тенденции в развитии современных геополитических процессов. В Концепции–2016 точно определены новые вызовы и угрозы для России, а также возможности и перспективы эффективного противодействия им [2, с. 170]. Это очень важное замечание по результатам проведенного анализа.

Автор анализирует также эволюцию выработки стратегии национальной безопасности России на основании основополагающих документов, начиная с Концепции национальной безопасности России (1997 г.) до Концепции национальной безопасности до 2020 года, принятой в 2009 г. При этом автор теоретически выявляет основные отличия Концепции от Стратегии, что характеризует существенное обогащение документа (Концепции национальной безопасности – 2009), главным положением которого был тезис «Безопасность через развитие» [2, с. 177]. Неймарк подчеркивает, что наивно полагать, что безопасность России во всех измерениях (суверенитет, независимость, территориальная целостность) можно обеспечить лишь политическими средствами. Автор полагает, что на основе всего предшествующего исторического опыта Стратегия национальной безопасности 2015 года (Стратегия–2015) четко регламентировалась Законом об основах стратегического планирования (2024 г.), в котором определялись параметры и сроки обновления стратегии национальной безопасности России [2, с. 183]. Всё то новое, что появилось в этом документе стало возможным прежде всего потому, что страна доказала возможность к обеспечению суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности. И, что особенно важно, она проявила способность к сохранению и укреплению своего потенциала в условиях нестабильности мировой экономики и применения ограничительных экономических мер, введенных западными странами против России [2, с. 194].

Ученый анализирует также доктринальные основы военной безопасности России [2, с. 193–202], поскольку военная состав-

ляющая занимает важнейшее место в Стратегии национальной безопасности 2000 года, имеющей оборонительный характер. В свою очередь, состояние и перспективы развития глобальной военно-политической обстановки увязываются с качественным совершенствованием средств, форм и способов вооружений. Автор указывает также, что в новой редакции Военной доктрины Российской Федерации (2010 г.) произошли существенные изменения. Во-первых, она стала представлять систему официальных взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту страны; во-вторых, впервые выделена практическая значимость военной теории, на положениях которой основаны Военная доктрина и ее дальнейшее развитие; в-третьих, впервые в систематизированном виде в документе сформулированы официально принятые профильные основополагающие понятия [2, с. 194–195]. В документе зафиксированы основные внешние военные опасности [2, с. 200]. И, главное, впервые в систематизированном виде определены особенности современных военных конфликтов, такие как комплексное применение военной силы, политических, экономических, информационных и иных мер невоенного характера, массированное применение систем вооружения высокоточного характера, и т.д. [2, с. 201].

Автор отмечает, что в Стратегии–2015 особое внимание уделено ядерному оружию, которое остается важным фактором предотвращения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения. При этом в документе подчеркивается, что недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, положено в основу военной политики России. Впервые в этом документе специально оговаривается, что Россия оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против России с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства. Среди основных задач России по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов в документе выделяются первоочередные:

- поддержание глобальной и региональной стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне;

- нейтрализация возможных военных опасностей и военных угроз политическими, дипломатическими и иными невоенными средствами;
- поддержание равноправного диалога в сфере европейской безопасности с Евросоюзом и НАТО; и т.д.

В задачи исследования входит анализ теоретических доктринальных основ, содержащихся в указанных документах. И в этом плане автор применил классический исторический подход, на основе которого раскрыл эволюцию основ безопасности России практически во всех сферах.

Отдельный раздел в работе посвящен анализу основ национальной безопасности России в информационной сфере [2, с. 203–211] в глобальной и мировой политике. Свои выводы исследователь подтверждает положениями, содержащимися в Федеральном законе от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», в котором определены категории критической информационной инфраструктуры по степени их значимости. Автор отмечает, что в Законе четко прописаны права и обязанности субъектов критической информационной инфраструктуры, механизмы обеспечения системы безопасности, требования, предъявляемые в этой сфере, а также функции государственного контроля за обеспечением безопасности значимых объектов критической информационной инфраструктуры страны и ответственность за нарушение данного Закона. Тем самым, по мнению ученого, информационная безопасность России получила целостное доктринальное обеспечение, учитывающее всю совокупность новых вызовов и угроз [2, с. 210–211].

Заслуживает положительной оценки специальный раздел монографии М.А. Неймарка посвящен проблеме культуры как важнейшему геополитическому ресурсу национальной безопасности России [2, с. 212–227]. Логическим продолжением является раздел о миграционной политике в контексте национальной безопасности, которая для России имеет особую значимость и свои геополитические особенности в связи с распадом СССР и отсечением оставшегося за рубежом русского и русскоязычного населения. Россия представляет собой огромный потенциал в плане экономической привлекательности, языковой общности,

воздействия на формирование положительного образа России как важного члена мирового сообщества. Не обходит стороной автор и острые проблемы, связанные с миграцией населения, которые еще предстоит решать нашему государству.

В итоге автор приходит к вполне обоснованным выводам [2, с. 240–241] о том, что эволюция концептуальных основ национальной безопасности России, обоснование и расширение формата ее базовых составляющих наглядно свидетельствуют о преодолении тяжелого наследия начала постсоветского периода, усилении геополитических позиций страны, подтверждении ее ресурсных возможностей в качестве одного из ведущих участников мировой политики и международных отношений. Ценнейший опыт, включая негативный, по мнению автора, позволил сформировать в Стратегии–2015 целостную систему национальных интересов и стратегических приоритетов, отвечающих ключевым задачам развития России на долгосрочную перспективу. Ученый справедливо полагает, что выработанный документ отличает геополитическая зрелость, адаптированные к современным реалиям политико-методологические подходы, доктринальная глубина и концептуальная новизна, что наглядно свидетельствует о том, как далеко продвинулась Россия в сфере обеспечения национальной безопасности. Автор убежден, что Стратегия–2015 представляет собой аналитически отработанную и программно выстроенную, сбалансированную политически, экономически и с военной точки зрения позицию, не допускающую деструктивного воздействия внешних и внутренних сил на государственную суверенность России. Можно вполне согласиться с М.А. Неймарком в том, что выработанные в ней целостные установки и меры, безусловно, способствуют накоплению опыта противодействия западным антироссийским санкциям и выработке системы адекватного реагирования на них [1]. Автор справедливо полагает, что в обновленном виде современная Стратегия национальной безопасности приобрела важнейшую практико-политическую черту – адаптационную гибкость, позволяющую ей развиваться дальше не по «упрощенно-конъюнктурным лекалам», а на стратегически принципиальной основе, учитывая то новое, что привносит реальная жизнь с ее коллизиями и противоречиями, а также особенности отнюдь не линей-

ных событийных потоков в глубоко трансформирующемся мире [2, с. 241]. Эти положения убедительно и на доказательном уровне проанализированы в монографии М.А. Неймарка. Более того, автор не только анализирует исторический опыт, но и пишет о перспективах изменения геополитического статуса России в мировой политике [2, с. 242–291]. В этом заключительном разделе ученый в развернутом виде обосновывает понятие «великая держава». Справедливо утверждение автора о том, что «великая держава» – это государство, сохраняющее очень высокую (или абсолютную) степень самостоятельности в проведении внутренней и внешней политики, не только обеспечивающей национальные интересы, но и оказывающей существенное (в разной степени вплоть до решающего) влияние на мировую и региональную политику и политику отдельных стран (мирорегулирующая деятельность), и обладающее всеми или значительной частью традиционных параметров «великой державы» (территория, население, природные ресурсы, военный потенциал, экономический потенциал, интеллектуальный и культурный потенциал, научно-технический потенциал, иногда выделяют информационный потенциал) [2, с. 242–243].

Соглашаясь в принципе с авторским мнением по этому вопросу, надо было бы акцентировать внимание на том, какой именно из перечисленных параметров является главным. На основе анализа документов автор монографии делает вывод о том, что в мировой политике Россия занимает одну из лидирующих позиций [2, с. 244], что требует постоянного подтверждения. В работе констатируются изменения, которые претерпел геополитический статус России после распада СССР, и то, как заново обеспечивалось достойное место Российского государства в системе мировых геополитических координат.

В силу выделенных в монографии объективных факторов и обстоятельств Россия, по мнению М.А. Неймарка, будет играть роль, соответствующую ее геополитическому статусу, растущим возможностям и потенциалу [2, с. 318].

Развивая концепцию, впервые высказанную видным политическим и государственным деятелем Е.М. Примаковым, автор считает, что рациональной и эффективной моделью нового миропорядка будет полицентричный мир с неизбежными элемен-

тами асимметрии при сохранении стержневой координирующей роли ООН [2, с. 319]. В заключении монографии высказывается оптимистичное и справедливое мнение о том, что укрепление в целом в последнее десятилетие международных позиций России, несопоставимое по значимости и весомости с тяжелейшим предшествующим периодом 1990-х годов, подтверждает, что в новом мировом порядке у нашей страны есть все шансы занять в нем достойное место, соответствующее ее геополитическому статусу, мощному потенциалу и ресурсам.

Монография М.А. Неймарка ориентирована в основном на специалистов-историков, политологов-международников и т.д. Научность, новизна, завершенность исследования, обоснованность выводов и результатов в монографии представлены на высоком научно-исследовательском уровне. Теоретическая значимость работы несомненна. И, хотя эта монография написана сложным научным языком, на очень серьезные темы и основана на глубоком философском методологическом подходе к осмыслению поставленной проблемы, вне всякого сомнения она вызовет интерес у широкого круга читателей, интересующихся мировой политикой, международными отношениями, а главное, желающих осмыслить суть и проследить эволюцию внешнеполитической стратегии России.

Литература

1. *Гришаева Л.Е.* Пульс санкций: российский исторический аспект. – М.: ОнтоПринт, 2017. – 250 с.
2. *Неймарк М.А.* Эволюция внешнеполитической стратегии России. – М.: Проспект, 2020. – 320 с.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

Для каждой статьи **обязательна рецензия**, подписанная специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Для статей **аспирантов и соискателей** необходима рецензия научного руководителя.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка литературы.** Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– для книжных изданий: Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.) – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– для периодических изданий: Автор статьи. Название // Издание. Год. Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. С. 00–00;

– для интернет-источников:

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах.

Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию по статье.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;

- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2020. № 1 (23)

Редактор *Н.В. Багрова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *Т.А. Пробыловой*
Художественный редактор *В.Р. Димухамедова*

Подписано в печать 05.03.2020. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 15,125.
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5

